

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2017

№ 11

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.М. Мокненко (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko (Saint-Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Булдыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики	5
Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ.....	20
Федотова К.С. Поэтонимология как новое направление авторской лексикографии	39

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Иванцова Е.В. Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития	54
Качинская И.Б., Сичинава Д.В. О Корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка	71
Ойроткинова Н.Р. Этимология и семантика алтайских демонимов: материалы к лингвокультурологическому словарю	86
Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингов Южной Сибири: типологически релевантные признаки.....	105

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гридина Т.А. Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект.....	119
Грязнова В.М. Словарное толкование имен со значением «род занятий / ремесло» как источник социокультурной информации (на материале словарей XIX в.)	132

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Сидоренко К.П. Русское лексикографическое пространство в алфавитном порядке. Рецензия на книгу: Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга.....	143
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149
----------------------------------	-----

C O N T E N T S

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A. The national-cultural component in the semantics of words and ways of presenting it in a database of pragmatically marked vocabulary	5
Kochergina K.S. Stylistic labels in dictionaries of the modern Russian language: a comparative analysis	20
Fedotova K.S. Poetonymography as a new field of author lexicography	39

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Ivantsova E.V. Tomsk Dialect Corpus: substantiation of the concept and prospects of development	54
Kachinskaya I.B., Sichinava D.V. On the Corpus of Dialectal Texts in the Russian National Corpus	71
Oynotkinova N.R. Etymology and semantics of Altai demonyms: materials for a linguocultural dictionary	86
Rezanova Z.I. Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs	105

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Gridina T.A., Konovalova N.I. Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect	119
Gryaznova V.M. Dictionary interpretation of names with the meaning of occupations, crafts as a source of socio-cultural information (based on the dictionaries of the 19th century)	132

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Sidorenko K.P. Russian lexicographic space in alphabetical order. Book review: Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. <i>Kto est' kto v russkoy leksikografii: spravochnaya kniga</i> [Who Is Who in Russian Lexicography: A Reference Book]	143
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	149
--	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'373+81'384
DOI: 10.17223/22274200/11/1

Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В БАЗЕ ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ¹

Целью настоящей статьи является разработка концепции лексикографической интерпретации прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка в компьютерной базе данных. Поставленная цель предполагает подготовку языкового материала для дальнейшей семантизации: описание структуры, содержания, вариативного потенциала и реализации прагматической семантики, а также способов лексикографического представления прагматического компонента в словарях разных типов. Национально-культурная семантика как составная прагматического макрокомпонента выявляется путем предварительного сопоставительного анализа, с помощью которого намечаются универсальные и уникальные характеристики слова.

Ключевые слова: структура прагматического макрокомпонента, динамические процессы, национально-культурный компонент, база данных русской прагматически маркированной лексики.

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относятся выявление прагматически маркированных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала.

Решение этих теоретических проблем является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

---

¹ База данных разработана при финансовой поддержке гранта РГНФ проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

В статье обсуждаются проблемы моделирования структуры, определения статуса прагматического макрокомпонента лексического значения и способы его лексикографирования. Мы используем традиционные методы семасиологического анализа слова, а также корпусные методы при формировании электронных словарных баз данных, разметку словарных статей с учетом возможных запросов пользователя.

Формируя словник электронной базы данных прагматически маркированной лексики, мы наметили более широкие границы русского словаря лексем, содержащих в своей семантике эмотивно-оценочные, идеологические, национально-культурные, социальные, гендерные, возрастные, статусные и другие компоненты, которые прямо или косвенно связаны с аксиологической сферой.

Нами систематизирован лексический материал, содержащий прагматические компоненты в значении слова: лексика распределена по разрядам в соответствии с доминирующим прагматическим компонентом.

Данная систематизация языкового материала позволила выявить и проанализировать структуру прагматического макрокомпонента, статус и возможные комбинации микрокомпонентов:

1) социальный компонент + оценочный (например, *плесень* в значении «о человеке ничтожном, презираемом в обществе; о группе таких людей»);

2) гендерный компонент + оценочный (например, *щебетать* в значении «говорить быстро, без умолку» имеет комментирующую помету «обычно о детях, молодых женщинах» и передает, кроме образности, гендерную, возрастную и оценочную семантику (шутливое, одобрительное отношение);

3) идеологический компонент (конфессиональный) + оценочный (например, слово *религия* – «взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа. <...>. Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии. Ленин. Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других,

нуждою и одиночеством. Ленин» (ТСУ)¹. Компонент «свой – чужой» связан по обыкновению в структуре прагматического макрокомпонента с аксиологическим содержанием, в подавляющем большинстве случаев отрицательным.

Идеологический компонент (политический) + оценочный. Ср.: *наши западные партнеры, наши европейские партнеры, наши американские партнеры*. Сочетание *западные партнеры*, применимое к политическим лидерам США и Западной Европы, в течение последних 15 лет практически утратило смысловые компоненты «равноправие, доверие, совместная деятельность, сотрудничество», приобрело идеологически окрашенное значение и на шкале «свой – чужой» перемещается в сторону семантики противостояния и вражды;

4) социальный + возрастной + оценочный (например, *молокосос* в значении «очень молодой, неопытный, не знающий жизни человек, иногда ведущий себя неуважительно по отношению к старшим»);

5) национально-культурный + оценочный + образный (например, наименования городских пространств в разных языках, символические цветовые значения, лексика вкусового и обонятельного восприятия, зоометафоры, фитометафоры и др.);

6) национально-культурный + гендерный + оценочный (в слове *мымра*, по данным словарей, дискурсного анализа и психолингвистического эксперимента, обнаруживается, кроме эмотивной оценки, гендерный и возрастной компоненты: *Глаза и нос живут отдельно. И эта мымра играла когда-то снегурочку?* (Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003);

7) национальный/этнический + социальный + оценочный и пр. (например, *чукча* «о наивном, простодушном, тупом человеке»).

Сквозной семой во всех названных выше комбинациях является эмоциональная или рациональная оценка.

Созданию базы данных предшествовало изучение способов лексикографической интерпретации прагматически маркированного слова в словарях разных типов (в том числе и словарях активного типа): типовые элементы дефиниции; комментирующие пометы;

---

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4 (ТСУ–1935).

система лексикографических помет (взаимодействие, совмещение функций и др.), специфика иллюстративного материала.

Особенности прагматической семантики и способы её лексикографирования в последнее время не раз рассматривались как особый объект словарной интерпретации (Ю.Д. Апресян, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина, Н.А. Лукьянова, О.А. Новоселова, Л.Н. Храмцова и др.). Так, Ю.Д. Апресян предложил зонное устройство словарной статьи, в которой информация о денотативном и прагматическом (коннотативном) компоненте была бы разнесена в разные зоны [1]. Сходную задачу распределения разнородной информации о слове по разным зонам, но для традиционной словарной статьи, как нам кажется, решал Д.Н. Ушаков: толкование (иногда приближенное к энциклопедическому) содержит информацию о денотативной семантике слова, а прагматически значимая информация чаще представлена в системе помет и иллюстративном материале (см., например, описание религиозной лексики).

По справедливому замечанию Ю.Н. Караулова, мировая лексикографическая практика не знает универсального словаря, который объединил бы в своем составе все параметры, всю информацию о данной языковой структуре, её функционировании [2]. В настоящее время отсутствуют ресурсы, позволяющие осуществлять поиск прагматически маркированной языковой единицы по семантической, прагматической, функциональной, стилистической характеристике, однако попытки синтезировать накопленный за последние годы опыт в моделировании прагматического компонента в семантике слова не прекращаются.

На наш взгляд, одним из инструментов, направленных на решение спорных вопросов прагматической семантики, является компьютерная база данных прагматически маркированной лексики, доступная для широкого круга пользователей: исследователей, лингвистов-экспертов, переводчиков и преподавателей русского языка, в том числе как неродного и иностранного. В создании компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики мы опираемся на российский и зарубежный опыт в корпусной и компьютерной лингвистике [3–7]. Разработка подобной электронной лексикографической системы представляется теоретически и практически значимой и обусловлена необходимостью исследования

тенденций развития современной практической компьютерной лексикографии не только в области технических решений, но и в области теории создания электронных лексикографических ресурсов с учетом содержания словарного материала (лингвистически релевантной информации) и достижений современной корпусной русистики.

База данных прагматически маркированной лексики формально и содержательно делится на две части. В первой части представлен лексикографический портрет прагматически маркированных слов, основанный на словарных толкованиях наиболее авторитетных словарей русского языка. Вторая часть (собственно «Словарь прагматически маркированной лексики») представляет собой подробное описание прагматической зоны значения слова, репрезентируемой в толковании лексического значения (ЛЗ), детализированной системой помет (включая комментирующие), специально подобранным иллюстративным материалом. Моделирование этого фрагмента базы опирается как на сведения словарей, так и на контекстуальный анализ лексем (по данным Национального корпуса русского языка, www.ruscorpora.ru), демонстрирующий устойчивые и частотные синтагматические связи. База позволяет дать целостное представление о слове, динамике развития его семантической структуры и устройстве прагматического макрокомпонента.

Создание базы данных требует жесткой организации и высокого уровня формализации описания элементов. Поэтому появлению указанного электронного продукта предшествовали выработка критериев отбора прагматически нагруженного языкового материала и построение зон лингвистически релевантной информации. Кроме того, разработчиками продумана система навигации: в качестве инструментов для пользователя выступают не только заголовочные единицы (леммы), но и элементы прагматической характеристики слов, что до настоящего времени не было представлено в существующих, в том числе и электронных, словарях. Для этого разработана система лексикографических помет, круг которых был бы достаточно ограничен, с одной стороны, и максимально информативен – с другой. Еще одним преимуществом создаваемой базы данных можно считать ее способность пополняться и тем самым фиксировать динамические процессы в области

денотативного и прагматического содержания слова, отражать быстро меняющуюся языковую ситуацию.

Демонстрационная версия базы данных прагматически маркированной лексики включает около 400 единиц, репрезентирующих разные прагматические особенности слова. Они представлены в виде словника на главной странице базы в алфавитном порядке. Каждое слово содержит гиперссылку, отсылающую к странице с собственно описанием особенностей лексемы. На главной же странице размещены инструкция, как пользоваться базой, а также необходимый для пользователя инструментарий: поисковая строка и возможные варианты поисковых элементов.

Расширенный поиск предлагает следующие возможности работы с базой: поиск по нормативным словарям (выбор из выпадающего списка словарей); по словарю прагматически маркированной лексики, в котором представлено уточненное авторами толкование языковых единиц; по тематической принадлежности; по наличию прагматических показателей, семантизированных с помощью помет, в том числе и комментирующих. Подробное описание поисковой системы базы данных прагматически маркированной лексики см. в работе [8].

Эти поисковые функции позволяют сопоставить объем прагматически маркированной лексики в разных словарях, общее и различное в лексикографической схеме прагматически маркированного знака (наличие /отсутствие, иерархия значений; адекватность словарных помет, обоснованность подбора иллюстративного материала; динамические процессы в сфере прагматической семантики); дают опору для уточнения, корректирования, дополнения семантико-прагматических характеристик единицы.

В системе прагматических компонентов особое место занимает национально-культурный компонент, реже всех зафиксированный и беднее всех семантизированный в лексикографических источниках, однако представляющий интерес для переводчиков и изучающих русский язык как иностранный [9].

Этот смысловой элемент выявляется особо сложно и требует дополнительного сопоставительного исследования (исключения составляют лексические единицы, обычно отмеченные всеми учебными пособиями, которые называют специфически русские реалии, не характерные для других стран). Разнообразие смыслов не позволяет ввести ограниченный список параметров описания национально-

культурного компонента. В связи с этим затруднительно использовать этот параметр в качестве поисковой единицы. Поэтому на данном этапе разработки базы указанный прагматический компонент представляется в виде лексико-графического комментария, включающего информацию о национальных особенностях лексемы.

В первую очередь это касается метафорической лексики, характеризующей человека или предметы. В настоящее время детальное описание национально-культурного компонента стало возможным благодаря полученным результатам сопоставительных исследований разных метафорических картин мира. В идеале лексикографу при разработке словарной статьи неплохо было бы иметь относительно полную картину, включающую результаты сопоставления нескольких языков. Однако привлечение данных даже одного иностранного языка позволяет наметить национально-специфические черты русской метафоры [10, 11].

В метафорическом словаре нередко обнаруживаются лексико-семантические лакуны. Так, русские метафоры, образованные от наименований грибов, относятся к области регулярной и продуктивной многозначности.

Метафорические значения слов *сморчок*, *мухомор*, *поганка*, *боровик/боровичок*, *опёнок* и др. содержат в себе негативную/позитивную оценку, связанную не только с физическими, но и с поведенческими и моральными качествами человека. Это относится и к гиперониму *гриб*, который представлен в толковых словарях как однозначное, многозначное слово и даже как пара омонимов. Представим словарные материалы, которые отражены в первой части базы данных:

ГРИБ, -а, м. Низшее растение, лишённое хлорофилла, размножающееся главным образом спорами. Шляпочный гриб. Съедобные грибы. Белый гриб. Ядовитые грибы. Пойти в лес за грибами. ◇ Чайный гриб см. чайный. Расти (или вырастать) как грибы (после дождя) – появляться быстро и в изобилии (МАС)¹; **Гриб**, а, м. 1. Низшее споровое растение, не содержащее хлорофилла, часто в виде шляпки, сидящей на ножке. Грибы съедобные. Грибы ядовитые. В просторечии и обл. О человеке старом и малосильном (употр. с оттен-

¹ *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984 (МАС).

ком иронии, насмешки). Старый гриб. • [Мирон:] Мы-то с Евдокимом Егорычем уже скоро грибы будем. Старый-то на молодой женится, думает, что сам помолодеет, а вместо того, еще скорее рушится, в затхлость обращается. А. Остр. Невольницы, д. I, явл. 1. • О чем-либо, имеющем форму гриба. Нагоревший гриб свечки свалился. Л. Толстой Война и мир, т. III, ч. III, гл. 31 (БАС)¹; **ГРИБ**, -а, м. 1. Особый организм, не образующий цветков и семян и размножающийся спорами. Съедобный г. Ядовитый г. Поганный г. (поганка). <...> Растут как грибы (появляются быстро и в большом количестве; разг.). Старый г. (также перен.: о старом и обрюзгшем человеке; прост. / пренебр.). 2. Нарост на стволе дерева (разг.). Березовый г. (чага) <...> Атомный (ядерный) гриб – грибообразное ядовитое облако газов, огня, поднимающееся после ядерного взрыва. <...> (ТСОШ-1999)²; **ГРИБ** -а́; м.1. Особый организм, размножающийся спорами. <...> / О чём-л., имеющем форму такого организма. Нагоревший г. свечки. Грибы дыма. Атомный (ядерный) г. (грибообразное ядовитое облако огня, газов, поднимающееся после взрыва). 2. Нарост на стволе дерева. Берёзовый г. 3. только мн.: грибы, -ов. Живые организмы, лишённые хлорофилла (дрожжи, спорынья и т.п.) и питающиеся готовыми органическими веществами; грибки. Паразитические грибы. 4. Разг. О старом и слабом человеке. Пора бы старому грибу и о душе подумать (ТСК)³; **ГРИБ** 1. Плодовое тело особого организма, обычно растущего в лесу, состоящего из ножки и шляпки. 2. Образное употребление применительно к грибообразным объектам: атомный гриб, беседка-гриб для дачи <...> ♦ <...> разг.-сниж., ирон. *старый гриб* “старый мужчина”. Интересно, что этот старый гриб там накалякал? (Е. Прошкин) (АСРЯ)⁴; **ГРИБ** 1. Особый организм, сочетающий признаки как растения, так и животного и обычно размножающийся спорами. // Твердый нарост на стволе дерева, верхняя часть которого напоминает по форме часть шляпки такого живого организма. 2. перен. Что-л., имеющее форму

¹ *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС).

² *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. (ТСОШ-1999).

³ *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. (ТСК).

⁴ *Активный словарь русского языка*. Т. 2: В–Г / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 736 с. (АСРЯ).

такого организма. ГРИБ 2 Разг.-сниж. 1. Старый и слабый человек (ТСЕ)¹.

Большая часть словарей отражает у лексики *гриб* метафорическое значение «о человеке» и грибообразных объектах. Лексикографическое описание характеристики «о старом / обрюзгшем / мало-мало / слабом человеке» требует уточнения и детализации. Анализ материалов Национального корпуса русского языка² позволяет выявить доминирующие значения в семантической структуре полисеманта и наметить границы семного варьирования метафор.

• **Объекты грибообразной формы:** *Конвой стерёг нас, укрывшись под "грибом" – известным лагерным сооружением* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *А над всем висело светящееся слабым зелёным светом облако в форме гриба...* (И. Ефремов. Озеро горных духов); *Один из них в афганской шапке, похожей на гриб* (М. Ахмедова. Майдан умеет ждать // «Русский репортер», 2014); *Огненный шар, взрыв, а после этого – гриб из дыма и пыли* (Атомные ужасы Эстонии. Партийный лоббизм, 2012); *Миллионы раз повторенные в кинохрониках кадры прихотливого ядерного гриба над Хиросимой и Нагасаки, бесконечные истории о том, как человек превращается в свою собственную тень, а выжившие впадают в лучевую болезнь и завидуют умершим – мешались в ее сознании с картиной Брюллова «Последний день Помпеи» и сгущались в настойчивый страх* (А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею, 2006); *На проходной спит старушка, фигурой похожая на гриб* (Слава Сэ. Ева, 2010); *Избушка у Мыльникова была самая проваленная, как старый гриб* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото, 1892).

• **Быстро появляющийся, растущий, как грибы:** *И, наконец, «грибы» – постройки явно функциональные и временные, растущие в любой части города и – подобно, впрочем, всем остальным названным типам – не считающихся со своей средой совершенно никак* (О. Балла. Мышление пространством, или Стрелка указывает в будущее // «Знание-сила», 2014); *Молодеют и как грибы разрастаются бары и кафе, потому что перед сеансом и после него можно пропустить по стаканчику, выпить по чашечке,*

¹ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2006. – Т. 1: А–Л, 1165 с.

² Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.04.2017 г.).

опустошить бокал-другой (А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею); *Тем более они появляются перед выборами как грибы после дождя* (Б. Каштанова. На другом берегу // «Советская Россия», 2003.08.23).

- **Старый, дряхлый, немощный слабый, жалкий человек (преимущественно о мужчине):** *Не то что он бывший красавец, а ныне старый гриб, пень, коряга* (И. Грекова. Фазан); *А мы с тобой вроде как два старых гриба живём, век доживаем* (А. Пантелеев. Ночные гости); *А Женя Коровин, бородастый выпивоха, холостяк, пропахший плесенью, как старый гриб?* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // «Октябрь», 2002); *NN сказала мне, что вы хотя и великий человек, но старый гриб, а меня нежно поцеловала на прощанье* (А. Скалдин. Странствия и приключения Никодима Старшего).

- **Старый, неприятный, язвительный, ехидный, придирчивый человек (преимущественно о мужчине):** *Интересно, что этот старый гриб там накалякал?* (Е. Прошкин. Механика вечности); *Этим своим рассуждением старый гриб хотел меня, наверное, уязвить* (С. Есин. Стоящая в дверях // «Наш современник», 1992); *Люди знали, что он не человек, а просто старый гриб, да и то поганый, но должны были его слушаться* (Ф. Сологуб. Из «Книги сказок»); *6 мая последняя (третья) попытка сдать вождение. И снова старый гриб меня заваливает. Друзья успокаивают тем, что здесь и по 20 раз сдают* (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства).

- **Сморщенный, помятый, сгорбленный (о старых людях):** *Худощавый, маленький, сморщенный, как старый гриб, но все еще неугомонно-бойкий, мессер Галеотто, подпирая голову обеими руками, внимательно смотрел на колбу, которая с тихим звоном закипала и бурлила на голубоватом жидком пламени спирта* (Д. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи); *В тот день, когда молодой и богатый барич Ромоданов явился у подъезда Чудова монастыря и велел о себе доложить преосвященному, у Амвросия сидел монах крошечного роста, весь седенький и сморщенный, как старый гриб* (Е. Салиас. На Москве).

- **Сморщенный, помятый, сгорбленный:** *На Милентьевне не было сухой нитки, она посинела и сморщилась от холода, как ста-*

рый гриб, и Евгения первым делом стала снимать с нее мокрый платок и мокрую пальтуху, потом достала с печи нагретые валенки, натянула на них красные покрывки (Ф. Абрамов. Деревянные кони); Лицо у него было довольно приятное, но несколько напоминающее **старый гриб**; если бы несколько усилить степень разложения, увеличить его кадык, мешки под глазами, то он стал бы похож на Федора Павловича Карамазова (Н. Лосский. Воспоминания: жизнь и философский путь); На мужской, собственно, половине стояли совсем сгорбившийся, сморщенный, как **старый гриб**, Углов, Батенев и Павел Петрович, а также и Аггей Никитич Зверев, в скромной одежде монастырского послушника (А. Писемский. Массоны).

• **Бодрый, молодой, крепкий**: Зачем это мне отдышать пару часиков, если я бодра, как **гриб-боровик** после грозы? (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками).

Как показывает контекстный анализ, в русском языке метафорическим выражением *старый гриб* называют не только старого, но и вредного, придирчивого человека. Таким образом, основанием оценки является скорее не старость, а многообразие негативных морально-нравственных качеств человека (подобное характерно для многих русских метафор, отражающих внешние признаки человека: *дылда*, *детина* и др.).

Универсальными для разных языков, например для русского, итальянского и английского, оказываются предметные метафоры (об объектах грибообразной формы и о чем-либо быстро растущем, появляющемся). Что касается характеристик человека, то их либо нет вообще, либо они существенно отличаются от русских. Ср., например, в английском языке востребуется иной метафорообразующий признак *mushroom* 1) гриб; 2) быстро возникшее учреждение, новый дом и т.п.; 3) **разг. выскочка** <¹.

При сопоставлении с итальянским языком выяснилось, что грибная «тема», актуальная для метафорической интерпретации человека в русском языке, оказывается «не востребованной». Об этом свидетельствуют анализ лексикографического материала и результаты психолингвистического эксперимента с итальянскими респондентами.

¹ Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – 17-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1978. – 887 с.

Эксперимент, с одной стороны, показывает, что на слово-стимул *fungo* 'гриб' самыми частотными реакциями у итальянских информантов являются: *bosco* 'лес', *risotto* 'ризотто', *umidità* 'влажность', *velenoso* 'ядовитый', *cappello* 'шапка', *spuntare come funghi* 'расти как грибы', *autunno* 'осень', *atomico* 'атомный', *casa* 'дом' и др. Русский ассоциативный словарь наряду с реакциями, связанными с прямым значением слова гриб, фиксирует реакцию *дряхлый*, явно соотносящуюся с антропоморфным значением (гриб обычно трухлявый).

С другой стороны, он показывает, что антропоморфные характеристики, связываемые русскими с грибными номинациями (*сморчок*, *мухомор*, *боровик*, *покажка*), итальянские информанты ассоциируют с лексикой других словарных зон. Например, малорослого, сморщенного и невзрачного человека итальянские респонденты называют *strega* 'ведьма', *nano* 'карлик', *gnomo* 'гном', *vecchietto* 'старик', *vecchietta* 'старуха', *mostriciattolo* 'уродец', *prugna secca* 'сухая слива' и т.д.; неприятного, противного – *strega* 'ведьма', *mosca* 'муха', *serpente* 'змея', *vipera* 'гадюка', *scarafaggio* 'таракан', *ragno* 'паук', *zanzara* 'комар', *maiale* 'свинья', *mostro* 'монстр', *politico* 'политик', *zingara* 'цыганка' и др.; вредного и подлого – *serpente*, *serpe* 'змея', *iena* 'гиена', *avvoltoio* 'чёрный гриф', *cattivo* 'плохой человек', *cadavere* 'труп', *parassita* 'паразит', *sanguisuga* 'пиявка', *delinquente* 'преступник', *zizzania* 'плевел', *pianta rampicante* 'вьющееся растение' и др. [12].

Таким образом, можно говорить об активном развитии предметной и антропоморфной русской фитометафоры (на фоне итальянского языка); последняя отражает как внешние, так и внутренние характеристики человека. Антропоморфная метафора *гриб* обладает многовекторным значением, которое конкретизируется в метафорах, образованных от наименований разновидностей грибов (*сморчок*, *поганка*, *мухомор* и др.).

Предварительный семантико-прагматический анализ позволяет выявить и зафиксировать в базе данных вариативный потенциал денотативного и коннотативного (эмоционально-оценочного) содержания слова, а также гендерную и возрастную семантику. А сопоставительное исследование дает возможность выявить национально-культурный компонент как в значении гипонима, так и гиперонимов этой тематической группы, наличие которого фиксируется в базе данных (на фоне прагматических свойств метафор других языков).

Подводя итоги, отметим открытый характер базы данных, позволяющий не только вводить новый языковой материал, но и дополнять список помет прагматического характера, а также самих составляющих данной зоны лексического значения, тем самым развивать представление о структуре прагматического компонента и способах его репрезентации. Кроме того, электронный ресурс в существенной мере расширяет «доказательные возможности» лексикографических источников при выполнении лингвистической экспертизы, а также будет полезен в практике перевода и реконструкции фрагментов национальной картины мира.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 3–22.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
3. Кустова Г.И. Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2011». – СПб., 2011. – С. 234–242.
4. Плузган В.А., Рахилина Е.В. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и лексических *маркерах* // *Revue des études slaves*. – 2012. – Т. 83, № 2–3. – С. 499–533.
5. *Инструментарий* русистики: корпусные подходы / отв. ред. А. Мустайоки. *Slavica Helsingiensia*. – Вып. 34. – Хельсинки: Университет Хельсинки, 2008. – 371 с.
6. *Корпус* как язык: от масштабности к дифференциальной полноте / В.И. Беликов, Н.Ю. Копылов, А.Ч. Пиперски и др. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). – Т. 1 из вып. 12 (19). – М., 2013. – С. 84–95.
7. McEnery T., Hardie A. *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. – Cambridge University Press, 2012. – 292 p.
8. Басалаева Е.Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // *Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та*. – 2016. – № 6. – С. 112–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.09>.
9. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Способы лексикографирования прагматической информации в двуязычных словарях // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. – 2014. № 6 (32). – С. 51–59. DOI: 10.17223/19986645/32/4.
10. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // *Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та*, – 2016, – № 6. – С. 70–85. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06>.
11. Мусси В. Энтомологические звуковые и зрительные метафоры в русском и итальянском языках // *Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение* / под ред. И.П. Матхановой. – Новосибирск, 2013. – С. 182–189.
12. Гарбуйо И. Русская «грибная метафора» и способы её эквивалентного перевода на итальянский язык // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2015. – № 391. – С. 40–45.

THE NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF WORDS AND WAYS OF PRESENTING IT IN A DATABASE OF PRAGMATICALLY MARKED VOCABULARY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 5–19.

DOI: 10.17223/22274200/11/1

Elena Yu. Bulygina, Tatiana A. Tripolskaya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bulyginalena2010@mail.ru / tr_tatiana@mail.ru

Keywords: pragmatic macro-component, dynamic processes, national-cultural component, Russian pragmatically marked lexicon database.

Among the most significant current issues in the field of structural, systematic and communicative description of lexical meanings are identification of pragmatically marked lexical units, classification of various micro-components comprising the larger structure of the pragmatic macro-component within the lexical meaning, and study of their communicative potential. The solution of these theoretical problems is considered as a necessary condition of creating appropriate models for lexicographic description and typology of a Pragmatically Marked Lexicon within active type dictionaries or / and in special computer databases.

In the present investigation the attention is drawn to such essential problems of pragmatic semantics as the “speaker – language sign” interrelations. The problem that demands a combined systematic, structural and communicative approach is description of lexical meanings. There are certain pragmatically marked elements of human lexicon that should be identified and described systematically. The article explores the integral model of lexical meaning, including pragmatic macro-components; describes the structure, content, variable potential and implementation of pragmatic semantics in different types of discourse; analyzes the ways how pragmatic semantics can be lexicographically presented in dictionaries of different types; develops the concept of lexicographic interpretation of pragmatically marked units within the Russian lexical system. The authors pay special attention to the identification and lexicographic interpretation of the national cultural component.

This semantic element is especially difficult to identify and requires additional comparative research (exceptions are lexical units usually marked by all teaching aids, which are called specifically Russian realities, not characteristic of other countries). A variety of meanings does not allow us to introduce a limited list of parameters describing the national cultural component. In this regard, it is difficult to use this parameter as a search unit. Therefore, at this stage of database development, this pragmatic component is represented in the form of a lexicographic commentary, which includes information about the national characteristics of the lexeme.

The applied component of the project is creating a computer database of pragmatically marked vocabulary, available for a wide range of users: researchers, linguistic experts, interpreters and teachers of the Russian language. The described computer database of pragmatically marked vocabulary is based on the Russian and international experience in corpus and computational linguistics.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1988) *Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovaryaya* [Pragmatic information for an explanatory dictionary]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [ragmatics and intensionality problems]. Moscow: Institute of Linguistics, USSR AS.

2. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.
3. Kustova, G.I. (2011) [Semantic marking in electronic corpuses and electronic dictionaries]. *Korpusnaya lingvistika – 2011* [Corpus linguistics – 2011]. Proceedings of the international conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 234–242. (In Russian).
4. Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (2012) Iz korpusnykh nablyudeniy nad leksikoy: o semanticheskoy evolyutsii i leksicheskikh markerakh [From corpus observations on vocabulary: on semantic evolution and lexical markers]. *Revue des études slaves*. 83:2–3. pp. 499–533.
5. Mustayoki, A. (ed.) (2008) *Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody* [Instrumentation of Russian Studies: Corpus Approaches]. *Slavica Helsingiensia*. 34. Helsinki: University of Helsinki.
6. Belikov, V.I. et al. (2013) [The corpus as a language: from scalability to differential completeness]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intelligent technologies]. Based on the proceedings of the annual international conference Dialog (2013). Vol.12 (19):1. Moscow. pp. 84–95.
6. McEnery, T. & Hardie, A. (2012) *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge University Press.
7. Basalaeva, E.G. (2016) The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 112 –125. (In Russian). DOI:<http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.09>
8. Tripol'skaya, T.A. & Bulygina, E.Yu. (2014) Ways of lexicographic registration of pragmatic information in bilingual dictionaries . *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 51–59. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/32/4
9. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06>
10. Mussi, V. (2013) Entomologicheskie zvukovye i zritel'nye metafory v russkom i ital'yanskom yazykakh [Entomological sound and visual metaphors in Russian and Italian languages]. In: Matkhanova, I.P. (ed.) *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovoe voploshchenie* [Problems of interpretational linguistics: types of perception and their verbalization]. Novosibirsk: NSPU.
11. Garbuyo, I. (2015) Russian “mushroom” metaphor and its equivalent translation into Italian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 391. pp. 40–45. (In Russian).

К.С. Кочергина

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ В ТОЛКОВЫХ
СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье анализируются системы стилистических помет на материале пяти толковых словарей русского языка конца XX – начала XXI в., наиболее активно привлекаемых в процессе лингвистической экспертизы. Сопоставляется стилистическая характеристика отрицательно-оценочных существительных со значением наименования лица и группы лиц, представленных в этих словарях. Предлагается подход для объективации стилистической характеристики слов, заключающийся в сопоставлении данных из нескольких лексикографических источников.

Ключевые слова: оценочное слово, отрицательная оценка, стилистическая помета, словарь, юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза.

Постановка проблемы. Словарь является основным легитимным источником, который использует эксперт при выполнении лингвистической экспертизы [1. С. 152]. Не существует общепринятого списка словарей, рекомендуемых в качестве источников толкования и стилистической квалификации слов. Как правило, цели традиционных и современных толковых словарей русского языка не всегда отвечают требованиям лингвистической экспертизы. Например, при решении вопросов, связанных с наличием негативной информации о лице (группе лиц) и его (их) действиях, рассматриваются лексические единицы с отрицательно-оценочной семантикой как основные маркёры, при этом стилистическая характеристика искомых слов может существенно отличаться, как и экспертные выводы, сделанные на её основе. Этим определяется актуальность анализа систем стилистических помет, принятых в толковых словарях, наиболее часто используемых при проведении лингвистических экспертиз, а также сопоставления стилистической характеристики слов, представленных в них.

Цель настоящей статьи – сопоставить стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка и выявить возможности их использования в процессе проведения лингвистической экспертизы.

Источниками материала для анализа послужили пять толковых словарей русского языка, отражающих лексическую систему конца XX – начала XXI в.: «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998) [2]; «Большой толковый словарь русского языка» (2000) [3] и «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (2002) [4]; двухтомный «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (2000) [5, 6]; «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химики (2004) [7]. Критериями отбора этих источников стали преимущественное использование в экспертизах, объём и актуальный состав словника, отражение функционально-стилистического расслоения лексики современного русского языка (далее: СРЯ).

Материалом для данного исследования стали более 2000 отрицательно-оценочных лексико-семантических единиц – существительных со значением номинации лица и группы лиц. Сбор материала проводился методом сплошной выборки из рассматриваемых словарей с учётом наличия в словарной статье не только коннотации, зафиксированной с помощью стилистической пометы, но и отрицательно-оценочного компонента в составе денотативного значения, а также обязательного компонента «наименование лица (группы лиц)». В конечную выборку вошло 337 лексико-семантических единиц (обозначающих лицо – 315, обозначающих группу лиц – 22), относящихся к нормативному пласту современного русского литературного языка.

История вопроса. Изучению семантической структуры слова (в том числе её оценочного компонента) посвящён ряд фундаментальных трудов (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Л.П. Крысин, А.А. Леонтьев, Л.Г. Самотик, И.А. Стернин, В.Н. Телия, А.Д. Шмелёв и др.). Отдельное внимание исследователей уделяется проблемам лексикографирования структуры значения слова (Е.В. Бельская, Н.А. Лукьянова, В.П. Москвин, Л.Г. Смирнова, Т.А. Трипольская и др.).

В структуре значений собственно номинативного (нейтрального) и оценочного слова имеются принципиальные отличия: оценочная единица характеризуется осложнённой семантикой – наличием коннотативных сем, поскольку помимо обозначения самого понятия оценочная единица одновременно передаёт и отношение к нему говорящего. Вслед за В.А. Салимовским под стилистической коннота-

цией понимаем «дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства» [8. С. 432]. Как отмечает Т.А. Трипольская, «семантические особенности экспрессивного слова, отличающие его от неэкспрессивного, позволяют выделить экспрессивную единицу как специфический объект лексикографии, предъявив ряд дополнительных требований к её лексикографическому описанию. Самое общее требование состоит в том, что словарь должен стремиться отразить и денотативный, и коннотативный аспекты экспрессивного значения» [9. С. 14].

Оценочные слова описываются в составе толковых и идеографических словарей, а также в специальном типе – стилистических словарях. В лексикографической традиции известно два способа толкования и фиксации коннотативного значения в словаре: через отражение в дефиниции и с помощью стилистической пометы. Стилистическая помета (далее СП) – это «разновидность словарной пометы, лексикографический приём указания на стилистические особенности разъясняемой словарной единицы» [10. С. 444]. СП используется лексикографами при составлении словарей как средство для обозначения функционально-стилевого, временного (исторического), экспрессивно-эмоционально-оценочного расслоения лексики. СП приводится перед толкованием слова, а в случае его многозначности – перед отдельным значением или его оттенком. Отсутствие СП при слове (значении, оттенке) означает, что оно стилистически нейтрально. Также в дополнение к СП при необходимости используется стилистический комментарий, уточняющий или ограничивающий содержание функционально-стилистической квалификации слова: *часто, чаще, обычно, иногда, также*.

Как отмечает О.Н. Емельянова, «в целом система С. п. (стилистических помет. – К.К.) далека от совершенства. Об этом свидетельствует тот факт, что в каждом толковом словаре используется своя система С. п., иногда существенно отличающаяся от системы С. п. других толковых словарей» [10. С. 445]. Разнородность имеющихся в словарях русского языка систем СП О.Н. Емельянова демонстрирует на примере толковых словарей под ред. Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, А.М. Евгеньевой. Из приведённых исследователем примеров следует, что, во-первых, между пометами не прослеживается чётких иерархических отношений; во-вторых, пометы при од-

ном и том же слове в разных словарях могут быть различны. Такое расхождение в стилистическом описании лексики объясняется тем, что существующие на данный момент системы СП демонстрируют недостаточный уровень разработанности современной теории стилистики и лексикографии. В качестве причин этого исследователь называет следующие: 1) более быстрая по сравнению с другими смена стилистических норм; 2) отсутствие специально ориентированной на потребности лексикографии стилистической теории слова; 3) сосуществование различных подходов к интерпретации стилистического потенциала слова; 4) существенные различия в понимании категорий эмотивности, оценочности, экспрессивности и отношений между ними.

Проблему неразработанности системы СП в аспекте юридической лингвистики впервые отметил Н.Д. Голев [11, 12, 13]. Присутствие человеческого фактора в определении оценочной семантики слов, называемого Н.Д. Голевым «интуицией» лексикографов, влияет, во-первых, на объективность характеристики того или иного слова, что подтверждается несопадением мнений авторов словарей при стилистической характеристике лексем; во-вторых, на «качество» этих помет и их всеохватность.

Несоответствие целей толковых словарей целям судебной лингвистической экспертизы связано со сложностью перевода словарных помет в юридические термины «оскорбление», «унижение» и ряд других, что обусловлено неградуированным характером оценочных признаков слов: «Оценочные признаки, обозначенные пометами шутил., ирон., пренебр., презр., неодобр., бран., *не выстраиваются в единый ряд*, хотя они и выражают отрицательную оценку, вряд ли противопоставлены друг другу *по степени "отрицательности"* (курсив наш. – К.К.)» [13. С. 94].

Исследователи [14. С. 34] и эксперты [15. С. 131] отмечают, что точность приводимых в толковых словарях помет оспаривается лингвистами, и это обусловлено несколькими причинами: разным уровнем «интуиции» лексикографов; расхождением в теоретических установках составителей словарей; различием материала; объективными стилистическими изменениями в языке за тот период, который отделяет один словарь от другого (в том числе устаревание одного из словарей к настоящему моменту). Всё это приводит к тому, что часто экспертные выводы приобретают субъективный характер.

1. Сопоставительный анализ систем стилистических помет.

Охарактеризуем системы СП, принятые в пяти словарях, которые выбраны в качестве источников материала.

«**Русский семантический словарь**» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998) (далее РСС). Основным источником РСС послужили материалы из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (1949–1989) и «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1993–1997). В РСС сохранена система СП, принятая в этих словарях: *книжное, высокое, народно-поэтическое, разговорное, просторечное, специальное, устарелое, старое, ласкательное, шутовское, ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое, бранное*. Порядок приведения отрицательно-оценочных помет может свидетельствовать о том, что составителями словаря предпринята попытка расположить их по мере возрастания обозначаемой «степени» отрицательности, однако в теоретическом обосновании к словарю отсутствует указание на то, какие именно критерии лежат в основе разграничения обозначаемых этими пометами оценочных признаков слов и, следовательно, квалификации того или иного слова, например, именно как неодобрительного, а не презрительного.

«**Большой толковый словарь русского языка**» (2000) и «**Современный толковый словарь русского языка**» (2002) под ред. С.А. Кузнецова (далее БТС и СТС соответственно). БТС и СТС составлены на одних основаниях: общность прослеживается и в принятой системе помет. На функционально-стилистическую закреплённость слов указывают четыре ряда СП, выделенных составителями во введении к словарям: 1) характеризующие книжную форму СРЯ; 2) характеризующие разговорную форму СРЯ; 3) характеризующие хронологическое расслоение лексики; 4) передающие эмоционально-экспрессивную оценку. На периферии системы СП также имеется группа помет, связанных с суффиксами субъективной оценки, которые не столько характеризуют слово стилистически, сколько передают его лексическое значение: *увеличительно, уменьшительно, усиленно, смягчительно*. Структурно-семантическое свойство лексических единиц, заключающееся в выражении субъективной качественно-количественной семантики, получило название «интенсивность», а сами лексические единицы, обладающие этим свойством, – «интенсивы» [16].

«Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (2000) (далее НС). Ведущим принципом НС является нормативность, с целью усиления которой «используется система функциональных помет, представляющая собой своего рода стилистический комментарий» [5. С. VIII]. Отличительной чертой этого словаря является оформление стилистической характеристики слов в формате комментария, завершающего толкование и заключённого в скобки, либо вынесение её в отдельное значение. Например, значения ласкательности, увеличительности, уменьшительности, усилительности и пр., передаваемые при помощи суффиксов с соответствующей семантикой, зафиксированы как самостоятельные.

«Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика (2004) (далее БС). В предисловии к этому словарю отсутствует описание принятой в нём системы СП, за исключением указания на то, что СП делятся на два типа: эмоционально-оценочные и функционально-социальные. Также указана определённая последовательность их приведения: сначала вводятся эмоционально-оценочные, затем функционально-социальные пометы. Помещённая в скобки помета при слове означает нерегулярность проявления той или иной характеристики. Перечень СП не представлен отдельно, однако он вычленяется из списка условных сокращений, а также путём анализа словарных статей.

Охарактеризованные выше системы СП пяти толковых словарей даны в сопоставлении в табл. 1. Отметим, что СП вносились в таблицу в соответствии с порядком их указания в предисловиях к словарям-источникам: в РСС пометы приводятся списком, в котором можно выделить три группы СП; в БТС и СТС авторы-составители дают пометы системно, разделив на соответствующие группы; в случае с НС указанные в предисловии СП и другие способы передачи стилистической характеристики распределялись с опорой на другие словари; поскольку в БС система помет не описана, но они вычленяются из списка условных обозначений, СП распределялись с ориентацией на БТС и СТС.

Таблица 1. Сопоставление систем СП в толковых словарях СРЯ

Группа СП	РСС (1998)	БТС (2000), СТС (2002)	НС (2000)	БС (2004)
1	2	3	4	5

Функционально-стилевые пометы

Письменная (книжная) форма СРЯ	книжное	книжное		
	высокое			
		официальное		
		публицистическое		
		традиционно-поэтическое		
	народно-поэтическое	народно-поэтическое		
		традиционно-литературное		
	специальное	специальное		
Устная (разговорная) форма СРЯ	разговорное	разговорное	разговорное	разговорное
		разговорное-сниженное	разговорно-сниженное	разговорно-сниженное
	просторечное			
			местное	
				областное
		фамильярное		фамильярное
		традиционно-народное		традиционное
		народно-разговорное		простонародное
			народно-поэтическое	фольклорное
	«вводы»	профессионально-разговорное	комментарий	специальное
		жаргонное		жаргонное

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Хронологические пометы				
Временная характеристика	устарелое старое	устарелое историческое	устар. (устаревшее, устаревающее)	устарелое
	«вводы»	энциклопедические ремарки		комментарий энциклопедического характера
Экспрессивно-эмоционально-оценочные пометы				
Положительные		высокое	комментарий	одобрительное
		одобрительное		ласкательное
	ласкательное	ласкательное		уважительное
	почтительное	шутливое		
Амбивалентные	шутливое	шутливое		ироническое
	ироническое	ироническое		насмешливое
Отрицательные				снисходительное
				отрицательное
	неодобрительное	неодобрительное		неодобрительное
	пренебрежительное	пренебрежительное		пренебрежительное
	уничижительное	уничижительное	уничижительное	
	презрительное	презрительное	презрительное	
	грубое	грубо	грубое	
	бранное	бранно	бранное	
		вульгарное	вульгарное	
			нецензурное	
Интенсивные		увеличительно		
		уменьшительное		уменьшительное
		усилительно		усилительное
Прочие		смягчительно		смягчённое
				эвфемизм
				дисфемизм

Функционально-стилевые пометы. Наиболее последовательно выделяются пометы как письменной, так и устной формы СРЯ в БТС и СТС. В отличие от них в РСС из помет для письменной формы выделяются только *книжное*, *высокое*, *народно-поэтическое* и *специальное*, а в НС и БС таковые пометы отсутствуют (в случае с БС это объясняется спецификой материала данного словаря – разговорной речью).

Помета *разговорное* представлена во всех пяти словарях, *разговорное сниженное/разговорно-сниженное* – в четырёх (кроме РСС), остальные пометы из устной сферы СРЯ выделяются последовательно и единично. Прокомментируем некоторые из них.

Помете *профессионально-разговорное* (БТС, СТС) соответствуют комментарий (НС), или так называемые «вводы» (РСС), или помета *специальное* (БС) в вариациях: *медицинское*, *спортивное*, *техническое* и др. Отметим, что СП *специальное* (БС) относим к СП, характеризующим устную форму СРЯ, а не письменную, как в других словарях, поскольку объектом лексикографирования БС является разговорная речь. Отдельно составителями НС оговаривается статус профессиональной и специальной лексики. Профессионализмы не имеют маркировки в виде пометы: они либо не выделяются из пласта разговорной лексики и имеют помету *разговорное*, либо в составе их толкования содержится специальный комментарий в круглых скобках, например: (*в речи спортсменов*); (*в речи охотников*). Специальная лексика, т.е. лексика из речи специалистов (в том числе термины), также не имеет отдельной пометы, но, как и профессиональная, сопровождается соответствующими комментариями, например: (*в медицине*); (*в полиграфии*).

В БС большое внимание уделено разновидностям жаргонных помет. Так, помимо общей СП *жаргонное* возможны тринадцать вариантов этой пометы, характеризующих конкретный вид: *арм.* (армейский жаргон), *карт.* (жаргон картёжников), *комп.* (жаргон компьютерщиков), *крим.* (криминальный жаргон), *милиц.* (милицейский жаргон), *молод.* (молодёжный жаргон), *мор.* (жаргон моряков), *муз.* (жаргон музыкантов), *нарк.* (жаргон наркоманов), *подр.* (подростковый жаргон), *студ.* (студенческий жаргон), *торг.* (жаргон торговли), *школ.* (школьный жаргон).

Хронологические пометы. Помимо традиционных помет двух типов: *устарелое* (для слов, выходящих из употребления в СРЯ) и

старое/историческое (для слов, вышедших из обихода), – есть другие способы маркирования временной характеристики слов: помета *советизм* (БС), а также «вводы» (РСС) и энциклопедические ремарки (БТС, СТС), которые уточняют временную отнесённость реалий и входят составной частью в толкование: *В старину: ...; В Древней Руси: ...; В СССР: ...*. Отметим, что в НС используется хронологическая помета *устар.* без различения устаревших и устаревающих значений слов. Помимо этой пометы в НС используется комментарий энциклопедического характера, являющийся частью толкования, завершающий его и заключённый в круглые скобки, например: *(на Руси IX–XVI вв.); (в Российском государстве XVII–XIX вв.); (в Российском государстве до 1917 г.); (в СССР и в России до 1991 г.); (в России после 1991 г.); (в старину); (в Древней Греции); (в Древнем Риме)* и др.

Экспрессивно-эмоционально-оценочные пометы. Относительно этой группы СП возможно сопоставление только четырёх из пяти рассматриваемых словарей, поскольку в НС нет помет как таковых: их функцию выполняет комментарий, либо оценочные значения вынесены как отдельные. Комментарий строится по модели «обычно с оттенком» плюс одна из экспрессивно-эмоциональных оценок, например: *(обычно с оттенком порицания); (обычно с оттенком пренебрежительности)*.

При сопоставлении все экспрессивно-эмоционально-оценочные пометы были разделены на четыре группы по типу выражаемого значения: положительные, амбивалентные, отрицательные, интенсивные, а также прочие, куда вошли СП *эвфемизм* и *дисфемизм* «как знак особой семантической нагрузки» [7. С. 15]. К группе помет, выражающих положительную семантику, отнесены четыре СП: *высокое, одобрительное, ласкательное* и *почтительное/уважительное*. К группе СП с отрицательной семантикой – одиннадцать: *насмешливое, снисходительное, отрицательное, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое, бранное, вульгарное, нецензурное*. Оговорим, что две пометы – *шутливое* и *ироническое* – считаем выражающими амбивалентные значения, поскольку шутка и ирония могут нести как положительную, так и отрицательную семантику в зависимости от контекста употребления и экстралингвистических факторов.

Представленные в таблице данные позволяют сделать вывод,

что системы СП во всех пяти словарях различаются. Ни один из этих словарей не раскрывает всей полноты функционально-стилистического расслоения лексики, однако в БТС и СТС, а также БС спектр помет представлен наиболее широко (последний лидирует по количеству оценочных помет: БС отличает наличие таких СП, маркирующих отрицательно-семантические оттенки значения слова, как *насмешливое, снисходительное, отрицательное, нецензурное*), в то время как в НС пометы из стилистических маркёров переходят в разряд комментариев и даже проникают в семный состав слов.

В центре внимания данного исследования находятся эмоционально-экспрессивно-оценочные СП, которые связаны с выражением отношения к предмету (в широком смысле этого слова), его оценкой, причём во внимание принимаются только отрицательно-оценочные пометы. Рассмотрим некоторые спорные моменты, связанные с квалификацией помет как отрицательно-оценочных.

Помета *разговорное сниженное/разговорно-сниженное* признаётся отрицательно-оценочной потому, что её толкование содержит указание на «намеренно грубоватую экспрессию» [4. С. 15] и «речевую небрежность и грубоватую или грубую экспрессию» [5. С. VIII], что соответствует отрицательно-оценочной семантике других СП типа *неодобрительное, пренебрежительное* и пр., однако неясным остаётся то, каким образом грубоватая и грубая экспрессия может быть соотнесена со значениями этих СП.

В БТС и СТС помета *фамильярное* маркирует слова, употребляемые «в непринуждённом, товарищеском общении, в неофициальной обстановке» [4. С. 15]. Одновременно слово «фамильярный» толкуется в этих же словарях негативно как «излишне непринуждённый, бесцеремонный, неуместно развязный (о человеке, его поведении)» [4. С. 1415], что противоречит приведённому выше толкованию СП. Следовательно, эта помета не может быть признана как однозначно маркирующая отрицательную оценку в данных словарях. Отметим, что в трёх других она отсутствует, а в БС нет пояснения значения этой пометы.

В предисловиях к БТС, СТС и НС приводятся две пометы, которые представляют интерес с точки зрения маркирования отрицательно-оценочной семантики: СП *народно-разговорное* – «для слов, указывающих на принадлежность к ненормированной народной речи и используемых в текстах как средство сниженной экспрессии»

[4. С. 15] и СП *местное* – «при словах, характеризующихся не только употреблением на определенной территории, но и несущих в себе нечто социальное, а потому нередко сигнализирующих о достаточной стилистической сниженности и даже о нахождении за пределами литературной нормы» [5. С. VIII]. Согласно такому толкованию эти СП несут семантику стилистической сниженности и ненормативности, однако из-за их непоследовательного выделения (данные пометы выделяются только в указанных словарях) они не могут однозначно рассматриваться как часть системы СП, выражающая семантику отрицательной оценки.

Из двух помет, выражающих амбивалентные оценочные значения, *ироническое* («для слов, употребляемых с целью насмешки» [4. С. 16]) можно с большей уверенностью считать отрицательно-оценочной, в то время как *шутливое* («для слов, содержащих забавную, несерьезную, шутливую оценку» [4. С. 16]) – скорее положительно-оценочной. Для определения статуса шутки и иронии обратимся к толкованиям этих понятий. Шутка – «1. То, что говорят, делают с целью вызвать смех; забавная проделка, выходка или остроумие» [4. С. 1509–1510]. К этому слову приводятся примеры употребления в противоположных по «знаку» сочетаниях «невинная, безобидная» и «злая, колкая», из которых следует контекстуальная зависимость этого понятия. Ирония – «1. Тонкая, скрытая насмешка. 2. Стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете» [4. С. 398]. Насмешка – «1. Обидная шутка по поводу кого-, чего-л.» [4. С. 600]. Приведённые толкования слов «ирония» и «насмешка» (через которое толкуется «ирония») свидетельствуют об отрицательном компоненте в их значении, а следовательно, и в значении соответствующих СП.

На основании проведённого анализа определено, что маркирующими отрицательно-оценочное значение слова являются двенадцать помет: *разговорное сниженное/разговорно-сниженное, ироническое, насмешливое, снисходительное, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое/грубо, бранное/бранно, вульгарное, нецензурное*. Пометы из этого списка разнородны, поскольку относятся как к группе функционально-стилевых помет, характеризующих устную форму СРЯ, так и к пометам, выражающим экспрессивно-эмоционально-оценочную характеристику, что

подтверждает тезис о неразработанности в стилистике и лексикографии единых оснований для стилистической квалификации слов.

2. Сопоставительный анализ стилистической характеристики слов. На основании проведённого сопоставления систем СП для исследования стилистической характеристики слов были выбраны три словаря: РСС, СТС и БС.

Для сопоставления были взяты 337 лексико-семантических единиц, зафиксированных в словарях всех трёх словарей и имеющих отрицательно-оценочные СП. Проиллюстрируем проведённое сопоставление (подчёркиванием отмечены случаи совпадения СП). Всего при сопоставлении помет можно выделить несколько видов их соотношения:

1) помета присутствует только в одном из словарей: *Бузотёр* (РСС: неодобр.) (СТС: нет) (БС: нет), *Охламон* (РСС: презр., также бран.) (СТС: нет) (БС: нет), *Ехидина* (РСС: презр.) (СТС: нет) (БС: нет), *Оголец* (РСС: нет) (СТС: разг.-сниж.) (БС: нет), *Карманник* (РСС: нет) (СТС: разг.-сниж.) (БС: нет), *Псих* (РСС: нет) (СТС: разг.-сниж.) (БС: нет), *Ворона* (РСС: нет) (СТС: нет) (БС: бран.), *Простофиля* (РСС: нет) (СТС: нет) (БС: насмешл.), *Зубоскал* (РСС: нет) (СТС: нет) (БС: неодобр.); Здесь и далее убраны кавычки ‘ ’.

2) пометы из двух словарей совпадают, а в третьем отсутствуют, при этом пометы могут совпадать как полностью: *Грамотей* (РСС: ирон.) (СТС: ирон.) (БС: нет), *Высочка* (РСС: неодобр.) (СТС: неодобр.) (БС: нет), *Стрелочник* (РСС: ирон.) (СТС: нет) (БС: ирон.), так и частично: *Лимита* (РСС: пренебр.) (СТС: нет) (БС: пренебр. или презр.), *Паскуда* (РСС: груб.) (СТС: нет) (БС: груб. бран. вульг. отриц.), *Стерва* (РСС: груб.) (СТС: нет) (БС: груб. презр. бран. разг.-сниж.);

3) пометы есть в трёх словарях, но совпадают только в двух из них полностью: *Старьё* (РСС: пренебр.) (СТС: пренебр.) (БС: презр. разг.-сниж.), *Кретин* (РСС: презр.) (СТС: бранно) (БС: бран.); либо частично: *Дубина* (РСС: презр.) (СТС: бранно) (БС: бран. разг.-сниж.), *Пьянь* (РСС: презр.) (СТС: обычно бранно) (БС: презр. разг.-сниж.); а также попарно: *Отродье* (РСС: презр.) (СТС: бранно) (БС: презр. бран. разг.-сниж.), *Сволочь* (РСС: бран.) (СТС: грубо) (БС: груб. бран. разг.-сниж.), *Гадина* (РСС: презр.) (СТС: бранно) (БС: бран. презр.);

4) пометы совпадают во всех трёх словарях (обычно характерно

для СП *бран.*) полностью: *Гад* (РСС: бран.) (СТС: бранно) (БС: бран.) или частично: *Гадина* (РСС: бран.) (СТС: бранно) (БС: бран. презр.), *Болван* (РСС: бран.) (СТС: бранно) (БС: бран. разг.-сниж.), *Готкомпания* (РСС: неодобр.) (СТС: неодобр.) (БС: насмешл. неодобр. разг.-сниж.), *Отребье* (РСС: презр.) (СТС: презрит.) (БС: презр. (бран.) разг.-сниж.);

5) пометы не совпадают ни в одном из словарей: *Хахаль* (РСС: обычно ирон.) (СТС: разг.-сниж.) (БС: неодобр.), *Сброд* (РСС: презр.) (СТС: пренебр.) (БС: груб.), в том числе при отсутствии в одном из них: *Дурачьё* (РСС: нет) (СТС: бранно) (БС: разг.-сниж.);

6) пометы отсутствуют во всех трёх словарях, например: *Вертопрах*, *Злючка*, *Бедняк*, *Мазурик*, *Садист*, *Верхушка*.

Из приведённых примеров сопоставления помет следует, что преимущественно стилистическая характеристика слов разнится во всех трёх словарях.

Обращение к словарным статьям РСС, СТС и БС позволяет проследить их отличительные особенности. Так, например, в РСС частотны двойные пометы, свидетельствующие о полифункциональном употреблении слов. Чаще всего это комбинации различных помет с СП *бран.*: *пренебр.*, *также бран.* (наиболее частотная); *презр.*, *также / обычно бран.*; *груб.*, *также / обычно бран.*; *неодобр.*, *также бран.* Помимо этого встречаются составные пометы *груб. бран.* и *груб. презр.*, которые отдельно не описываются в предисловии к словарю, но представляются самостоятельными, поскольку между двумя частями *груб.* и *бран.* отсутствует разделение запятой: *Собака* (презр., также груб. бран.), *Зараза* (презр., также груб. бран.), *Мразь* (презр., также груб. бран.), *Паскуда* (груб. презр., также бран.). Кроме того, в РСС пометы осложняются наличием кванторов *часто*, *чаще*, *обычно*, *иногда*, *также*.

В СТС и БС отмечается наличие многокомпонентных экспрессивно-эмоционально-оценочных СП. Для СТС такие случаи единичны: *Шкура* (грубо бранно); *Очкарик* (шутл. пренебр.); *Фараон* (разг.-сниж. презрит.); *Типчик* (пренебр. смягчит.); *Шаромыжник* (разг.-сниж. бранно). Однако в БС стилистическая характеристика большинства слов включает до пяти компонентов: *Тварь* (груб. презр. бран. разг.-сниж.); *Тетеря* (груб. насмешл. неодобр. разг.-сниж.); *Недоносок* (груб. бран. презр. разг.-сниж. отриц.); *Жопа* (груб. вульг. неодобр. или презр. (бран.)). Для БС характерно соединение СП в

многокомпонентную помету как с помощью союза «или»: *Шоферня* (уничиж. или пренебр. разг.-сниж.); *Шайка-лейка* (шутл. неодобр. или презр. разг.-сниж.); *Ночная бабочка* (насмешл. или ирон. разг.-сниж.); *Хлюпик* (пренебр. или неодобр. разг.-сниж.); так и при помощи дефиса: *Несун* (насмешл.-ирон. разг.-сниж.); *Негр* (насмешл.-уничиж.); *Архаровец* (шутл.-ирон.); *Копуша* (шутл.-снисх.). Ещё одной особенностью БС является использование приёма указания пометы в скобках для маркирования непостоянно проявляющегося признака слова: *Отребье* ((бран.) разг.-сниж.); *Отродье* (презр. (бран.) разг.-сниж.); *Путана* ((насмешл.)); *Крокодил* (насмешл. (бран.)).

Указанные особенности стилистической характеристики слов в рассматриваемых словарях не только обуславливают затруднения, возникающие при их сопоставлении с имеющимися в других словарях, но и осложняют более точную квалификацию оценочных слов, в том числе при проведении лингвистической экспертизы.

Выводы. Таким образом, проведённое исследование показало, что проблема системности и однородности СП остаётся нерешённой в стилистике и лексикографии. Системы СП разнородны и по своей структуре, и по наполнению: отсутствует общепринятое основание для выделения тех или иных помет. Требуется приведение к единому виду известных классификаций СП, а также в перспективе – их адаптация к целям лингвистической экспертизы. Из-за разнородности систем СП пометы при одном слове в разных словарях могут быть различны либо могут отсутствовать в одних словарях при наличии в других. Разнородная стилистическая характеристика слов не способствует точности и объективности экспертиз, проводимых с опорой на эти словари. Для получения максимально объективной и полной стилистической характеристики слов следует сопоставлять несколько лексикографических источников.

Литература

1. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 146–157.
2. *Русский семантический словарь*: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1: Слова указующие

(местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). – М.: Азбуковник, 1998. – 800 с.

3. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.

4. *Современный толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2002. – 959 с.

5. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. – Т. 1: А–О. – М.: Рус. яз., 2000. – 1210 с.

6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. – Т. 2: П–Я. – М.: Рус. яз., 2000. – 1084 с.

7. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.

8. *Салимовский В.А.* Стилистическая коннотация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006. – С. 432–433.

9. *Трипольская Т.А.* Семантическая структура экспрессивного слова и её лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985. – 18 с.

10. *Емельянова О.Н.* Стилистическая помета // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006. – С. 444–447.

11. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как юрлингвистическая проблема // Юрлингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 9–45.

12. *Голев Н.Д.* Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрлингвистика-3: Проблемы юрлингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002. – С. 14–29.

13. *Голев Н.Д.* Юрлингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – С. 92–98.

14. *Бельчиков Ю.А.* Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словарю // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. материалов науч.-практ. семинара, Москва, 7–8 декабря 2002 г. – Ч. 2 / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2003. – С. 32–47.

15. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 330 с.

16. *Бельская Е.В.* Лексикографическое описание интенсивной лексики диалекта // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – №3 (19). – С. 5–13.

STYLISTIC LABELS IN DICTIONARIES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 20–38.

DOI: 10.17223/22274200/11/2

Kristina S. Kochergina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tinakohergina@gmail.com

Keywords: evaluative word, negative evaluation, stylistic label, dictionary, juridical linguistics, linguistic expertise.

The article analyzes the systems of stylistic labels on the material of the five Russian language dictionaries of the late 20th century and of the early 21st century, which are most actively involved in linguistic expertise. The label systems of the five dictionaries are described and compared in a table. Three groups of labels are identified and characterized: 1) functional-style labels; 2) chronological labels; 3) expressive and emotional evaluation labels.

The data presented in the table suggest that the label systems of the five dictionaries are different. None of these dictionaries discloses all functional and stylistic separation of the vocabulary.

Some disputed issues related to the label qualification as negative-evaluative ones are also considered in the article. It is suggested that 12 labels mark the negative-evaluative meaning of a word: *low colloquial, ironic, mocking, condescending, disapproving, neglecting, disparaging, contemptuous, rude, expletive, vulgar, obscene*. The list of these labels is heterogeneous, because it contains both functional-style labels, which characterize the oral form of the modern Russian language, and other labels, which characterize expressive, emotional and evaluative meaning of a word. This confirms the thesis about the absence of common grounds for the stylistic classification of words in stylistics and lexicography.

The article compares the stylistic characteristics of the negative-evaluative nouns meaning a person name and of nouns meaning a person group name represented in these dictionaries. The 337 units with negative-evaluative labels from three dictionaries were taken for comparison. While comparing labels, several types of relationships were allocated: 1) a label is presented only in one of the dictionaries; 2) a label matches a second one from another dictionary but it is not presented in a third dictionary; 3) a label is presented in all three dictionaries but it matches only one and differs from another label; 4) all three labels from dictionaries match each other; 5) all three labels from dictionaries do not match each other; 6) all three labels are absent in the dictionaries. This suggests that the stylistic characteristics of a word are different in the three dictionaries.

The use of the dictionaries shows their distinctive features, for example, the presence of multi-labels. These features of word stylistic characteristics in the dictionaries not only cause difficulties while comparing them, but also complicate an accurate classification of evaluative words, including in cases of conducting linguistic expertise.

In conclusion, the author proposes an approach for the objectification of word stylistic characteristics, which is to compare the data from several lexicographic sources.

References

1. Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2003) Yurisingvisticheskaya ekspertiza: na styke yazyka i prava [Legal linguistic expertise: at the crossroads of language and law]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 146–157.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskij slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
3. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
4. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2002) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
5. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and Word-Building]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
6. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and Word-Building]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Khimik, V.V. (2004) *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Large Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech]. St. Petersburg: Norint.
8. Salimovskiy, V.A. (2006) Stilisticheskaya konnotatsiya [Stylistic connotation]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
9. Tripol'skaya, T.A. (1985) *Semanticheskaya struktura ekspressivnogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie (na materiale emotsional'no-otsenonnykh sushchestvitel'nykh so znacheniem litsa)* [The semantic structure of an expressive word and its lexicographic description (on the material of emotional-evaluative nouns with the meaning of a person)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
10. Emel'yanova, O.N. (2006) Stilisticheskaya pometa [Stylistic label]. In Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
11. Golev, N.D. (2000) Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak yurisingvisticheskaya problema [Juridisation of natural language as a problem of legal linguistics]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurisingvistika–2: Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Legal linguistics–2: Russian language in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University.
12. Golev, N.D. (2002) Ob ob'ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoy ekspertizy [On the objectivity and legitimacy of sources of linguistic expertise]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurisingvistika–3: Problemy yurisingvisticheskoy ekspertizy* [Legal linguistics–3: Problems of the legal expert examination]. Barnaul: Altai State University.
13. Golev, N.D. (2003) [Legal linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language (on the formulation of the problem)]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Proceedings of the international conference. Vol.2:1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–98. (In Russian).
14. Bel'chikov, Yu.A. (2003) [Linguistic expertise on documentary and information disputes, and dictionaries]. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh* [Theory and practice of linguistic

analysis of media texts in forensic examinations and information disputes]. Proceedings of the seminar. Moscow. 7–8 December 2002. Vol. 2. Moscow: Galeriya. pp. 32–47. (In Russian).

15. Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. & Sekerazh, T.N. (2011) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu* [Theoretical and methodological foundations of judicial psychological and linguistic examination of texts on cases related to counteraction to extremism]. Moscow: RFTsSE pri Minyuste Rossii.

16. Bel'skaya, E.V. (2012) Lexicographic description of intensive vocabulary of dialect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(19). pp. 5–13. (In Russian).

К.С. Федотова

ПОЭТОНИМОГРАФИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматривается история становления поэтонимологии – теории и практики создания словарей онимных составляющих языка писателей. Обоснована актуальность этого направления исследований, описаны его объект и предмет. Охарактеризованы возможные типы словарей поэтонимов, а также микроструктура таких лексикографических трудов. Представлены варианты словарных статей, описывающих функционирование собственного имени Адам в творчестве Н.С. Гумилева.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтонимология, собственное имя, поэтоним, литературная ономастика, поэтонимия Н.С. Гумилева.

В последние десятилетия русская авторская лексикография продолжает стремительно развиваться. Появляются как полные по составу писательские словари¹, так и работы, направленные на характеристику определенного типа лексики, рассмотрение которой помогает лучше понять особенности авторской поэтики и стиля. В составленной Л.Л. Шестаковой [3] библиографии писательских словарей из 126 трудов более шестидесяти содержат описания отдельных лексических единиц: неологизмов, окказионализмов, диалектизмов, редких слов, эпитетов, а также тропов, фигур и других образных компонентов художественных текстов: метафор, сравнений, крылатых выражений, фразеологизмов и т.д. Значительно возрос интерес и к описанию собственных имен в литературных произведениях. Нужно сказать, что вопрос лексикографирования онимной лексики в языке писателя так или иначе затрагивался во всех масштабных проектах авторских словарей², но исчерпывающего анализа еще не получил. Поэтому появление в русле писательской

---

¹ Например, «Словарь языка А.С. Грибоедова» [1], «Словарь языка Ф.М. Достоевского» [2]. Также известно, что в настоящее время в Институте лингвистических исследований РАН ведется работа над составлением словаря языка М. Ломоносова.

² Имеются в виду проекты «Словаря языка А.С. Пушкина» [4], «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» [5], работа «Поэт и слово. Опыт словаря», созданная под руководством В.П. Григорьева [6].

лексикографии такого направления, как поэтонимография¹, кажется вполне закономерным. Объектом поэтонимографии являются произведения словесного творчества как одного автора, так и целой эпохи, а предметом – функционирующая в литературных текстах онимная лексика.

Первые попытки лексикографирования собственных имен связаны с созданием указателей к переводам библейских текстов, с составлением миней и азбуковников [7. С. 10]. Например, труд Максима Грека «Толкования именам по алфавиту» содержит перечень иностранных личных и некоторых нарицательных имен с этимологическими расшифровками. В первых лексикографических и в древних философских трудах собственные имена осмысливались преимущественно через их этимологию (например, размышления об имени Гермоген в известном диалоге Платона «Кратил»). С определенной степенью условности можно сказать, что история становления ономастической лексикографии (онимографии) охватывает более чем пятисотлетний период. Первые работы по собственно литературной онимографии в России созданы в конце XIX в. и представляют собой указатели собственных имен конкордансного типа (см. работу [8])².

С 1879 по 1887 г. вышел пятитомный «Опыт библейского словаря собственных имен», составленный П. Солярским [10]. Вероятно, это первый в истории отечественной авторской лексикографии труд, в котором собраны все онимные единицы литературного памятника. Каждое имя в словаре сопровождается еврейским и греческим написанием, историко-этимологической справкой, шифрами-названиями книг и стихов, обширными комментариями к употреблению. Онимы в одной словарной статье даны под разными «значениями». Например, статья *Ваал* содержит несколько толкований: *Ваал* как имя языческого божества, как имя двух персонажей Ветхого Завета,

---

¹ Термин «поэтонимография» предложен В.М. Калинкиным и образован по аналогии с термином «лексикография» с заменой первого компонента. Под поэтонимом понимается любое собственное имя в художественном произведении.

² Такие указатели находятся в четвертом и девятом томах Собрания сочинений Г.Р. Державина, вышедшего в 1864–1883 гг. Помимо заголовочных слов (собственных имен) и шифров произведений, многие словарные статьи в указателях содержат краткие, но точные пояснения к контекстам употребления онимных единиц: «При именах, по большей части, означены и предметы, о которых всякий раз идет речь. Этого не делается только тогда, когда обозначить предмет во многих словах было затруднительно или когда такое обозначение казалось излишним по малому числу ссылок» [9. С. 815].

как название города и название горы [10. С. 271–269]. В истории отечественной ономастической лексикографии работа П. Солярского является первым именно словарем (а не указателем) собственных имен, функционирующих в литературном памятнике.

Отдельно стоит упомянуть «Словарь литературных типов» (1908–1914 гг.), составленный на материале произведений А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, С.Т. Аксакова [11]. Цель этого лексикографического труда состояла не в том, чтобы описать онимные единицы как компоненты языка писателей, а в том, чтобы через пространство собственных имен показать особенности эпохи, рассмотреть характеры и сюжетные функции главных и второстепенных персонажей. Похожую концепцию имеет вышедший совсем недавно «Словарь литературных персонажей» [12], ориентированный на учителей, студентов, абитуриентов и школьников. В словаре представлены развернутые описания сюжетных функций главных действующих лиц произведений русской и мировой литературы. К зарубежным изданиям подобного типа относится, например, неоднократно переиздававшийся труд “Dictionnaire des Personages” [13]. При выборе материала для словаря-справочника создатели стремились ответить на вопрос, какие герои казались близкими по духу каждому честному человеку хотя бы раз в жизни или каких героев он хотел бы лучше понять¹ [13. С. 5]. Эта работа интересна тем, что статьи к большинству мифологических и легендарных персонажей содержат характеристики изменения образа в литературе со времен Античности до XX в. Подобные энциклопедические издания, несомненно, обладают научной ценностью и могут быть полезны не только специалистам-филологам, но любому читающему человеку.

Роль справочника и комментария одновременно выполняет «Словарь “Маятника Фуко” Умберто Эко» [14]. В нем описаны упоминаемые в произведении исторические лица, представлены некоторые факты их биографии.

Хотя работы справочного характера и по целевым установкам, и по методам словарного описания фактически лежат за пределами литературной ономастики, все же их необходимо учитывать при

---

¹ «<...> quels sont les héros qu’il arrive à tout honnête home de rencontrer au moins une fois dans sa vie, ou qu’il désirerait connaître ?» [13. С. 5].

дальнейшей разработке теории поэтонимологии, начало которой положено В.П. Григорьевым, В.М. Калинин и другими исследователями, занимающимися вопросами лексикографирования собственных имен в литературных произведениях¹.

С выходом в 1999 г. монографии В.М. Калинкина «Теория и практика лексикографии поэтонимов» [18] начался собственно научный период развития поэтонимологии. В книге затронуты вопросы, касающиеся проблем лексикографирования онимных единиц в языке писателя, предложена макро- и микроструктура словаря поэтонимов, представлен словарь собственных имен в романе «Евгений Онегин». Через пять лет после выхода монографии В.М. Калинкина в Одессе вышел словарь «Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина» [19]. В этой работе представлены художественные средства, использованные поэтом для создания образности имени на контекстуальном уровне: эпитеты, перифразы; определены синтаксические конструкции, в которые входит поэтоним: приложения, подчиненные части сложного предложения со значениями определения, причины, цели и др. Некоторые собственные имена снабжены стилистическими пометами, помогающими представить характер пушкинского топонимона². Примерно в то же время завершилась работа над проектом «Собственное имя в русской поэзии XX в.» [20]. Это масштабный лексикографический труд, в котором осуществлена попытка представить онимную составляющую языка целой культурной эпохи. Кроме собственных имен, в словарь включены отонимные прилагательные и наречия, а также отапеллятивные онимные единицы. В настоящее время этот словарь не имеет аналогов, а практическая его польза очень велика для учителей-словесников, преподавателей, а также для студентов, абитуриентов и учащихся старших классов.

Словари онимной лексики в языке писателя могут создаваться по одному произведению или циклу, на материале произведений одного жанра или рода в творчестве определенного писателя или на материале произведений нескольких авторов, живших в одну эпоху. Ис-

---

¹ Имеются в виду, например, работы Е.С. Обуховой [15], В.И. Рогозиной [16], Р.У. Таич [17].

² Стоит, однако, отметить, что в этой работе не были разграничены топонимы и топонимы в языке Пушкина, что было предметом специальной дискуссии на одном из заседаний Святогорских ономастических чтений.

ходя из выбора материала определяются и частные цели такого словаря: выявить особенности индивидуального стиля писателя, характерные черты поэтики онимов, описать особенности онимного пространства историко-литературного периода и пр. Общая же цель словаря поэтонимов, как представляется, состоит в том, чтобы в рамках исследуемого материала методом многофакторного анализа¹ дать разноаспектную и по возможности исчерпывающую характеристику поэтонимов как специфических компонентов художественного мира. Необходимо отметить, что вслед за В.М. Калинкиным [21] мы разграничиваем понятия 'оним' и 'поэтоним'. Так, если под 'онимом' понимается собственное имя вообще, имя как *факт языка*, то понятие 'поэтоним' ограничено исключительно рамками художественного текста: «Основное отличие поэтонима от собственного имени состоит в том, что поэтонимами, как правило, обозначаются не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных именем собственным» [21. С. 97]. В литературном произведении имя функционирует как *факт индивидуальной авторской речи*, как компонент поэтического и замкнутого мира, вступает в особые отношения с другими синонимичными именованиями и с именами других персонажей, развивает и раскрывает свою семантику только в контексте. Каждое собственное имя в языке писателя взаимодействует с другими именами и номинациями как в пределах одного текста, так и в разных произведениях, участвует в формировании художественных образов, тщательно выбирается писателем в соответствии с замыслом произведения.

Работа над макро- и микроструктурой словаря поэтонимов требует тщательного отбора и последующего анализа онимного материала. Несмотря на то, что теория поэтонимологии фактически еще не создана, как не создан и образцовый полный по составу словарь онимной составляющей языка какого-либо писателя, а потому любая формулировка, касающаяся вопросов лексикографирования поэтонимов, носит предварительный характер, позволим себе сформули-

---

¹ Собственное имя имеет как минимум два значения: этимологическое и референциальное. Для того чтобы показать, как имя «живет» в художественном произведении, необходимо задействовать разные подходы к его анализу: лингвистический, литературоведческий и собственно поэтонимологический (литературно-ономастический).

ровать несколько положений, которые, как нам кажется, можно учитывать при работе над словарем онимной составляющей языка писателя.

Во-первых, предполагаем, что одинаковые по форме выражения собственные имена, обозначающие разных персонажей, необходимо описывать в разных статьях. Это касается и случаев, когда одно и то же имя употреблено писателем и для обозначения лирического героя / субъекта поэтического описания, и как имя-символ, и в составе другой онимной единицы (см. ниже на примере статей к имени *Адам*).

Во-вторых, к обязательным компонентам словарной статьи можно, как представляется, отнести указание на разряд и тематическую группу онимной единицы, краткую энциклопедическую справку, полный перечень контекстов употребления имени и комментарии к ним, литературно-ономастический (поэтонимологический) комментарий.

Недавно начата работа над онимной составляющей языка Н.С. Гумилева. В настоящее время внимание акцентировано только на изучении поэтонимии писателя, а не онимии в целом¹. Часть словарных материалов опубликована отдельным изданием [22], но собственно словарь еще не завершен. Классификация и первичный анализ онимных единиц осуществляются в приложении Microsoft Access (версия 2003). В настоящее время в базе данных собраны 1410 поэтонимов (без учета заглавий), функционирующих в более чем четырех тысячах контекстов. К наиболее частотным в творчестве Н.С. Гумилева поэтонимам относятся имена *Христос*, *Люцифер*, *Адам*, *Ева*, *Нил*, *Африка*, *Рим*. В этой работе в качестве примеров статей для будущего словаря поэтонимов выбрано имя *Адам*. Выбор обусловлен рядом обстоятельств: 1) поэтоним *Адам* отсылает к мифологическому (библейскому) персонажу, широко известному в европейской литературе; 2) поэтоним неоднократно использован Н. Гумилевым; 3) семантическая аура этого имени в произведениях поэта не только богата, но и тесно связана с установками акмеизма.

Структура предлагаемых словарных статей такова: 1) заголовок статьи; 2) характеристика поэтонима по отношению к общеязыково-

---

¹ Под онимией писателя подразумевается совокупность проприальных единиц во всех написанных им текстах, в том числе в публицистических работах, дневниковых записях, письмах. Понятие поэтонимии ограничено рамками художественных произведений.

му ономастикону (отонимный, отапеллятивный, индивидуально-авторский¹); 3) разряд проприальной единицы по общеономастической терминологии, но с заменой компонента *-оним* на компонент *-поэтоним* (антропоним → антропоэтоним); 4) тематическая группа поэтонима; 5) количество употреблений имени в творчестве автора / количество произведений, в которых употреблено имя; 6) историко-этимологическая справка (дана под знаком *); 7) энциклопедическая справка (дана под знаком ≡); 8) информация об объекте, который обозначает имя (дана под знаком ≡); 9) историко-литературный комментарий, содержащий информацию о связанных с именем возможных аллюзиях и реминисценциях, переключках с другими текстами автора (обозначен знаком ☒); 10) перечень всех контекстов употребления с шифрами произведений (по полному собранию сочинений поэта [23], перечень обозначен знаком ☐): первая цифра шифра обозначает номер тома, вторая – номер произведения в томе; 11) указание синтаксических позиций онимной единицы в каждом контексте (дано под знаком ■); 12) литературно-ономастический комментарий (дан под знаком ☐); 13) перечень и краткое описание характеризующих имя эпитетов; 14) перечень и краткое описание характеризующих имя глаголов (только для случаев, когда поэтоним выступает в роли подлежащего).

АДАМ₁. Отонимный библиопоэтоним, имя персонажа Ветхого Завета. (10 / 6). * В переводе с ивр. буквально значит «земля, глина». По библейской традиции, Адам был создан из красной глины. ≡ Первый человек, отец Каина и Авеля. После грехопадения А. и Ева были изгнаны из рая, а человеческий род осужден на вечное богоискание. Это имя также может употребляться как синоним слова «человек». ☐ Лириче-

¹ Отонимный поэтоним выражен собственным именем, которое существует в общенародном ономастиконе: *Сергей, Серафима Павловна, Сирано де Бержерак* (антропоэтонимы); *Нил, Сена, Россия* (топопоэтонимы). К отонимным также относятся имена исторических деятелей: *Юлий Цезарь, Юстиниан, Феодора*; мифологических и библейских персонажей: *Диана, Зевс, Юдифь*. К отапеллятивным мы относим поэтонимы, произошедшие от нарицательного имени, но ставшие проприальной единицей в художественном произведении: «<...> Рабы, найдите *Деву Солнца* / И приведите мне, царю, / И все дворцы, и все червонцы, / И земли все я вам дарю» [23. Т. 1. С. 45] (поэма «Дева Солнца»). Отапеллятивные поэтонимы свойственны раннему творчеству Н.С. Гумилева. Индивидуально-авторские поэтонимы не имеют прямого соответствия в общенародном языке, их протоном не всегда можно определить: *Тремограст* (рассказ «Гибели обреченные»), *Гар, Гарайя* (поэма «Звездный ужас»).

ский герой поэм, написанных Н. Гумилевым в период становления акмеизма как формы искусства. Поэтотим А. вместе с поэтотимом *Ева* дважды упомянут в прозаических произведениях зрелого периода творчества поэта.

☒ Акмеисты иногда называли себя адамистами как последователями Адама – первого поэта (согласно Библии, А. дал имена объектам окружающего мира). Точно неизвестно, кому принадлежит термин «адамизм», его автором мог быть как сам Н. Гумилев, так и С. Городецкий. Но так или иначе, образ А. характерен для творческого мироощущения акмеистов. А. – это и первый, а значит, естественный и природный, человек. И он же – первый поэт, глашатай, выразитель мысли и чувства в емком, понятном и определенном слове. В статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913 г.) Н. Гумилев писал: «На смену символизму идет новое направление, как бы оно не называлось акмеизм ли <...> или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), – во всяком случае требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме» [23. Т. 7. С. 146–147].

📖 **Поэзия.** От плясок и песен *усталый Адам / Заснул*, неразумный, у Древа Познания. / Над ним ослепительных звезд трепетанья, / Лиловые тени скользят по лугам / <...> (I. 161) ■ подлежащее, носитель состояния. И *многое видит смущенный Адам*: / Он *тонет душою* в распутстве и неге, / Он *ищет спасенья* в надежном ковчеге / И *строится* снова, *суров и упрям* / (I. 161) ■ подлежащее, носитель состояния. И, медленно рея багровым хвостом, / Помчалась к земле голубая комета. / И страшно *Адаму*, и больно от света, / И рвет ему мозг нескончаемый гром. / (I. 161) ■ косвенное дополнение к сказуемому, выраженному наречием; обозначает объект, который испытывает определенные состояния. *Адам, униженный Адам*, / Твой бледен лик и взор твой бешен, / Скорбишь ли ты по тем плодам, / Что ты срывал, еще безгрешен? / (I. 169) ■ в риторическом обращении. Ты не знаешь сказанья о деве Лилит, / С кем *был счастлив* в раю первозданном *Адам*, / Но ты все ж из немногих, чье сердце болит / По душе окрыленной и вольным садам. / (II. 46) ■ подлежащее, носитель состояния. Кто храбрился, кто ныл, кто сердился... / А тогда уж *Адам родился*, / Бог спаси *Адама* и Еву! / (II. 86) ■ 1) подлежащее, субъект действия; 2) прямое дополнение, обозначает объект, на который направлено действие.

Проза. *Дряхлый, всегда печальный Адам* и Ева с кроткими глазами и змеиным сердцем *жили* в убогих пещерах, окруженные потомством Сифа (VI. 06) ■ подлежащее, носитель состояния. Книжки пишут, что

земля не в шесть дней сотворена и что **Адама** с Евой вовсе не было (VI. 18) ■ прямое дополнение в безличном предложении, обозначает объект, к которому относится действие.

▣ Поэтоним *Адам* относится к одним из самых часто употребляемых Н. Гумилевым имен. В семантическом поле имени преобладают негативные коннотации, восходящие, вероятно, к библейским представлениям об Адаме как о том, на кого пал Божий гнев и печать богооставленности. У Н. Гумилева *Адам* – эпический персонаж, для которого важно не активное действие, а само существование в мире. Поэт акцентировал внимание на внутренних переживаниях *Адама*, на его душевном состоянии, что косвенно подтверждается большим количеством сопровождающих имя эпитетов. *Адам* изображен поэтом как тот, у кого незаслуженно отняли счастье беспечной жизни в единстве с природой и Богом – отсюда преобладание в образе *Адама* мотивов печали и усталости, но не переломили силу духа, упорство и желание жить – и в этом смысле *Адам* близок другому очень значимому для поэзии Н. Гумилева лирическому персонажу – первооткрывателю, бесстрашному искателю приключений и поэту *Колумбу*.

Эпитеты имеют преимущественно негативные коннотации: *дряхлый, всегда печальный, смущенный, суров, униженный, упрям, усталый*.

Предикаты представлены глаголами состояния: *был счастлив, жил(и), заснул, ищет спасенья, многое видит, родился, строится, тонет душою*.

АДАМ₂. Отонимный мифопоэтоним-символ, служащий для обозначения «второго я» автора, состояния его души. (3 / 3). ≡ Значение связано с новозаветным пониманием Христа как Нового Адама: искупив своей жертвой последствия грехопадения первых людей, Христос возродил человечество к новой жизни, дал ему возможность вновь приблизиться к Богу. ▣ Поэтоним *А.* в значении символа не обозначает субъект поэтического мира, а является сущностной характеристикой лирического героя, его фактическим именем, его alter ego, обозначением некой архетипичной (первообразной) части сознания. Последнее значение у Н. Гумилева акцентировано в первом варианте «Пятистопных ямбов» и имеет масонский «оттенок». В масонстве *А.* иногда представляется как первооснователь ордена и первочеловек, которому известны тайны создания мира.

▣ **Поэзия.** И в юном мире *юноша Адам*, / Я улыбаюсь птицам и плодам, / И знаю я, что вечером, играя, / Пройдет Христос-младенец по

водам /<...>/ (II. 1) ■ определение (приложение), служит для сущностной характеристики субъекта. Лишь изредка надменно и упрямо / Во мне кричит ветшающий Адам, / Но тот, кто видел лилию Хирама, / Тот не грустит по сказочным садам / (II. 98) ■ подлежащее, субъект действия. Мне странно сочетание слов – «Я сам», / *Есть внешний, есть и внутренний Адам.* / (III. 100) ■ подлежащее, субъект состояния.

■ Употребленное в рассматриваемом символическом значении имя *Адам* тесно связано с образом автора, а в первом контексте (II. 1) идентифицировано с ним. Но семантическая аура этого поэтонима в трех приведенных контекстах различна: от прямого отождествления с «я» автора (*юноша Адам*) до олицетворения глубин подсознания, архетипичной памяти прошлого (*ветшающий Адам*) – к противопоставлению души (*внутренний Адам*) и тела (*Адам внешний*).

Эпитеты имеют негативные (1) или нейтральные (2) коннотации: *ветшающий, внешний, внутренний*.

Предикаты представлены глаголом действия (1) и глаголом состояния (1): *кричит, есть*.

ДО АДАМА. Отонимный хронопоэтоним, обозначение условного периода времени. (1). ≡ Выражение «до А.» связано с библейской традицией и означает ‘до сотворения мира и первых людей’. ■ В посвященном Тэффи стихотворении «Сказка» Н. Гумилев создал пародию на миф, где в несколько юмористическом ключе показана жизнь людей до сотворения Адама и Евы, что само по себе невозможно. По сути, хронопоэтоним *до А.* указывает не на некое условное время, предшествующее началу мира, а не время господства дорелигиозного мифологического сознания, когда еще не было ни Библии, ни христианства и люди верили во многих богов.

■ **Поэзия.** *Это было еще до Адама, / В небесах жил не Бог, а Брама, / И на все он смотрел сквозь пальцы.* / (II. 86) ■ обстоятельство времени.

■ В стихотворении «Сказка» СИ *Адам* употреблено три раза, два из которых – как библиопоэтоним и один раз – в составе хронопоэтонима. Семантика хронопоэтонима многогранна: в контексте, ограниченном строфой, онимная единица *до Адама* называет неопределенный период времени прошлого, но в контексте всего произведения обыгрывается и «прямое» значение этого выражения: *до Адама* значит также ‘до рождения Адама’ (см. контексты к поэтониму АДАМ¹).

Собственное имя *Адам* играет важную роль в языке Н.С. Гумилева, имеет многогранную сложную семантику, обозначает субъект лирического описания, а также служит символическому именованию внутреннего мира лирического героя (автора). Последнее значение имени является индивидуально-авторским. Кроме того, собственное имя *Адам* входит в состав хронопоэтонима, номинирующего условный период времени, а также функционирует в трех заглавиях, которые мы не рассматривали в рамках этой статьи. Словарь поэтонимов в языке Н.С. Гумилева должен, по нашим представлениям, отражать особенности онимного пространства произведений поэта и стать фундаментом для дальнейших исследований по его поэтике и стилю.

Представляется, что поэтонимография может стать перспективным направлением в русле авторской лексикографии, направлением, теоретическая база которого будет формироваться с учетом лингвистических, литературоведческих и ономастических методов исследований. Описание онимных составляющих языка писателей даст возможность увидеть внутренние законы авторской поэтики, заглянуть в «мастерскую писателя», понять причины выбора им тех или иных имен, увидеть связь семантического пространства имен с характерами и сюжетными функциями персонажей. Кроме того, словарь поэтонимов может быть использован при составлении программ спецкурсов по литературной ономастике и истории русской литературы, при подготовке к лекциям и практическим занятиям.

Литература

1. Поляков А.Е. Словарь языка А.С.Грибоедова. – URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 26.03.2017).
2. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001. – 442 с.
3. Шестакова Л.Л. Литература по русской авторской (писательской) лексикографии за 2000–2008 гг.: материалы к библиографическому указателю // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. – Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 9 (52). – С. 297–341.
4. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В.Виноградов. – 2-е изд, доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. – С. XVI («Содержание и построение словаря»).

5. *Ларин Б.А.* Предисловие к «Словарю автобиографической трилогии М. Горького» // Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: антология. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1896> (дата обращения: 09.04.2017).
6. *Поэт и слово: Опыт словаря* / под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1973. С. 99–114; с. 150–170.
7. *Ономастическая лексикография* / В.Э. Сталтмане; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 112, [3] с.
8. *Слабоуз В.В.* Проблемы и задачи лингвокультурологической ономографии // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. – 2013. – № 14 (273), ч. 1. – С. 226–233.
9. *Указатель* к I, II, III и IV томам академического издания сочинений Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. 4. – СПб., 1867. – С. 813–861.
10. *Солярский П.* Опыт библейского словаря собственных имен. – СПб., 1879. – 666 с.
11. *Словарь литературных типов* / под ред. Н.Д. Носкова. – СПб.: Изд. ред. журнала «Всходь», 1908–1914. – Т. 7.
12. *Словарь литературных персонажей: Русская литература XVII – середины XIX вв.* / сост. В.П. Мещеряков – М.: Московский лицей, 1997. – 112 с.
13. *Dictionnaire des personnages littéraires et dramatiques de tous les temps et des tous les pays.* – Paris: Laffont-Bompiani, 1994. – 1142 p.
14. *Словарь «Маятника Фуко» Умберто Эко* / сост. О. Логош, В. Петров. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 492 с.
15. *Обухова Е.С.* Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.
16. *Розозина В.И.* Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова // Λογος όνομαστικη. – 2009. – № 1(3). – С. 94–99.
17. *Таич Р.У.* Опыт антропонимического словаря писателя // Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1910#opyt> (дата обращения: 26.03.2017).
18. *Калинкин В.М.* Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
19. *Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф.* Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: словарь: пособие для учителя. – Одесса: ФОТОСИНТЕТИКА, 2004. – 192 с.
20. *Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л.* Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html> (дата обращения: 26.03.2017).
21. *Калинкин В.М.* Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Λογος όνομαστικη. – 2008. – № 2. – С. 96–101.
22. *Федотова К.С.* Собственное имя в поэзии Николая Гумилева: Материалы к словарю языка писателя. – Иваново: Листос, 2016. – 216 с.
23. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: Воскресенье, 1998–2001. – Т. 4.

POETONYMOGRAPHY AS A NEW FIELD OF AUTHOR LEXICOGRAPHY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 39–53.

DOI: 10.17223/22274200/11/3

Kseniya S. Fedotova, Donetsk National University (Donetsk, Ukraine). E-mail: ks-weiss@mail.ru

Keywords: author lexicography, poetonymography, proper name, poetonym, literary onomastics, poetonymia.

The paper highlights poetonymography as a new research field which contains theory and practice of compiling dictionaries of proper names in the language of a writer. The term ‘poetonymography’ is formed from the Russian term ‘poetonym’ – ‘every proper name in a literary work of art’, and Greek ‘grapho’ – ‘to write, to describe’.

The **object** of poetonymography is a literary text, the **subject** is the onym lexicon in it.

The paper contains the following components: 1) a brief history of poetonymography development; 2) some basic principles of poetonymography; 3) a few entries made for the future dictionary of poetonyms in the language of the Russian poet Nikolay Gumilev.

The practice of proper names lexicography has a long history. In Russia the first indices of proper names were composed in the 15th–16th centuries. In the 19th century, first indices of proper names in the language of a writer were composed, and the first dictionary containing a description of the onym lexicon in a literary monument was created.

The theory of author lexicography began to be established in Russia and in Ukraine in the 20th century. Traditionally, proper names were not included in dictionaries of writer’s language, although some theoretical aspects of onym lexicon description were considered in all large projects of author dictionaries. In spite of this, widespread works dedicated to the issues of proper names in literary text lexicography appeared at the end of the 20th century only.

In 1999, the monograph *Theory and Practice of Poetonym Lexicography* by Valeriy M. Kalinkin was published. This book is going to be considered as the first large work on the theory of poetonymography. From the beginning of the 21st century, the issues of onym lexicon in writer’s language description have been studied by Elena S. Obukhova, Larisa L. Shestakova, R. I. Taitch, Violetta I. Rogosina and other scholars.

Any dictionary of proper names in the language of a writer that can be presented as classical has not been created yet; and at present the theory of poetonymography is on the stage of development. In this paper some basic principles of the theory of poetonymography are represented: 1) proper names which nominate different characters but have a common form of expression are described in different entries; 2) obligatory components of the dictionary entry include reference to the category and lexical set of an onym unit, a short encyclopedic note, illustration of all contexts of the proper name usage, and a literary-onomastic comment to them.

The paper illustrated by dictionary entries which show the functioning of the proper name *Adam* in the language of the Russian modernist poet Nikolay Gumilev. In the poet’s works of art the proper name Adam has two essential meanings: 1) representation of the character of biblical mythology; 2) symbolic representation of the author’s *alter ego*. The semantics of the proper name is only actualized in the context. The purpose of the dictionary of poetonyms is to give a multi-aspect description of proper name functioning in the language of a writer, show the interrelation between the proper name and other onym units, identify transonymisation and onyms variability.

The author of the paper supports the idea that poetonymography can become a perspective field of author lexicography. The dictionaries of poetonyms give the opportunity to understand the systematicity of poet's poetonymicon and special features of his/her poetics and style.

References

1. Polyakov, A.E. (n.d.) *Slovar' yazyka A.S. Griboedova* [Dictionary of the language of A.S. Griboyedov]. [Online]. Available from: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/>. (Accessed: 26.03.2017).
2. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2001) *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta* [Dictionary of the language of Dostoevsky. The lexical structure of the idiolect]. Moscow: Azbukovnik.
3. Shestakova, L.L. (2010) Literatura po russkoy avtorskoy (pisatel'skoy) leksikografii za 2000–2008 gg.: materialy k bibliograficheskomu ukazatelyu [Literature on Russian author (writer) lexicography for 2000–2008: materials for the bibliographic index]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 9 (52). pp. 297–341.
4. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the language of Pushkin: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
5. Larin, B.A. (2002) Predislovie k "Slovaryu avtobiograficheskoy trilogii M. Gor'kogo" [Preface to the "Dictionary of the autobiographical trilogy by M. Gorky"]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vv. Antologiya* [Russian author lexicography of the 19th–20th centuries. Anthology]. [Online]. Available from: <http://slovvari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1896>. (Accessed: 09.04.2017).
6. Grigor'ev, V.P. (ed.) (1973) *Poet i slovo. Opyt slovarya* [The poet and the word. The experience of the dictionary]. Moscow: Nauka.
7. Stal'tmane, V.E. (1989) *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic lexicography]. Moscow: Nauka.
8. Slabouz, V.V. (2013) Problemy i zadachi lingvokul'turologicheskoy onimografii [Problems and tasks of linguocultural onymography]. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu im. Tarasa Shevchenka*. 14 (273):1. pp. 226–233.
9. Derzhavin, G.R. (1867) *Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grota* [Derzhavin's works with explanatory notes by J. Grot]. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences typography. pp. 813–861.
10. Solyarskiy, P. (1879) *Opyt bibleyskogo slovarya sobstvennykh imen* [Experience of the biblical dictionary of proper names]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences typography.
11. Noskov, N.D. (ed.) (1908–1914) *Slovar' literaturnykh tipov* [Dictionary of literary types]. St. Petersburg: Izd. red. zhurnala "Vskhody".
12. Meshcheryakov, V.P. (1997) *Slovar' literaturnykh personazhey: Russkaya literatura XVII – serediny XIX vv.* [Dictionary of literary characters: Russian literature of the 17th – middle of the 19th centuries]. Moscow: Moskovskiy litsey.
13. Laffont, R. (1994) *Dictionnaire des personnages littéraires et dramatiques de tous les temps et des tous les pays* [Dictionary of literary and dramatic characters of all times and all countries]. Paris: Laffont-Bompiani.
14. Logosh, O. & Petrov, V. (2002) *Slovar' "Mayatnika Fuko" Umberto Eko* [Dictionary of the "Foucault Pendulum" by Umberto Eco]. St. Petersburg: Simpozium.

15. Obukhova, E.S. (2009) *Printsipy sostavleniya slovarya onomasticheskikh edinit tvorchestva A.S. Pushkina* [Principles of compiling a dictionary of onomastic units of Pushkin's works]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
16. Rogozina, V.I. (2009) Slovar' imen sobstvennykh v poezii Valeriya Bryusova [Dictionary of proper names in the poetry of Valery Bryusov]. *Λογος ὀνομαστική*. 1(3). pp. 94–99.
17. Taich, R.U. (2002) Opyt antroponimicheskogo slovarya pisatelya [An experience of an anthroponymic dictionary of the writer]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vv. Antologiya* [Russian author lexicography of the 19th–20th centuries. Anthology]. [Online]. Available from: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1910#opyt>. (Accessed: 26.03.2017).
18. Kalinkin, V.M. (1999) *Teoriya i praktika leksikografii poetonimov (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina)* [Theory and practice of lexicography of poetonyms (on the material of AS Pushkin's works)]. Donetsk: Yugo-Vostok.
19. Gukova, L.N. & Fomina, L.F. (2004) *Khudozhestvennaya kharakteristika toponimov v tvorcheskom nasledii A.S. Pushkina: Slovar'. Posobie dlya uchitelya* [Artistic characteristics of toponyms in the creative heritage of A.S. Pushkin: Dictionary. A handbook for teachers]. Odessa: FOTOSINTETIKA.
20. Grigor'ev, V.P., Kolodyazhnaya, L.I. & Shestakova, L.L. (2003) *Sobstvennoe imya v russkoy poezii XX veka: Slovar' lichnykh imen* [Proper name in the Russian poetry of the twentieth century: Dictionary of personal names]. [Online]. Available from: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html>. (Accessed: 26.03.2017).
21. Kalinkin, V.M. (2008) Poetonimologiya: iz zametok o metazykyze nauki [Poetonymology: from notes on the metalanguage of science]. *Λογος ὀνομαστική*. 2. pp. 96–101.
22. Fedotova, K.S. (2016) *Sobstvennoe imya v poezii Nikolaya Gumileva: Materialy k slovaryu yazyka pisatelya* [Proper name in the poetry of Nikolai Gumilev: Materials to the dictionary of the writer's language]. Ivanovo: Listos.
23. Gumilev, N.S. (1998–2001) *Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomakh* [Complete works in ten volumes]. Moscow: Voskresen'e.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1; 81-25; 81'322
DOI: 10.17223/22274200/11/4

Е.В. Иванцова

ТОМСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ КОРПУС: ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматривается реализуемый в томской диалектологической школе новый проект корпусного представления русских говоров Среднего Приобья. Обосновывается модификация первоначальной концепции корпуса. Освещаются общие установки его создания и ориентация электронного ресурса, определяющиеся современными задачами диалектологии, интересами томских диалектологов и характером имеющихся в их распоряжении материалов. Описаны принципы подачи и метаразметки диалектной базы данных, перспективы развития корпуса.

Ключевые слова: русские говоры Сибири, Среднее Приобье, диалектный корпус, концепция.

В современных научных исследованиях с каждым годом растет потребность в создании полноохватных, доступных и удобных для научного поиска электронных источников информации. Наряду с масштабными проектами национальных корпусов, ставящими цель репрезентативного представления всех типов дискурса того или иного языка, показателен и явно выраженный интерес лингвистов к проектам создания диалектных корпусов. Они созданы или создаются в Германии, Австрии, Испании, Китае, Португалии, Финляндии, Скандинавии, Польше, Литве, Грузии (см., например, COR-DIAL-SIN; Helsinki corpus of English dialects; Freiburg English Dialect Corpus; The Nordic Dialect Corpus; Archiv fur gesprochenes Deutsch, Die bayerische Dialektdatenbank; LEXDIALGRAM и др.), на территории России – в научных центрах Москвы, Саратова, Казани, Славянска-на-Кубани, Вологды и ряда других городов (Диалектный под-корпус в составе Национального корпуса русского языка, Саратовский диалектологический корпус, Электронная библиотека русских народных говоров, Электронный корпус диалектной культуры Кубани и др.). Это явление закономерно отражает, с одной стороны,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

понимание значимости местных народных говоров как первоосновы национального языка и национальной ментальности, с другой – насущную потребность в получении эффективных инструментов работы с диалектными материалами, в большинстве случаев доступными очень ограниченному кругу пользователей.

Создание диалектного корпуса входит в число актуальных проблем и для томской диалектологической школы, являющейся старейшим научным центром по изучению народно-речевой культуры Сибири. Значимость этого проекта определяется не только внутренними потребностями развития самой школы, связанными с необходимостью продуктивного использования экспедиционных и словарных данных в условиях интеграции гуманитарных и точных наук, но и важностью репрезентации сибирских материалов для научного сообщества. Хотя диалектологическая работа ведется во многих научных центрах Сибири (в их числе Тюмень, Омск, Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Красноярск и др.), диалектные корпуса этих территорий пока не созданы; почти не представлены говоры Сибири и в региональном подкорпусе НКРЯ.

Несмотря на то, что в Томском государственном университете внедрение достижений машинной лингвистики в сферу изучения народной речи было начато Г.А. Раковым еще в 80–90-е гг. прошлого века¹, в силу многих обстоятельств вплотную к решению обозначенной задачи диалектологи подошли только сейчас.

В 2010 г. Е.А. Юриной была сформулирована идея создания Томского диалектного корпуса (ТДК) и обозначены первые шаги работы над ним [1]. Началось сканирование архива полевых записей, выработывались принципы графической передачи устной речи и метаразметки диалектных текстов [2]. Однако общий замысел был очерчен очень эскизно и в дальнейшем работа по его реализации не была продолжена.

---

¹ Группой молодых ученых под его руководством велись работы по составлению диалектного конкорданса на среднеобском материале. Г.А. Раковым также был разработан и реализован проект «человеко-машинного» идеографического словаря нарымского говора.

В условиях углубленной работы с материалом и смены рабочей группы¹ первичные идеи проекта получили развитие и подверглись корректировке. Целью данной публикации является освещение выработанной на сегодняшний день общей концепции ТДК, обоснование его установок и внесенных изменений, характеристика принципов метаразметки: намечены также задачи развития нового корпуса в ближайшей и отдаленной перспективе.

1. Общая установка создания корпуса

Частная, казалось бы, цель создания электронной базы данных одного из регионов связана с решением проблем, стоящих перед корпусной лингвистикой в целом.

В идеале корпусное представление отдельных говоров должно быть максимально унифицировано для того, чтобы создаваемые в том или ином научном центре корпуса вливались в более общие, становясь подкорпусами национальных корпусов, а те, в свою очередь, соотносились между собой, давая материал для сопоставительных исследований. Вместе с тем думается, что интеграция ТДК в более крупные проекты, предполагавшаяся первоначально [1. С. 60], возможна только в достаточно отдаленной перспективе. Многочисленные факторы порождают различие концептуальных подходов к созданию таких продуктов. Среди этих факторов – и различия языковых подсистем, и имеющийся архив, на основе которого создается корпус, и первоочередные задачи, решение которых предполагается с опорой на новый ресурс. Созданные и создаваемые российские диалектные корпуса отражают это положение дел. Они очень разнообразны по принципам представления собранных материалов: общей архитектонике корпуса, глубине разметки, поисковым возможностям и т.д. Программы работающих в данном направлении научных центров как в России, так и за рубежом слабо координируются. Очевидно, время для решения этой масштабной задачи еще не наступило; выработка единых принципов корпусной репрезентации диалектной речи – дело будущего².

---

¹ Работа над концепцией корпуса в последнее время осуществлялась группой молодых ученых-филологов (Н.А. Агапова, С.В. Волошина, А.А. Долганина, С.С. Кузнецова (Земичева)) и программиста (Н.Ф. Картофелева) под руководством автора настоящей статьи.

² Ср.: «...создание универсального языкового ресурса, который бы мог удовлетворить все запросы ученых, вряд ли возможно, так как сегодня лингвистика значительно расширила поле своих исследований. Поэтому исследователи, разрабатывая новый ис-

Исходя из сказанного выше, концепция ТДК разрабатывается с учетом как ключевых направлений исследования народной речи томской диалектологической школы, коррелирующих с достижениями современной науки о языке, так и характера материалов, имеющихся в распоряжении диалектологов.

2. Ориентация корпуса

Определяющей ключевые параметры концепции ТДК является его ориентация.

В созданных и создаваемых диалектных корпусах отражаются общие процессы развития языкознания. Наряду с традиционной системно-структурной парадигмой на рубеже веков утверждается парадигма антропоцентрическая; при этом она не отменяет предшествующих, придавая современной лингвистике полипарадигмальный характер [4. С. 228].

Структурные закономерности языковых подсистем местных говоров репрезентируют корпуса с фонетической или грамматической ориентацией (например, Диалектный корпус мандаринского китайского языка или Хельсинкский диалектный корпус британского английского языка), реже – лексической (например, Корпус грузинских диалектов). Акцентируется при этом своеобразие диалектной фонетики, грамматики или лексики на фоне кодифицированного языка. Эта особенность присуща и диалектному подкорпусу НКРЯ, где выбрана «морфологически ориентированная стратегия» и основное внимание при разметке уделяется соотношению областных словоизменительных форм с литературными [5. С. 215]. Типичной в таких случаях является выдача минимальных контекстов.

В то же время в диалектных корпусах начинают находить отражение запросы, соотносимые с усилением антропоцентрического начала. Увеличивается число электронных баз данных, в которых возможен доступ к полным текстам. Наряду с библиотеками текстов (к ним фактически относятся, например, испанский и польский областные корпуса, среди отечественных – Электронная библиотека русских народных говоров), текстоцентрическая форма представления диалектных материалов появляется и в собственно корпусных продуктах (в их числе – болгарский, эстонский, скандинавский,

---

точниковый ресурс, учитывают специфику лингвистического направления, а также и природу самого объекта» [3].

шотландский, португальский корпуса). Показательным в этом отношении можно считать развитие концепции диалектного подкорпуса НКРЯ, в котором первоначально выдавались только фрагментарные контексты; недавно составителями было принято решение о возможности работы с целостными текстами по запросу диалектологов [6]. Разрабатываются проекты, имеющие лингвокультурологическую направленность: «Электронный корпус диалектной культуры Кубани» [7] и мультимедийный вологодский корпус текстов «Жизненный круг» [8]. Идеи формирующегося направления коммуникативной диалектологии находят воплощение в Саратовском диалектологическом корпусе ([9] и др.).

Ориентацию ТДК можно определить как лексико- и текстоцентрическую. Выдвижение в качестве основных объектов анализа лексикона и текста обусловлено и развитием диалектологии в целом, и интересами исследователей Томской диалектологической школы.

Изучение среднеобских русских старожильческих говоров было начато с их поурусного (фонетического, грамматического, словообразовательного, лексического) системно-структурного описания, решения проблем типологизации и исторического генезиса (см. обобщающее представление этих итогов в работе [10]). На рубеже 70–80-х гг. XX в. произошел переход от описания различных тематических групп лексики к изучению лексических явлений (синонимии, антонимии, варьирования, мотивированности), выявлению специфики лексико-семантических категорий (образности, интенсивности и др.) и детальному анализу их функционирования на диалектном материале. Начинается исследование метаязыкового сознания диалектоносителей, организации диалектного высказывания и текста, системы речевых жанров и концептосферы народной речи. Параллельно с этим многоаспектным обследованием среднеобского диалектного массива на протяжении всего периода существования школы осуществлялась лексикографическая деятельность. Томскими диалектологами создано около 30 словарей разных типов – дифференциальных и недифференциальных, толковых и аспектных, прямых и обратных, представляющих группу говоров, говор одного села и идиолект отдельной языковой личности (см. обзор в работе [11]).

Перемещение в фокус исследований функционального, текстоцентрического, когнитивного подходов к постижению сущности на-

родно-речевой культуры закономерно вызвало необходимость обращения исследователей к диалектному дискурсу и тем его составляющим, которые позволяют ставить вопрос о специфике коммуникации сельского социума, мировидения и миропонимания диалектоносителей, своеобразия языковой картины мира. Этими составляющими являются прежде всего различные виды текстовой организации дискурса (речевые жанры, метатексты / тексты спонтанной речи, монологическое / диалогическое общение, прецедентные высказывания и т.д.) и лексико-фразеологический слой языковой системы, также выступающий в качестве «когнитивного ключа» для постижения народной ментальности. Практика создания диалектных словарей тоже требует внимания как к единицам лексикона, так и к тексту, в котором реализуются семантика и функциональные свойства лексем. Таким образом, ориентация корпуса как тексто- и лексикоцентрическая закономерна.

3. Принципы представления материалов

Характер подачи и метаразметки материалов в создаваемом корпусе определяется особенностями данных, которыми располагают томские диалектологи, и задачами нового электронного ресурса.

3.1. Подача материалов

Массив записей диалектной речи среднеобского региона, имеющийся в распоряжении ученых, формировался в течение столетия¹. Это обстоятельство, несомненно, позволяет рассматривать созданный архив как ценный источник изучения системы сибирских говоров в диахронии, но вместе с тем создает сложности представления ресурсов, в различные периоды полученных в различившихся условиях проведения экспедиций, характером применявшихся при записи средств, целями экспедиционного обследования территории, способами передачи звучащей речи.

Наиболее ранние материалы 1920–1950-х гг. зафиксированы от руки, в транскрипции. Блокнотные записи 1960–1970-х гг. также ручные, но в них уже вырабатываются принципы полуорфографической передачи диалектных особенностей звучащей речи, принятые впоследствии в томской диалектологической школе.

С конца 1970-х – начала 1980-х гг. в экспедициях начинают использоваться магнитофоны. Архив этого периода представляет со-

---

¹ Первые экспедиции были проведены в 1917–1922 гг. А.Д. Григорьевым.

бой рукописную расшифровку записей на магнитной ленте и отчасти ручные записи, которые еще встречаются в связи с недостаточной обеспеченностью техникой. Сами аудиоматериалы сохранились фрагментарно.

Экспедиции последних лет, оснащенные техническими средствами нового поколения, позволили формировать фонотеку оцифрованных аудио- и видеофайлов (около 190 часов). Они расшифровываются сразу в виде электронного набора. Фотографии немногочисленны и также относятся главным образом к Новейшему времени. В рукописных тетрадях раннего периода имеются рисунки предметов народного быта, промысловых инструментов и т.п.

Разнородность материала потребовала выработки принципов его единообразной подачи в корпусе.

Все имеющиеся блокнотные записи переводятся сейчас в компьютерный набор; на начало 2017 г. это свыше 1,5 млн словоупотреблений.

В качестве основной формы представления среднеобских говоров избран текст с орфографической передачей отдельных особенностей устной речи: твердых долгих шипящих (*шишукa, таишйт*), элементов цоканья (*цясто*), стяжения в формах прилагательных и глаголов (*больша', хоро'ша; знат, понима'шь*) и некот. др. «Полуорфографическая запись», утвердившаяся в начале 1960-х гг. при подготовке первого выпуска «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» [12], последовательно проведена во всех словарных изданиях томских диалектологов; она же используется в иллюстративном материале научных публикаций¹. Опора на этот принцип позволит унифицировать репрезентацию разнородного архива – от первых экспедиционных тетрадей до цифровых аудиозаписей последних лет. Избранный способ передачи звучащей диалектной речи можно считать универсальным для лексикологических, лингвокультурологических, дискурсивных и лексикографических исследований.

Правила однотипного отражения на письме устной речи в целом уже были сформированы на первом этапе работы над корпусом [1.

---

¹ Исключение составляют только работы по фонетической характеристике говоров Среднего Приобья К.М. Браславца, Г.А. Садретдиновой, О.А. Любимовой, В.А. Сенкевича 1950–1970-х гг., где упрощенная транскрипция применяется для передачи произношения звуков в словоформах; фразы и связные тексты в транскрипции в них не встречаются.

С. 60–61], хотя в них внесен ряд уточнений. Отказ от транскрипции отчасти восполняется возможностью обращения к имеющимся звуковым материалам; сохранившиеся кассетные и катушечные аудио-записи предстоит перевести в цифровой формат. Предполагается также возможность доступа к дополняющим данные основного корпуса сканированным ручным записям, в том числе транскрибированным; их оцифровка (свыше 1000 единиц хранения) в основном уже завершена благодаря сотрудничеству с Научной библиотекой Томского государственного университета. В перспективе эти ресурсы могут составить единую систему.

3.2. Принципы метаразметки

Принципы метаразметки новой базы данных сочетают традиционные и новые для диалектных корпусов особенности, они также определяются ориентированностью корпуса.

За единицу метаразметки в данном корпусе принят текст, понимаемый как фрагмент диалектного дискурса, записанный от отдельного информанта и отличающийся признаками единства хронотопа (время, место записи) и условий фиксации речи.

Разработаны основные виды метаразметки вводимых в корпус текстов: паспортная, тематическая и разметка по типу текста.

Паспортная метаразметка включает экстралингвистические данные о введенном в корпус тексте. Ее параметрами являются указания на место и время произведенной записи, фамилию, имя и отчество информанта, его пол и год рождения, дополнительные данные о нем (при наличии таковых приводятся сведения о родителях, образовании, роде занятий, местах длительного проживания и др.), тип записи (от руки / с магнитной ленты / диктофона), наличие / отсутствие аудио- и видеофайлов, архивный номер тетради, на основе которой производился компьютерный набор; там, где это возможно, размещается фотография диалектоносителя.

Метаразметка по обозначенным в речи темам важна для выявления специфики диалектного дискурса, «зон актуального внимания» сельского социума, изучения концептосферы народной речи; она может стать полезной и при выборке лексических единиц для диалектных словарей.

Тематическая разметка присутствует в диалектном подкорпусе НКРЯ и Саратовском диалектологическом корпусе, однако методологические проблемы ее разработки по-прежнему являются актуаль-

ными для корпусной лингвистики. Существует мнение, что в диалектах «набор тем текстов мало отличается от литературного, но, естественно, гораздо более ограничен», а «диалектные тексты посвящены почти исключительно быту и обычаям» [5. С. 230], однако эти утверждения требуют проверки. Тематика диалектного дискурса еще только начинает изучаться [13, 14, 15]. Политематичность разговорной речи, с одной стороны, и достаточно высокая степень субъективности при интерпретации текста – с другой, осложняют процедуры выделения тем.

Первоначально сформированный перечень размечаемых в Томском диалектном корпусе тем [1. С. 61] был существенно переработан. Тематическое членение текста осуществлялось исходя из следующих посылок:

– вычленение тем среднеобского диалектного дискурса производится индуктивным путем, с опорой на реальную дискурсивную практику старожилов, а не на изначально составленную идеографическую схему;

– выделение тем идет в направлении от частного к общему. Составление перечня тем, отражаемых в разметке корпуса, началось с обозначения частных тем. В формирующийся список включались те из них, которые регулярно повторялись в записях; на этом же основании выделялись и подтемы. Далее частные темы обобщались до макротем, например: «Дом и усадьба»; «Одежда и обувь»; «Домашние вещи»; «Покупки и продажа»; «Условия жизни» → БЫТ;

– ни слишком обобщенное, ни слишком дробное выделение тем неудобно как при разметке, так и при пользовании материалами корпуса. В связи с этим единично встречающиеся частные темы не вносились в список и возводились к макротемам; углубление каждой темы не превышало трех уровней;

– номинации тем по возможности соотносились с лексиконом рядового носителя языка. Несколько исключений составляют случаи, когда книжные слова не имеют лаконичных аналогов в народной речи (темы «Сбор дикоросов», «Экология», «Мораль», «Досуг», «Репрессии»);

– упорядочение тем с логических позиций в составленном для корпуса перечне, как показал анализ, возможно лишь отчасти: многие темы пересекаются или синтетичны. В связи с этим список тем в корпусе дан по частотности: от наиболее частотных к редким;

– тема выделяется не в отдельном высказывании, а во фрагментах текста, обладающих признаком связности; прочие относятся к атематическим фрагментам;

– разметка опирается на принцип «мягкого» тематического членения зафиксированного речевого потока с возможностью частичного наложения границ вычленимых текстов. Один фрагмент текста также может маркироваться как одновременно принадлежащий к нескольким темам.

В настоящее время на основании предварительного анализа части набранных текстов список макротем насчитывает 16 пунктов; наиболее дробный перечень тем второго порядка выявлен в макротеме РАБОТА (13 подтем, обозначающих виды работ). При разработанности отдельных подтем выделялись темы 3-го уровня (так, в «Женских работах по дому» маркирована тематика «Рукоделие»). Некоторые макротемы (ОБРАЗОВАНИЕ, ТЕХНИКА, ТРАНСПОРТ и др.) не членились на более частные в силу их факультативности в дискурсе.

Текстоцентрическая ориентированность Томского диалектного корпуса вызвала потребность в осуществлении нового типа разметки, отражающего характер организации текста в диалектном дискурсе. Он условно назван **разметкой по типам текста**.

Поскольку текстовые особенности диалектного дискурса еще недостаточно хорошо изучены, в ТДК на данном этапе производится маркирование наиболее определенно выделяемых в речевом потоке типов текста, имеющих регулярные вербальные маркеры. В перечень данной разновидности разметки включены:

а) указания на разновидности текста, различающиеся по степени спонтанности речевых проявлений:

– диалоги между диалектоносителями – самая типичная для диалектной коммуникации форма речи, демонстрирующая непринужденное речевое общение представителей народно-речевой культуры¹;

– ситуативные вкрапления, возникающие при отклонениях от целенаправленной беседы на определенную тему с диалектологами.

---

¹ Диалогическая речь редко фиксируется в условиях традиционного сбора диалектного материала, однако широко представлена при включении диалектолога в языковое существование членов сельского сообщества (см., например, тексты в сборнике «Живая речь русских старожилов Сибири» [16], где диалог явно преобладает над монологом).

Вкрапления могут представлять собой обращение к собирателям (*Что вам рассказать?; Кушайте, угощайтесь*), вербально выраженные отвлечения от рассказа на какое-либо событие (*Ой, внучка проснулась*) либо развернутые рассказы информантов при изменении темы беседы по их инициативе;

– метатексты как «вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности» [17. С. 55], встречающиеся и в спонтанной речи диалектоносителей, и при целенаправленном сборе материала, когда диалектологи в процессе общения с информантами эпизодически задают вопросы, касающиеся языка и речи;

– ответы на вопросники, отражающие главным образом сбор материала для толковых диалектных словарей с целью уточнения семантики и особенностей употребления единиц словарного состава среднеобских говоров. В отличие от предыдущего типа текстов это не единичные, а серийные метатекстовые фрагменты, часто имеющие общую тематическую направленность («Названия растений», «Обряды» и т.д.).

Два первых из перечисленных случаев представляют собой тексты, максимально близкие к естественной коммуникации, остальные – экспериментальные материалы. Вероятно, между теми и другими можно найти и разнообразные переходные случаи, но их выявление и типологизация – дело будущего;

б) речевые жанры. В первоначальной концепции ТДК предполагалась полная разметка материалов в соответствии с типологией жанров по характеру интенции (информативные, императивные, ритуальные и оценочные); в каждом случае указывался также конкретный жанр (в группу информативных включены разные виды сообщений, предположение, объяснение, жалоба, предупреждение; императивных – просьба, распоряжение, поручение, приказ, предложение, совет; ритуальных – приветствие, прощание, извинение, благодарность, приглашение, угощение, пожелание; оценочных – похвала, осуждение, самооценка, оценка). Кроме того, были выделены биографический рассказ, сюжетный

рассказ, описание, рассуждение, интервью, сказка, песня, частушка, пословица¹ [1. С. 61–62].

В уточненной концепции принято решение отказаться от детального маркирования всех речевых жанров, поскольку оно является сложной задачей в связи с недостаточно разработанной теорией генристики и наличием множества жанровых образований с комбинаторными характеристиками. Размечаются наиболее частотные речевые жанры:

– автобиографический рассказ, в свободной, неофициальной форме содержащий историю жизни информанта, рассказанную им самим;

– воспоминание – речевой жанр, отражающий в монологическом нарративе повествование о событиях человеческой жизни в прошлом;

– рассказы о других людях – вариант автобиографического рассказа с иным объектом повествования;

– рассказ о случае – повествование о ярком, экстраординарном жизненном событии, пережитом лично информантом или его близкими.

Разметке подлежали также значимые для народно-речевой культуры фольклорные жанры – вкрапления в устную бытовую речь частушек, сказок, примет, песен, пословиц, поговорок и др.

В перспективе, возможно, будут размечены оценочные речевые жанры, дающие богатую информацию для исследования мировосприятия и миропонимания носителей традиционных говоров.

Как и в случае тематического членения материала, используется «мягкая» разметка, допускающая отнесение того или иного текста более чем к одному типу (например, текст в речевом жанре «воспоминание» может быть маркирован также как «ситуативное вкрапление») и частичное наложение границ размечаемых текстов.

Параметры **лексической разметки** практически не разработаны как в общих, так и в диалектных корпусах. В НКРЯ введена семантическая разметка [18], но поиск по ней пока осуществляется только для литературных текстов; другие лексические параметры (напри-

---

¹ Представляется, что названные виды рассказа и интервью являются информативными либо информативно-оценочными, а повествование, описание и рассуждение находятся вне жанровой системы, традиционно рассматриваясь как функционально-смысловые типы речевого изложения.

мер, стилевая принадлежность лексем) не отражаются. Предоставление пользователям корпуса сведений о значениях областных слов, как отмечают И.Б. Качинская и Д.В. Сичинава, сдерживает отсутствие общедоступных электронных версий большинства диалектных словарей [6. С. 158].

Томичи располагают богатой словарной базой, репрезентирующей лексику носителей говоров Среднего Приобья; сейчас начата работа по оцифровке опубликованных диалектных словарей. В ТДК в качестве первого шага на пути к лексической разметке планируется обеспечить возможность выдачи толкования значений нелитературных единиц, включенных в толковые дифференциальные среднеобские словари – трехтомный «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и четыре тома дополнений к нему (1964–1975 гг.). В дальнейшем, очевидно, необходимы расширение связки «корпус – словари» за счет отражения толкований из других словарных источников, введение функциональных характеристик лексем (устаревающее, новое, детское, грубое, бранное и др.) и апробация семантической разметки. Эта информация позволит использовать новый корпус как эффективный инструмент изучения диалектной лексики и создания новых лексикографических трудов.

Концепция нового корпусного проекта опирается на итоги работы нескольких поколений ученых томской диалектологической школы, принимавших активное участие в сборе диалектных материалов, составлении областных словарей, разработке различных аспектов изучения речи сибирских старожилов. Их труд – основа разрабатываемого корпуса, его фундамент. Создание задуманного ТДК, в свою очередь, будет стимулировать экспедиционную работу, способствовать совершенствованию лексикографической продукции, развитию новых направлений исследования народно-речевой культуры, задавая вектор деятельности школы в будущем.

Литература

1. Юрина Е.А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №2 (14). – С. 58–63.
2. Юрина Е.А., Толстова М.А. Проект диалектного корпуса старожильческих говоров Среднего Приобья // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и ис-

пользования диалектологических корпусов», Саратов, 15–17 ноября 2010 г. – Саратов, 2011. – С. 269–276.

3. *Трегубова Е.Н., Емельянова М.В.* Региональный лингвокультурологический корпус как электронный ресурс изучения народной аксиологии // Россия и славянский мир в контексте многополярности: материалы VII междунар. науч. конф., 6–9 августа 2010 г., Славянск-на-Кубани. – Ч. 2, разд. 2. – Славянск-на-Кубани, 2010. – С. 142–150. – URL: <http://www.ethnolex.ru/2014-11-12-19-24-30/75-2014-10-09-20-33-55.html>

4. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.

5. *Летучий А.Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005: Результаты и перспективы. – М., 2005. – С. 215–233.

6. *Качинская И.Б., Сичинава Д.В.* Диалектный подкорпус сегодня // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 2015. – № 6 (6). – С. 142–163.

7. *Трегубова Е.Н.* Многоуровневая тематическая разметка как инструмент этнолингвистической репрезентации диалектного дискурса в электронном текстовом корпусе // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 1 (33). – С. 66–77.

8. *Задумина П.Н.* О некоторых особенностях создания мультимедийного корпуса региональных текстов // Молодые исследователи – регионам: материалы междунар. науч. конф. – 2004. – Т. 3. – С. 194–196. – URL: <http://sno.vstu.edu.ru/wp-content/uploads/2014/09/t-3.pdf>

9. *Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог–2011». – С. 359–367. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/html/36.htm>

10. *Русские говоры Среднего Приобья* / ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985–1989. – Ч. 1–2.

11. *Томская диалектологическая школа: историографический очерк* / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 392 с.

12. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби* / ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. – Т. 1. – 143 с.

13. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Ч. 1. – Самара, 2006. – С. 71–80.

14. *Буранова А.И.* Тематическая организация диалектной речи: квантитативный анализ // Изв. Саратов. гос. ун-та. – Нов. сер. – Сер. Филология и журналистика. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 35–38.

15. *Косицина Ю.В.* Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 26 с.

16. *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожиллов Сибири: сб. текстов. – Томск, 2007. – 104 с.

17. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 194 с.

18. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Б.Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005: Результаты и перспективы. – М., 2005. – С. 193–214.

TOMSK DIALECT CORPUS: SUBSTANTIATION OF THE CONCEPT AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 54–70.

DOI: 10.17223/22274200/11/4

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: Russian dialects of Siberia, Middle Ob region, dialect corpus, concept.

The creation of a dialectal corpus is one of the topical problems for the Tomsk Dialectology School, the oldest research center for studying the folk speech culture of Siberia. The paper describes the general concept of the corpus, the substantiation of its purposes, the characteristics of the principles of meta-markup: the objectives of developing the new resource in the near and distant future are outlined.

The concept of the Tomsk Dialect Corpus is developed taking into account the key directions of the school on the study of folk speech that correlate with the achievements of the modern science of language, and with the nature of the materials available to dialectologists. The orientation of the new electronic resource can be defined as lexis- and text-centric.

The main form of representation of the Middle Ob dialects in the corpus is a text with an orthographic representation of separate features of oral speech. Reliance on this principle will allow to unify the representation of the diverse archive: from the first manuscript expedition notebooks to digital audio recordings of recent years. The chosen method of representation of the sounding dialect speech can be considered universal for lexicological, linguocultural, discursive and lexicographic research. Refusal from transcription is partly compensated by the possibility of accessing the existing audio records and scanned manual records of early expeditions.

The main types of meta-markup of texts entered into the corpus are developed: passport, thematic and markup by type of text.

Passport meta-markup includes extra-linguistic data about the texts entered in the corpus: instructions on the place and time of the recording, information about the informant, the type of recording (by hand / from the tape / recorder), the presence / absence of audio and video files, etc.

Thematic meta-markup is made on the basis of an inductive analysis of the discursive practice of old-timers, with the identification of particular topics and their generalization to macro-topics. Each topic is three levels deep maximum. The principle of “soft” thematic division of the fixed speech stream is used with the possibility of overlapping the boundaries of the extracted texts and/or simultaneous attribution of one fragment of the text to several topics.

Markup by type of text at this stage implies: a) indications of text varieties that differ in the degree of the spontaneity of speech manifestations (dialogues between dialect speakers, situational inclusions arising from deviations from a purposeful conversation with

dialectologists, episodic metatexts, answers to questionnaires); b) the most frequent speech genres (autobiographical story, recollection, stories about other people, stories about an event, folklore genres).

The first step on the way to lexical marking will be an opportunity to give an interpretation of the meaning of nonliterary units included in the differential dictionaries of the Middle Ob region.

Prospects for the development of the corpus include development of the indicated types of meta-markup, introduction of lexical markup, the integration of its data with the created electronic library of dialect dictionaries and other auxiliary resources.

References

1. Yurina, E.A. (2011) Tomsk dialectal corpora: the starting point. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 58–63. (In Russian).
2. Yurina, E.A. & Tolstova, M.A. (2011) [Project of the dialect corpus of old-timer dialects of the Middle Ob region]. *Russkaya ustnaya rech'* [Russian oral speech]. Proceedings of the conference. Saratov. 15–17 November 2010. Saratov: Saratov State University. pp. 269–276. (In Russian).
3. Tregubova, E.N. & Emel'yanova, M.V. (2010) [Regional linguocultural corpus as an electronic resource of studying national axiology]. *Rossiya i slavyanskiy mir v kontekste mnogopolyarnosti* [Russia and the Slavic world in the context of multipolarity]. Proceedings of the conference. Slavyansk-na-Kubani. 6–9 August 2010. Vol. 2:2. Slavyansk-na-Kubani. pp. 142–150. [Online] Available from: <http://www.ethnolex.ru/2014-11-12-19-24-30/75-2014-10-09-20-33-55.html>. (In Russian).
4. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis)]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the end of the twentieth century]. Moscow: RSUH.
5. Letuchiy, A.B. (2005) Korpus dialektnykh tekstov: zadachi i problemy [Corpus of dialect texts: tasks and problems]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [The National Corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik.
6. Kachinskaya, I.B. & Sichinava, D.V. (2015) Dialektnyy podkorpus segodnya [Dialect subcorpus today]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*. 6 (6). pp. 142–163.
7. Tregubova, E.N. (2015) Multilevel thematic marking as an ethnolinguistic tool of dialectal discourse representation in digital text corpora. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 66–77. (In Russian).
8. Zadumina, P.N. (2004) [On some features of creating a multimedia corpus of regional texts]. *Molodye issledovateli – regionam* [Young researchers to regions]. Proceedings of the conference. [Online] Available from: <http://sno.vstu.edu.ru/wp-content/uploads/2014/09/t-3.pdf>. (In Russian).
9. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din, V.E. (2011) Korpus russkoy dialektnoy rechi: kontseptsiya i parametry otsenki [The Corpus of Russian dialect speech: the concept and

parameters of evaluation]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the international conference "Dialog–2011". pp. 359–367. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/html/36.htm>. (In Russian).

10. Palagina, V.V. (ed.) (1985–1989) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

11. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: Istoriograficheskiy ocherk* [Tomsk School of Dialectology: A Historiographical Sketch]. Tomsk: Tomsk State University.

12. Palagina, V.V. (ed.) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the basin of the river Ob]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

13. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2006) [Thematic markup and thematic analysis of the dialectal textual corpus]. *Yazykovaya lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya* [Language personality – Text – Discourse: Theoretical and Applied Aspects of the Study]. Proceedings of the international conference. Vol. 1. Samara. pp. 71–80. (In Russian).

14. Buranova, A.I. (2012) *Tematicheskaya organizatsiya dialektnoy rechi: kvantitativnyy analiz* [Thematic organization of dialect speech: quantitative analysis]. *Izvestiya Saratovskogo gos. un-ta. Novaya seriya. Seriya Filologiya i zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism.* 12:3. pp. 35–38.

15. Kositsina, Yu.V. (2013) *Statiko-dinamicheskaya model' tematicheskoy organizatsii dialektного monologicheskogo teksta* [A static-dynamic model of the thematic organization of the dialect monological text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

16. Ivantsova, E.V. (2007) *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri: sbornik tekstov* [Live speech of Russian old-timers in Siberia: a collection of texts]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (on the basis of Russian dialects of Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.

18. Apresyan, Yu.D. et al. (2005) *Sintaksicheski i semanticheski annotirovanny korpus russkogo yazyka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Syntactically and semantically annotated corpus of the Russian language: current state and prospects]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [The National Corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik.

И.Б. Качинская, Д.В. Сичинава

О КОРПУСЕ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Статья посвящена сегодняшнему состоянию Корпуса диалектных текстов в составе Национального корпуса русского языка. В 2016 г. подкорпус пополнился новыми материалами. Новый стандарт подачи предполагает установку на сохранение транскрипционной записи, ударений, возможность работать не только с фрагментами текстов, но и с целыми текстами. Описываются принципы грамматической, семантической разметки и метаразметки диалектных текстов, принципы поиска нужных материалов на сайте.

Ключевые слова: русская диалектология, корпусная лингвистика, лексическая семантика, электронные ресурсы, морфологическая разметка.

1. Начало большого пути. В последние десятилетия наряду с продолжающейся разработкой диалектной лексикографии и лингвогеографии появилась новая возможность изучения русских говоров, связанная с развитием корпусной лингвистики. Созданы электронные ресурсы, имеющие постоянные адреса в Интернете (см. работы [1–9] и некот. др.). В этих корпусах по-разному решаются возникающие перед всеми диалектологами проблемы отражения фонетики, грамматики, лексики; часто они направлены на исследования, традиционно проводимые лингвистическими кафедрами соответствующих вузов.

Корпус диалектных текстов входит в состав Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и размещен в открытом доступе по адресу <http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>. Диалектный подкорпус доступен для поиска с декабря 2006 г. За это время поменялся коллектив разработчиков, изменились и принципы представления материала. В пилотном проекте все диалектные тексты были поданы в орфографизированном виде [10, 11], осуществлялась метатекстовая и грамматическая разметка, однако диалектные грамматические особенности отмечались непоследовательно и не всегда верно [12]. Новый коллектив разработал новый стандарт подачи диалектных

---

¹ Работа осуществляется благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-04-12012в «Корпус диалектных текстов Национального корпуса русского языка. Пополнение и разметка».

текстов. Прежде всего делалась установка на сохранение транскрипционной записи с обязательным ударением (при условии, что изначально тексты были поданы в транскрипции и с ударениями). Была создана среда «Рабочее место диалектолога» (доступная для скачивания на сайте <http://mitrius.ru/dialect.html> вместе с инструкцией), в которой разметка диалектных текстов осуществляется на всех уровнях: метатекстовом и грамматическом. Новый стандарт подачи позволил предоставить пользователю возможность работать не только с фрагментами текстов (как в других подкорпусах НКРЯ), но и с целыми текстами [13–15].

2. Метаразметка содержит три уровня: 1) адрес-сопровождение; 2) фонетический уровень; 3) жанрово-тематический.

Адрес-сопровождение. При каждом тексте указываются следующие параметры:

- 1) название текста;
- 2) лицо, предоставившее текст (как правило, это исследователь-диалектолог): имя, отчество, фамилия; научное звание, должность, место работы; информация для связи (адрес, телефон, e-mail);
- 3) кем производилась запись;
- 4) место записи (область, район, населенный пункт);
- 5) год записи;
- 6) сведения об информанте: имя, отчество, фамилия; возраст / год рождения; место рождения; образование; профессия / род занятий; другие сведения (конфессия и пр.);
- 7) где публиковался текст (если публиковался);
- 8) место хранения записи (научное / учебное учреждение, факультет, кафедра, фонд, личный архив).

Полный паспорт заполняется для всех текстов.

Фонетическая метаразметка. Пока отмечаются лишь немногие фонетические диалектные особенности:

- 1) в области ударного вокализма: позиционные чередования гласных после мягких согласных на уровне «старого ятя» и /a/;
- 2) в области безударного вокализма: оканье и аканье (включая указания на полное / неполное оканье или диссимилятивное аканье);
- 3) в области консонантизма: /г/ взрывной или фрикативный; цоканье.

Для публикации на сайте Национального корпуса многие тексты оказались поданы вовсе не в транскрипции, а в орфографии, и в

«фонетическом» блоке метаразметки существует помета *Орфографизированная ли запись?* Возможно выбрать подкорпус только орфографизированных или только неорфографизированных текстов, а также получить эту информацию о каждом конкретном тексте. Это сделано для того, чтобы пользователь не пытался делать выводы о фонетических особенностях говора на основе текстов, которые изначально представлены не в транскрипции.

Текстовая метаразметка содержит три подуровня: жанр (тип) текста; тематику; место и время описываемых событий.

Жанр (тип) текста делится на четыре категории: устные нефольклорные тексты; устные фольклорные; письменные нефольклорные; письменные фольклорные. Пока предпочтение отдается устным нефольклорным текстам, хотя и там могут содержаться элементы фольклора (в устный рассказ попадают колыбельные песни и частушки, пословицы и поговорки, загадки и проч.). В Банке диалектных текстов уже есть как письменные фольклорные тексты (например, «песенники» или заговоры, записанные самими носителями), так и значительное количество письменных нефольклорных (письма, мемуары, дневники и др.).

Тематическая разметка достаточно развернута, первоначально она создавалась на базе вопросников ЛАРНГ. Опыт работы, однако, показал, что она требует значительной переработки для упрощения поиска. Необходимо, с одной стороны, убирать тематические повторы (*Жизнь // Быт* или *Погребально-поминальные обряды, похороны // Смерть*), с другой – конкретику: например, в разделе *Духовная культура, религия* оставить *Народный календарь и календарная обрядность* и убрать *Рождество. Святки. Крещение. Масленица. Пасха. Троица. Посты*, так как деление это оказалось одновременно и слишком дробным, и совершенно недостаточным.

Место и время описываемых событий в основном совпадает с тем, как этот же раздел представлен в Основном корпусе НКРЯ.

Для того чтобы работать в Корпусе диалектных текстов, необходимо: 1) выйти на сайт <http://ruscorpورا.ru/search-dialect.html>; 2) в правом верхнем углу нажать кнопку «Задать подкорпус» – и далее работать именно в нем (<http://ruscorpورا.ru/myscorpора-dialect.html>). Появляются цветные надписи «Основные параметры текста», «Жанр и тематика», «Фонетика», т.е. подкорпус может быть задан исходя из описанных выше параметров метаинформации.

Возможно также выбрать тексты только в орфографической записи и/или только тексты с аудиозаписью. Параметры метаинформации можно задавать при помощи специального окна выбора, для ряда параметров предусмотрена простановка «галочек» или выбора «кнопки».

При выборе параметров подкорпуса дается список входящих в него текстов. Нажав на название текста, можно увидеть его метаинформацию («паспорт»), а для текстов с аудиозаписью (пока их 15) – прослушать и при необходимости скачать эту запись. Нажав на стрелки в конце названия текста, можно открыть текст полностью.

3. Грамматическая разметка

Одним из основных принципов Национального корпуса русского языка является обязательность грамматической разметки.

Еще до работы в основной программе тексты необходимо предварительно подготовить: отделить высказывания информанта от высказываний собирателя (квадратными скобками); разделить словоформы для их корректного распознавания грамматическим парсером: разделить фонетические словоформы на «грамматические» (например *г-дому-то* заменить на *г дому -то*); перевести поданную держателем текстов транскрипцию (иногда изготовленную в самодельных шрифтах, в том числе с использованием сразу нескольких шрифтов) в единый шрифт юникода; перевести текст в формат txt в кодировке UTF-8. При открытии подготовленного текста в «Рабочем месте» автоматически срабатывают детранскрипторы: детранскриптор-1 переводит Текст-1 в Текст-2 (первоначальную транскрипцию в унифицированную), детранскриптор-2 переводит Текст-2 в Текст-3 – орфографический «подстрочник», необходимый для работы стандартного грамматического анализатора. Текст-3 необходимо вручную довести до уровня орфографии, хотя и здесь предусмотрена некоторая помощь размечающему текст диалектологу: специальной программой осуществляется проверка стандартной орфографии, цветной меткой помечаются слова, с орфографией не совпадающие. Тексты 1, 2 и 3 выровнены, как в Параллельном корпусе НКРЯ. После обработки Текста-3 осуществляется стандартная автоматическая грамматическая разметка текста, после чего требуется не только устранить грамматическую омонимию (как в Основном корпусе), но и, ориентируясь на Текст-2, отметить диалектные грамматические особенности тех лексем, где эти особенности встретились. То есть

поверх стандартной грамматической разметки в диалектных текстах предусмотрена возможность отмечать диалектные грамматические особенности лексемы. Для этого в «Рабочее место» внедрены грамматические таблицы по каждой из пяти изменяемых частей речи (глагол, существительное, прилагательное, местоимение, числительное). Если необходимо указать особые грамматические характеристики, то в специальной таблице «Диалектные особенности» нужно выбрать соответствующую грамматическую категорию и пометить ее как «диалектную». Для каждой изменяемой части речи предусмотрена возможность указывать диалектные особенности на следующих уровнях:

Глагол: *основа – флексия – суффикс – форма – вид – переходность – возвратность – время.*

Так, например, нестандартные для литературного языка *инфинитивы* отмечаются либо указанием на диалектный суффикс (*пекчи*), либо диалектную основу (*трать, жмать*), диалектную форму (*идтить*). То же с *императивом*, где диалектные особенности могут проявляться либо на уровне суффикса (*посодь*), либо на уровне формы (*доедь, ехай*; как известно, императив от этой основы в литературном языке вообще затруднен). Особенности *спряжения* можно указывать, например, следующим образом:

общее спряжение (*любют*): наст. вр. 3 л. мн. ч. + диал. флексия;

3-е спряжение (*они гулят*): наст. вр. 3 л. мн. ч. + диал. флексия;

Таким образом, в *диалектные особенности* на уровне *флексии* попадут самые разные случаи: ударные окончания без перехода /e/ > /o/ (*идеи*), конечное *-ть* в 3 л. (*растёт*), формы без *-т* (*идё*), общее спряж. (*смотрют*), 3-е спряж. (*играт*) и проч. Думается, что специалисту в этом достаточно легко разобраться, особенно при возможности учитывать географические фильтры.

Особые *деепричастия* отмечаются либо на уровне суффикса (*выпишии / выпилии / выпитшии*), либо на уровне формы (*ушодчи*). Перфектное значение таких деепричастий может быть отмечено как *особое время*.

Существительное: *основа – флексия – суффикс – форма – одушевленность – род – число – падеж – склонение.*

Прилагательное: *основа – флексия – суффикс – форма – стяженность – склонение, окончание – полнота / краткость.*

Как это принято в лексикографической практике, в литературном языке начальной формой всех адъективов по умолчанию является И. ед. муж. рода с безударными флексиями *-ий/-ый* (*новый, синий, всякий*) и *-ой* в случаях ударной флексии (*больной, большой, такой*). Это уже сложившаяся традиция, хоть она и противоречит фонемному принципу, определяемому по сильной позиции. В таком случае «диалектной» формой для адъективов должны считаться безударные окончания *-ой/-ей*, встречающиеся в северных говорах с полным оканьем (*старой, си́ней*), или ударные окончания *-ый* и *-ей*, характерные для западной зоны (*золотэй, золотый, какэй, какой*). При нестандартной сравнительной степени прилагательных / наречий (*лучшее, послабже, первеющий, широкащей* и проч.) помимо указания на *диал. суффикс* и *диал. основу* отмечается *диалектная форма*.

Местоимение: *основа – флексия – суффикс – форма – склонение.*

В формах с начальным /j/ (*юн, юна, юны, юх, юм, жет* и проч.) отмечается диалектная основа, хотя эти же формы могут рассматриваться и как фонетические варианты и в таком случае вовсе не отмечаться. То же касается соотношения начального гласного / согласного /j/н с предлогом и без предлога: *с им, с юм* = с ним; *доволен ней, ним* = ей/ею, им. Подобные примеры можно искать на соотношение предлог + личное местоимение 3 л.

Достаточно часто трудно / невозможно разделить основу и флексию: местоимения типа *ю* или *ю* (*её = она*, 3 л. ж.р. Вин. ед.), *тэй / тый парень* (= *тот*), *оне, оны* (= *они*). В этом случае отмечается *диалектная форма*. То же при наличии окончаний у притяжательных местоимений 3 л. (*его, её, их*): *ихной, ихний, ихой, евонной* и др.

Числительное: *основа – суффикс – флексия – форма.*

В неясных случаях синтаксическую межчастеречную омонимию предлагается оставлять, например: *тоже* – част / союз; *ну* – межд / част; *вот* – част / нареч. и т.д.

Все тексты в Диалектном подкорпусе представлены со «снятой омонимией», т.е. с полной грамматической разметкой, в том числе с указанием диалектных особенностей.

Сейчас на сайте <http://ruscorpota.ru/search-dialect.html> доступен поиск по корпусу объемом 300 тысяч словоупотреблений. Поиск, как и во всем Национальном корпусе русского языка, возможен в двух режимах: поиск точных форм (в соответствии с Текстом-1, т.е. в орфографизированной или фонетической записи в зависимости от

текста в его первоначальной подаче) и лексико-грамматический поиск. В первом случае задаются конкретные словоформы или их сочетания, во втором – лексемы, наборы грамматических характеристик и семантические толкования и их сочетания (до 10 слов). Грамматические характеристики могут задаваться при помощи специального окна выбора, остальные вводятся вручную. Для каждого из слов, заданных в лексико-грамматическом поиске, может быть задан один или более из перечисленных выше параметров. Таким образом, можно найти любое слово, начинающееся с *под-*, любое существительное 1-го склонения, любое слово, толкуемое как «вот» (при наличии толкования). Кроме того, имеются дополнительные параметры, связанные с пунктуацией, с концом и началом фразы.

В поисковой выдаче доступна та же функциональность, что при выборе подкорпуса (открытие метаинформации и текста целиком, а также имеющейся аудиозаписи). При нажатии на конкретное слово демонстрируются его начальная форма, грамматические характеристики и семантическое толкование (если оно дано). Можно менять параметры выдачи: число контекстов на одной странице, сортировка в хронологическом порядке и т. д.

4. Семантика

Информация по семантике предоставлена на двух уровнях: метаразметки и пословной разметки текста. Тематика текста определяется на уровне метаразметки, при этом рекомендуется ставить «галочки» одновременно во многих полях. Имеется возможность указывать семантику и на уровне отдельной леммы. Обязательный «перевод» диалектного слова осуществляется только при наличии соответствующего словаря или примечаний к текстам, сделанных лицом, предоставившим эти тексты. Лингвист, размечающий тексты, не берет на себя ответственность по «переводу» на литературный язык. Тем не менее при разметке диалектной леммы могут быть введены как словообразовательные, так и близкие по семантике корневые дериваты, чтобы в случае поиска появлялись и незапрашиваемые первоначально диалектные слова с тем же корнем (слева – слово из поисковика, справа – возможные «добавления»):

теперь = *теперича, тепере*

вместе = *вместях*

назавтра = *назавтре*

сперва, сначала = *напере, перва*

накануне = *конь*

каждый = *кажной*

свекровь = *свекровушка, свекровка, свекрова*

свадьба = *свайба*

деревня = *деревнюшка*

разделяться = *разделяваться* и т.д.

В Основном корпусе НКРЯ достаточно нажать на любое слово внутри текста, чтобы получить доступ к семантике через выход на размещенные в Интернете онлайн-словари литературного языка. К сожалению, пословного выхода на доступные лексикографические электронные ресурсы у диалектологов пока нет. «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) размещен на сайте ИЛИ РАН [16], «Архангельский областной словарь» – на сайте филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [17]. Нет постоянной «прописки» и, следовательно, постоянного доступа ко многим диалектным словарям, которые существуют в электронном виде и «гуляют» по Интернету: к Словарю д. Деулино, Большому Донскому словарю, Словарю русских говоров Карелии и многим, многим другим. Но даже когда все эти словари будут находиться в постоянном онлайн-доступе, необходимо проделать огромную работу, чтобы от лексемы в тексте иметь возможность выйти на соответствующую лексему в диалектных словарях и увидеть круг значений.

5. Банк диалектных текстов в НКРЯ

«Корпус диалектных текстов» НКРЯ предполагает включение любых диалектных текстов на русском языке, записанных как на территории исконного проживания русского населения (центр европейской части России), так и на территориях раннего заселения (Русский Север), позднего заселения (Сибирь, Дальний Восток, Дон, Нижнее Поволжье) и миграций (говоры старообрядцев / протестантов Латгалии, Азербайджана, Румынии, Австралии, Канады, Америки и т.д.).

Текст в Диалектном подкорпусе может выдаваться в виде «контекста» – при поиске лексемы или конкретной грамматической характеристики пользователь получает предложение с искомым словом + ближайший левый и правый контекст (как это устроено в Основном корпусе). Однако пользователь может по запросу получить целый текст: в устном тексте границы предложений условные, а для анализа той или иной формы или словосочетания нужен очень ши-

рокий дискурсивный контекст. Предполагалось, что текст пользователю будет выдаваться в двух вариантах: в первоначальной записи – так, как он был подан в Диалектный корпус (в фонетической транскрипции или в орфографизированном виде, так называемый Текст-1), и в унифицированном виде (в «облегченной транскрипции», сохраняющей ударения, но более удобной для цитирования, так называемый Текст-2). Пока Текст-2 на сайте показываться не будет (хотя информация о нем сохранена в пословной разметке и может быть извлечена). Но там, где тексты первоначально были поданы в орфографизированной записи, Текст-1 и Текст-2 практически совпали.

Тексты предоставляются диалектологами, ведущими полевыми работами. Это могут быть записи из полевых тетрадей или аудиорасшифровок, уже введенные в компьютер; тексты из опубликованных хрестоматий, предоставленные в компьютерном варианте. Имеется достаточно большое количество текстов, опубликованных типографским способом и до сих пор не оцифрованных: это образцы говорков из хрестоматий по русской диалектологии, из учебников и пособий по русской диалектологии, пособий по изучению региональной лексики, различных сборников и статей по русской диалектологии. Все эти материалы требуется первоначально оцифровать, и время на их ручной ввод или исправление текстов, полученных путем автоматического распознавания, примерно одинаковое, так как диалектные тексты, как правило, подаются в транскрипции.

В декабре 2016 г. Диалектный корпус пополнился текстами, записанными в Архангельской, Тверской, Тамбовской, Тюменской, Самарской, Волгоградской областях, в Ставрополье, Забайкалье и некоторых других местах. В корпус вошли материалы из следующих книг и хрестоматий: *Кудряшова Р.И.* Донские казацкие говоры Волгоградской области (тексты и задания к ним): учебно-методическое пособие. Волгоград, 2010; *Юмсунова Т.Б.* Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М., 2005; *Русская диалектология: учеб. пособие для практических занятий / под ред. Е.А. Нефедовой.* М., 1999. 2-е изд. М., 2005. Выставлены не опубликованные ранее экспедиционные материалы: из Самарской обл. (предоставлены Т.Ф. Зибровой и Т.Е. Баженовой); из Тамбовской обл. (предоставлены Т.В. Махрачевой); из Тверской обл. (предоставлены А.И. Рыко); из Ставрополья (предоставлены В.М. Грязновой); из Архангельской обл. (предоставлены И.Б. Качинской); из Саратовской обл. (предоставлены

В.Е. Гольдиным). Материалы из Тверской обл. (говоры Селигера) оказалось возможным дополнить звукорядом, т.е. уже сейчас можно прослушать аудиофайл наряду с просмотром расшифровок. В самом скором будущем появится возможность и видеосопровождения.

Размечены и подготовлены к вывеске материалы из книг и хрестоматий: *Мызников С.А.* Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика Марий Эл. СПб., 2005.; *Белякова С.М.* Русская диалектология (лексика): учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2011; *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007; *Здобнова З.П.* Хрестоматия по русской диалектологии (на материале русских говоров Башкирии). Уфа, 2010; *Русская речь Коми-Пермяцкого округа: Хрестоматия / сост.: И.И. Бакланова, О.В. Гордеева, А.С. Лобанова, И.А. Подюков, И.И. Русинова.* Пермь, 2013; *Долгушев В.Г.* Хрестоматия вятских говоров: Лексика. Тексты. Контрольные задания для студентов: пособие для практических занятий по курсу «Русская диалектология». Киров, 2009. Экспедиционные материалы из Тюменской обл. (подготовленные и предоставленные Е.П. Багировой), из Архангельской, Тамбовской обл., говоры Среднего Урала, русские говоры Азербайджана.

Готовятся к разметке хрестоматии Н.Н. Дурново и Д.Н. Ушакова, Г.Г. Мельниченко, В.И. Трубинского («Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем». СПб., 2004), Р.Ф. Касаткиной (Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия: Южнорусское наречие. М., 1999), Л.П. Батыревой (Хрестоматия по диалектологии. Говоры Владимирско-Поволжской группы: записи устной речи и письменные источники. Шуя, 2007) и некот. др.)

И все же на сегодняшний день портфель Корпуса диалектных текстов НКРЯ представляется достаточно «тощим». Мы обращаемся с большой просьбой ко всем диалектологам, держателям текстов, передавать тексты в Диалектный подкорпус. Ведь доступ к диалектным текстам до сих пор значительно затруднен даже для специалистов-диалектологов, хотя к настоящему времени опубликовано значительное количество учебников и хрестоматий, содержащих тексты определенного региона (регионов). Как правило, эти учебники и хрестоматии выпускались малыми тиражами в качестве учебных пособий для студентов соответствующих вузов. В настоящее время многие диалектологи заняты составлением диалектных словарей.

Эти словари опираются на значительные по объему картотеки, часто содержащие не только иллюстрации диалектного слова, но и достаточно развернутые контексты. Во многих университетах собраны большие фонотеки, расшифрованные лишь в малой части.

В благодарность за предоставленные материалы коллектив Диалектного подкорпуса составляет письма в адрес руководителей соответствующих вузов (учреждений) от Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Свободное предоставление в Интернете текстов русских народных говоров, их грамматическая, семантическая и метатекстовая характеристика позволят специалистам-диалектологам, другими лингвистам и нелингвистам, филологам, историкам, культурологам, этнографам – всем, кто интересуется народным русским словом, обращаться к Корпусу в самых разных целях: примеры из текстов и сами тексты могут выступать в качестве справочного материала, материала для научной и педагогической работы, демонстрации этнографических, этнокультурных традиций, особенностей русского менталитета.

Мы надеемся, что со временем Корпус диалектных текстов станет репрезентативным собранием и будет достаточно востребован пользователями.

Литература и электронные ресурсы

1. *Школьный* диалектологический атлас «Язык русской деревни». – URL: <http://gramota.ru/book/village> (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, (дата обращения: 20.12.2016).

2. *Фонетика* русских диалектов. – URL: <http://dialect.philol.msu.ru/index.php> (МГУ им. М.В. Ломоносова (дата обращения: 2012.2016).

3. *Диалектная* фонетика. Акустическая база данных по русским говорам. – URL: <http://dialect-phon.ruslang.ru/> (Институт Славяноведения РАН) (дата обращения: 20.12.2016).

4. *Информационный* центр «Русская диалектология». – URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=rus_dialectology, (Институт Русского языка им. В.В. Виноградова РАН (дата обращения: 20.12.2016).

5. *Электронная* библиотека русских народных говоров. – URL: <http://dialekt.rx5.ru/index.html> (Казанский (Приволжский) федеральный университет (дата обращения: 20.12.2016).

6. *Лингвогеографическая* система «Диалект». – URL: <http://io.udsu.ru/dl/common.logon> (Ижевск, Удмуртский госуниверситет (дата обращения: 20.12.2016).

7. *Говор* бассейна Устьи: Корпус севернорусской диалектной речи. – URL: <http://www.slavist.de/Pushkino/login.php> (Ustja River Basin Corpus Query interface, Р.фон Вальденфельс, Берн, Швейцария и Н.Р. Добрушина и М.А. Даниэль, Высшая школа экономики, Москва (дата обращения: 20.12.2016).

8. *Электронные* базы данных по русским народным говорам. – URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=ruscorpora&encoding=utf-rus> (тексты, записанные в деревнях Харовского района Вологодской обл. и Шатурского района Московской обл., С.А. Крылов и А.В. Тер-Аванесова (дата обращения: 20.12.2016).

9. *Региональная этнолингвистика*. – URL: <http://www.ethnolex.ru/> (русские говоры Кубани, дата обращения: 2012.2016).

10. *Летучий А.Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка. – М., 2003–2005. – С. 215–232.

11. *Летучий А.Б.* Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка. – Новые результаты и перспективы. – СПб., 2006–2008. С. 114–128.

12. *Качинская И.Б.* Корпус Диалектных Текстов в Национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2009. – СПб., 2009. – С. 57–68.

13. *Качинская И.Б., Моисеева Е.В.* Диалектный Подкорпус НКРЯ. Новый стандарт подачи. Новое рабочее место // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Межвузовское совещание «Проблемы создания и использования диалектных корпусов», Саратов, 15–17 ноября 2010 г. / ред. О.Ю. Крючкова, А.И. Буранова, В.Е. Гольдин, Л.В. Балашова. – Саратов, 2011. – С. 245–255.

14. *Качинская И.Б., Сичинава Д.В.* Корпус диалектных текстов в национальном корпусе русского языка: сегодняшнее состояние и перспективы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 4–8 июня 2014 г. – М., 2014. – Вып. 13 (20). – С. 593–600.

15. *Качинская И.Б., Сичинава Д.В.* Диалектный подкорпус сегодня // Тр. Института русского языка им. В.В. Виноградова. – Вып. 6. – М., 2015. – С. 142–162.

16. *Словарь русских народных говоров*. – URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (дата обращения: 20.12.2016).

17. *Архангельский областной словарь*. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/> (дата обращения: 20.12.2016).

ON THE CORPUS OF DIALECTAL TEXTS IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 71–85.

DOI: 10.17223/22274200/11/5

Irina B. Kachinskaya, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kacza@yandex.ru

Dmitry V. Sichinava, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: mitrius@gmail.com

Keywords: Russian dialectology, corpus linguistics, lexical semantics, electronic resources, morphological marking.

The paper deals with the present state of the Corpus of Dialectal Texts within the Russian National Corpus. The Dialectal Corpus is available online at the site <http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>. It is searchable since December 2006. As time passed the markup team has changed and so did the tenets of the markup. The new team has developed a new standard of formatting the dialectal texts. According to the latter, texts should be included into the corpus in a phonetic representation, with marked stress, and the user should have the opportunity to work both with fragments and with whole texts. In the paper the main principles of grammatical, semantic and metatext markup of the dialectal texts are described, as well as the guidelines for online search.

The metatext markup consists of three levels: 1) provenance of a text; 2) phonetic markup; 3) genre and topic. A subcorpus can be customized basing on any combination of these sets of parameters. It is possible to select the texts with orthographical rendering and/or with audio recording available.

All the texts within the Dialectal Subcorpus are with resolved morphological ambiguity, with full morphological markup, including the dialectal characteristics. The search, as within the bulk of the RNC, is operated in two regimes: as an exact (sub)string and by lemmata and grams.

The semantic annotation is two-tiered, represented both in the metatext tagging and as a part of the word-by-word annotation. The topic (aboutness) of the text is determined on the metatext level. A separate lexeme can be also tagged semantically. A word is “translated” into the standard Russian language only if the text has a dictionary or notes annexed by the transcriber. It is possible also to add derivatives to find other dialectal words with the same root.

In 2016 the Dialectal Subcorpus was updated and now has 300 thousand items.

The Dialectal Subcorpus of the RNC supposes inclusions of every sort of dialectal texts available in Russian, from the historical Russian area (Central European Russia), from the early colonization area (North European Russia) and late colonization area (Siberia, Far East, the Don, the South Volga), as well as the Russian diaspora, mostly Old Believers and Protestants (Latgale, Azerbaijan, Romania, Australia, Canada, the United States and others). The texts are provided by dialectologists who do fieldwork. They can provide transcripts from their personal notes or audio recordings, as well as published texts.

The authors hope that the Dialectal Corpus will soon become a representative collection and will be widely accessed by users.

References

1. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS. (n.d.) *Shkol'nyy dialektologicheskij atlas “Yazyk russkoy derevni”* [School dialectological atlas “Language of the Russian Village”]. [Online] Available from: <http://gramota.ru/book/village>. (Accessed: 20.12.2016).
2. Lomonosov Moscow State University. (n.d.) *Fonetika russkikh dialektov* [Phonetics of Russian dialects]. [Online] Available from: <http://dialect.philol.msu.ru/index.php>. (Accessed: 20.12.2016).
3. Institute of Slavic Studies, RAS. (n.d.) *Dialektnaya fonetika. Akusticheskaya baza dannykh po russkim govoram* [Dialectal phonetics. Acoustic database on Russian dialects]. [Online] Available from: <http://dialect-phon.ruslang.ru/>. (Accessed: 20.12.2016).

4. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS. (n.d.) *Informatsionnyy tsentr "Russkaya dialektologiya"* [Information Center "Russian Dialectology"]. [Online] Available from: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=rus_dialectology. (Accessed: 20.12.2016).
5. Kazan Federal University. (n.d.) *Elektronnaya biblioteka russkikh narodnykh govorov* [Electronic library of Russian folk dialects]. [Online] Available from: <http://dialekt.rx5.ru/index.html>. (Accessed: 20.12.2016).
6. Udmurt State University. (n.d.) *Lingvogeograficheskaya sistema "Dialekt"* [Linguistic system "Dialect"]. [Online] Available from: <http://io.udsu.ru/dl/common.logon>. (Accessed: 20.12.2016).
7. Waldenfels, R.F., Dobrushina, N.R. & Daniel, M.A. (n.d.) *Ustja River Basin Corpus Query interface*. [Online] Available from: <http://www.slavist.de/Pushkino/login.php>. (Accessed: 20.12.2016).
8. Krylov, S.A. & Ter-Avanesov, A.V. (n.d.) *Elektronnye bazy dannykh po russkim narodnym govoram* [Electronic databases on Russian folk dialects]. [Online] Available from: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=ruscorpora&encoding=utf-rus>. (Accessed: 20.12.2016).
9. Ethnolex.ru. (n.d.) *Regional'naya etnolingvistika* [Regional ethnolinguistics]. [Online] Available from: <http://www.ethnolex.ru/>. (Accessed: 20.12.2016).
10. Letuchiy, A.B. (2005) Korpus dialektnykh tekstov: zadachi i problemy [Corpus of dialect texts: tasks and problems]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [The National Corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik.
11. Letuchiy, A.B. (2008) Dialektnyy korpus: sostav i osobennosti razmetki [Dialectical corpus: composition and features of markup]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [The National Corpus of the Russian language: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Kachinskaya, I.B. (2009) Korpus Dialektnykh Tekstov v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: sostoyaniye i perspektivy [Corpus of Dialect Texts in the National Corpus of the Russian Language: State and Prospects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Kachinskaya, I.B. & Moiseeva, E.V. (2011) [Dialectical Subcorpus of the NCRL. A new filing standard. A new workplace]. *Russkaya ustnaya rech'* [Russian Oral Speech]. Proceedings of the international conference. Saratov. 15–17 November 2010. Saratov: Saratov State University. pp. 245–255. (In Russian).
14. Kachinskaya, I.B. & Sichinava, D.V. (2014) [Corpus of dialect tests in the National Corpus of the Russian language: current state and prospects]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intelligent technologies]. Based on the proceedings of the annual international conference Dialog (2014). Bekasovo. 4–8 June 2014. Vol. 13 (20). Moscow: RSUH. pp. 593–600. (In Russian).
15. Kachinskaya, I.B. & Sichinava, D.V. (2015) Dialektnyy podkorpus segodnya [Dialectic subcorpus today]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 6. pp. 142–162.

16. Iling.spb.ru. (n.d.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. [Online] Available from: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>. (Accessed: 20.12.2016).

17. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. (1980–2015) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. [Online] Available from: <http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/>. (Accessed: 20.12.2016).

Н.Р. Ойноткинова

**ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА АЛТАЙСКИХ
ДЕМОНИМОВ: МАТЕРИАЛЫ
К ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ**

Статья посвящена вопросам лексикографического описания культурно значимых концептов-демонимов алтайского языка и фольклора, их этимологии и лексической семантики. Проблема поставлена в связи с составлением словаря лингвокультурологического словаря, создаваемого на материале прецедентных фольклорных текстов. Выяснение этимологии и внутренней формы слова позволяет точно сформулировать лексические значения слов-концептов и тем самым устранить проблему синонимии демонимов, широко представленных в мифологии алтайцев, появление которых обусловлено заимствованием из культурных традиций других этносов. На основе анализа этимологии и внутренней формы выявлены лексические значения и семантика тюркизмов (көрмөс, жұппа, желбис, туўнек, тургак) и монголизмов (алдачы, бук, жеткер, кёлчин).

Ключевые слова: лексикография, лингвокультурологический словарь, тюркские языки Сибири, алтайский язык, демонология, внутренняя форма слова, этимология.

В системе традиционных верований особое место занимает «низшая мифология», включающая в себя комплекс представлений о демонах, духах, т.е. о существах, принадлежащих к потустороннему миру. Выстраивая систему демонических персонажей, исследователи-фольклористы пытаются классифицировать их по признакам: внешний облик персонажа, характерные для персонажа функции и действия. Их визуальный облик складывается из определенного, более или менее изменчивого набора признаков.

Необходимость изучения этимологии и лексической семантики алтайских демонимов вызвана разработкой вопросов построения словарей лингвокультурологического словаря, в который войдут значимые слова алтайской лингвокультуры, широко представленные в фольклорных прецедентных текстах: песнях, сказаниях, мифологических рассказах, обрядовых заклинаниях, загадках, пословицах и поговорках. На данном этапе работы корпус словаря составлен на основе знаменательных частей речи (5000 словников), поскольку ценная культурологическая информация содержится не только в именах существительных, но и в предикатной лексике, широко за-

действованной во фразеологии языка. В словарную статью входят следующие компоненты: 1) заглавное слово в начальной форме с фонетическими и диалектными вариантами; 2) грамматическая принадлежность; 3) этимологическая, словообразовательная справка; 4) лексическое значение; 5) историко-этнографическая справка; 6) контекст употребления слова. Словарь преследует две цели – этнолингвистическую, показать лексику в культурно-историческом контексте, и художественно-стилистическую, отразить когнитивно-стилистические возможности лексики алтайского фольклора. «Когнитивно-стилистический анализ культурных концептов ставит целью обнаружение и описание их спецификаций в определенных типах дискурсивных практик, а следовательно, в определенных типах текстов» [1. С. 36]. Изучение фрагментов языковой картины мира, запечатленной в разных жанрах фольклора, имеет важное значение для современного антропоцентрического языкознания, обращенного к тем свойствам языка, которые характеризуют особенности восприятия, интерпретации и концептуализации человеком окружающего мира. Необходимость когнитивно-стилистического анализа демонимов обусловлена также тем, что они являются маркированными концептами мифологического дискурса, имеющими как семантическую, так и функциональную специфику.

О сложности разграничения лексической семантики и функций демонимов в монгольских языках пишет фольклорист С.Ю. Неклюдов. Он отмечает, что многие области значений у этих терминов частично или даже полностью совпадают. «Злокозненные духи (это, как правило, души умерших неестественной смертью или грешников) слабо разграничены по своим функциям и облику, а их общее, "родовое" свойство – приносить человеку болезнь, вселяясь в его тело или захватывая его душу» [2].

В словарях алтайского языка или любого другого тюркского языка лексические значения демонимов определяются обобщенно, как 'черт', 'бес', 'злой дух', 'демон', которые оказываются уже их концептуального содержания.

Отсутствие сведений об их художественных образах, функциях, этимологии делает словарные словари малоинформативными. Так, в «Толковом словаре тувинского языка» определение слова БУК дается через синонимы *аза*, *четкер*, *шулбус* с пометой «фольк.» и переводится как «злой дух, бес, дьявол, нечистая сила» [3. С. 310]. При составлении словаря также возникает проблема толкования и пони-

мания парных наименований (типа *аза-бук*), происхождение которых остается загадкой.

Как известно, любой концепт состоит из понятийного, ценностного и образного составляющих. По определению Ю.С. Степанова, структура концепта включает в себя «все составляющие понятия, и кроме того, в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры, – исходная форма; сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т.д.» [4. С. 40]. Понятийная сторона концепта включает его языковую фиксацию, описание, признаковую структуру, дефиницию [5. С. 145–146]. Ю.С. Степанов выделил три составляющих понятийной сферы концепта, это «основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него; дополнительный или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей языка; внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов» [4. С. 41–42]. Различные смыслы, выражаемые концептом, могут быть выявлены из контекста употребления.

Этимологические данные позволяют раскрыть историю развития значений демонимов, ассоциативные связи, закрепившиеся в сознании людей. Выяснение этимологии и анализ внутренней формы у этих слов в какой-то мере позволяет решить проблему синонимии и точно сформулировать их лексические значения. Если слово заимствованное, то определяется, из какого языка заимствовано и есть ли язык-посредник, устанавливаются генетические связи с соответствующими родственными языками, выявляется внутренняя форма слова, или мотивировочный признак, положенный в основу наименования. Для выявления понятийных особенностей алтайских демонимов приводится сравнительный материал их других тюркских и монгольских языков. В работе также были использованы различные словари тюркских и монгольских языков [6–12], а также труды ученых по исторической морфологии и лексикологии [13–15].

В результате анализа этимологии и внутренней формы слова выделены три группы демонимов: тюркского, монгольского и древнеиранского происхождения. В данной статье мы ограничимся демонимами тюркского и монгольского происхождения с целью фиксации их понятийного содержания в лексических значениях, поскольку

ку данный вопрос является одним из ключевых при составлении словарной статьи.

1. Демонимы тюркского происхождения: *көрмөс*, *жутпа*, *желбис*, *түүнөк*, *тургак* – выявлены на основе анализа морфологического состава. Их внутренняя форма легко восстанавливается по существующим этимологическим данным.

КӨРМӨС ‘невидимый дух’, ‘злой дух’ (алт., теленг., телеут.) состоит из глагольной основы *көр-* ‘видеть, смотреть’ [7. С. 317], аффикса отрицания *-мө* и словообразовательного аффикса существительного *-с*. Изначально существовавшее в языке мотивационное значение ‘невидимый’ (о духе умершего человека) относится к неактуальному, историческому слою концепта *көрмөс*. Ср.: в хакасском языке лексема *көринмес* ‘невидимый’ употребляется в буквальном значении, в парном сочетании с лексемой *айна*, не имеющей параллелей в тюркских языках: «*Пуларга чагын чуртаза, / Көринместер пазынмастар*», – *тiп*, / *Улам на чагын хыриларына / Көчiп, чуртаглабысханнар*». «Если поближе жить, / Невидимые *айна* угнетать нас не будут», – говоря, / Еще ближе к ним / Поселившись, стали жить» [16. С. 422–423]. В других южносибирских тюркских языках, например в тувинском языке и северных диалектах алтайского (чалк., кум.), лексема *көрмөс* / *көринмес* не встречается.

Внутренняя форма слова в какой-то степени до сих пор осознается носителями современного алтайского языка: с точки зрения человека любой дух невидим. В прошлом шаманы с этим понятием связывали души умерших предков. Исследователь шаманизма этнограф А.В. Анохин писал об этом следующее: «В загробной жизни душа человека без различия делается *көрмөс*’ом. Этим именем, как мы видели выше, алтайцы титулуют Эрлика (владыку подземного мира – уточнено мною) и всех его духов, равно как души умерших людей. Участь *көрмөс*’ов – душ умерших в загробной жизни – бывает различная в зависимости от добрых и худых дел человека» [15. С. 21]. «Злыми духами являются души умерших людей... Для поддержания порядка между злыми духами в их внутренней жизни и охранения человека от произвола Эрлик посылает на землю своих сыновей-богатырей» [Там же. С. 6–7]. Появление у лексемы *көрмөс* ‘невидимый дух’ негативной коннотации ‘злой’ связано с тем, что под «невидимыми духами» стали пониматься лишь вредоносные

духи («*Калжу улус көрмөс писти жеңден јат*» [12. С. 76] ‘Жестокие люди, злые духи нас одолевают’³⁰).

ЈУТПА ‘глотало, пожиратель’ восходит к древнетюркской форме глагола ЙУВ- (тур. диал.) < ЙУВАРЛА- (тур. осм.) ‘проглотить’ [10. С. 237] < ЙУВА. В современном алтайском и других тюркских языках распространена форма ЙУТ- (тур., уйг, тат, ккирг., тел., алт. и др.) [Там же. С. 242]. Соответственно, в основе номинации лежит мотивировочный признак «способность демона пожирать, поглощать». Этот исторический признак до сих пор сохраняется в структуре данного концепта и является актуальным, поскольку еще осознается носителями языка.

Основная функция сказочно-эпических чудовищ јутпа, как и јеек, – людоедство, и это соответствует шаманским представлениям о пожирании человеческой души злыми демонами. По шаманским мифам, «на берегу реки Тойбодым живут водяные чудовища – Јутпалар, с зелёными бедрами, с бледной грудью, челюсти их подобны большой лодке; Јутпалар охраняют дворец Эрлика» в преисподней [15. С. 3–4]. «Дворец его стоит при слиянии девяти рек в одну Тойбодым, которая течет человеческими слезами, или около моря Бай-тенгис с водяными чудовищами абра и јутпа. Через Тойбодым протянут мост из конского волоса. Царство Эрлика населяют множество душ умерших людей и различные гады. Если бы кто вздумал самовольно уйти из его дворца, то, ступив на волосяной мост, срывается и падает в волны реки, которая приносит дерзкого беглеца обратно к берегам владений Эрлика» [Там же. С. 3]. Описание подземного царства Эрлика характерно для шаманских камланий и эпоса («*Аңданышкан кара пакалар, / Аңданышкан кара јутпалар, / Огырышкан кара айулар Каан-Эрликтин јайаганы*» [Там же. С. 86] ‘Кишащие черные лягушки (на песках), / Кишащие чёрные живоглоты, / Рычащие чёрные медведи – создание Хан-Эрлика’. В эпосе Дьелбеген может представляться многоликим чудовищем: и злым духом нижнего мира (*јеткер*), и злым духом, приходящим с ветром (*јелбис*), и пожирателем (јутпа): «*Ак-каан үйиле / Албатызына мендеди, / Канча јонын баштап алып, / Катап јеткерле јуулашты. / Јелбис-јутпа Јелбеген / Ак-каанды ады бойыла / Ажыра јудуп ийбей кайтты, / Эрмен-Чечен абакайды / База јуда салып ийди...*» [17.

³⁰ Здесь и далее перевод сделан автором статьи.

С. 58]. 'Ак-хан с женой / К народу своему поспешил, / Свой народ возглавив, / Вновь с жеткер'ом в бой вступил. / Желбис-жутпа Дьелбеген / Ак-каана с конем / Вместе проглотил, / Эрмен-Чечена-супругу его / Тоже проглотил'.

В мифологии многих народов мира с демоническими существами отождествляются разные стихии: ветер, вихрь, ураган, метель. Наименования желбис 'дух-хозяин, злой дух' и түүнек 'злой дух, приходящий с ветром' содержат мотивировочный признак «способность демона перевоплощаться в явление природы».

ЖЕЛБИС 'дух-хозяин, злой дух, приходящий с ветром' восходит к общетюркскому *jel 'ветер' [14. С. 580]. Значение 'ветер-бог' встречается во фрагменте из манихейского памятника, 'злой дух' – у М. Кашгарского, 'поветрие (о болезни)' – в уйгурских памятниках [Там же]. По данным «Древнетюркского словаря», термин *желбис* образован от слова *jel* I. 'ветер'; *jel* II. 'злой дух, демоническое существо'. Собственно демоним образован от глагола *jelpi-* 'дуть' [7. С. 255] с аффиксом существительного -s > *jelpris* 'злой дух, дух болезни' [7. С. 255].

Демонического духа *желбис'а* можно сравнить с башкирским духом болезни – *йелтеу* (букв. 'поветрие, дуновение, наваждение'), который «может пристать обычно на закате с дуновением теплого ветерка, дождем или ливнем» [18. С. 181]. Алтайский *желбис* и башкирский дух болезни – *йелтеу* восходят к древнетюркскому *jelpik* 'дух болезни' (*ergä jelpik tegdi* 'в мужчину вселился дух болезней') и *jel* I 'ветер'; *jel* II 'злой дух, демоническое существо' [7. С. 255].

Тюрки верили, что некоторые духи болезней появлялись в виде ветра и поражали людей. Такое представление в прошлом отмечалось у телеутов Алтая. Л.Э. Каруновская писала: «По мнению телеутов болезни приносит дурной ветер. В Монголии будто бы есть такие старые люди, которые умеют пускать болезни по ветру; они снимают с больного платье и сжигают его вместе с написанной на бумаге молитвой; дым направляют в ту сторону, куда хотят послать болезнь. Дойдя до назначенного места, дым рассеивается; при этом чувствуется сотрясение земли, и раздражается болезнь» [19. С. 32]. Чтобы предохранить ребенка от болезней, ему делают оберег: небольшую раковину моллюска (*жыламан*) привязывают на тесёмку. У крещеных детей рядом с каури вешали крест [Там же].

В шаманских текстах *желбис'ы* женского пола, это дочери духа-хозяина горы, как правило, служащие шаману помощницами. Они

выполняют как положительные, так и отрицательные функции: *Ару тўНей ўч желбис!* / *Ўлгөн кижй (ползо) кирбейтен* [15. С. 70]. ‘Все чистые три *джелбиса!* / [В юрту,] где умерший, не входят’; Три *желбиса* – дочери духа-хозяина священной горы Абу-каан: *Ару тўНей Ўч Желбис!* [Там же. С. 66]. ‘Чистые, равные три *желбиса!*’. В эпосе рождением богатыря и его коня духами реки и горы подчеркиваются физическая сила и мощь героев, их связь с духами-хозяевами природы: *Суу желбистеН ады бўткен, / Туу желбистеН бойы бўткен* [17. С. 172] ‘Его конь духом воды рожден, / Сам он духом горы рожден’.

Алтайскому термину *желбис* в хакасской демонологии соответствует парное слово *чил-аас*, вторая часть которого, возможно, заимствована в древности из персидского языка: *аас / аза* < *āz* [7. С. 71]. «Дух чил-аас у хакасов происходит от дуновения ветра. В ветренный день слышится неведомый голос, который зовет человека, называя его имя. Он таким образом пытается забрать жизненную силу ‘хут’» [20. С. 31].

Следует отметить, что демонины *жутпа* и *желбис* чаще встречаются в эпосе, что свидетельствует об их архаичности и дискурсной маркированности.

ТҮҮНЕК ‘вихрь со злым духом’ состоит из двух словообразовательных сегментов: глагола *тўў-* ‘связать’, ‘вязать’ + аффикса существительного *-нек*. Эти морфологические составляющие позволяют определять внутреннюю форму как ‘нечто, связывающее человека (о вихре с нечистым духом)’ или ‘злой дух, приходящий с ветром’. В основе лексем *тўўнек* и *желбис* лежит мотивировочный признак «способность злого духа перевоплощаться в явление природы».

О существовании представлений о вихре у алтайцев Л.П. Потапов писал: «У алтайцев и телеутов было распространено представление о вихре как злом духе, если он крутился против часовой стрелки. Если вихрь крутился в обратном направлении, его принимали за мчащегося камлающего шамана, точнее – за его *јула*, так как сам шаман находился в это время на месте камлания» [23. С. 81–82]. По представлениям южных алтайцев, теленгитов, «существует два вида *тўўнек*: простой вихрь, который предвещает ненастье, и вихрь с духом-хозяином (нечистым духом – *көрмөс*)», который «забирает душу – *јула* человека, выступает посредником мира живых и мертвых» [22. С. 130]. «*Тўўнек ээлү болор дийт. ТўўнектиН јолына*

турбас. ОныН жолына турсаар, кишиниН жуласын апарар, киши бошоордоН айабас. ‘Говорят, *түүнек* имеет духа-хозяина. На пути вихря не встают. Если встанете на дороге вихря, то он заберет вашу душу-*жула*, человек может и умереть’ (Ч.А. Малчинова, с. Ортолык)» [22. С. 130]. В рассказах о вихре повествуется о разных случаях: кто-то попал в воронку вихря, вихрем унесло что-то из одежды, вихрь снес части дворовых построек, жилища; человек, оказавшийся под вихрем, заболевает или умирает [Там же].

ТУРГАК (алт., теленг., чалк. – *турлаг*) ‘злой дух, встречающийся в пути’ состоит из двух значимых сегментов: общетюркского глагола *тур-* ‘стоять’ и аффикса *-гак*, «образующего прилагательные свойства» [21. С. 246].

Структурный мотиватор *-гак* ставит в данный мотивационный ряд архаичные демонимы *turqaq* ‘сторож, страж’ и *tutyaq I* ‘ночной конный дозор’; ‘дозор’ (смерти) (*ölüm tutyaqı öz baryalır* ‘меня схватил дозор от смерти, нужно собираться в иной мир’) [7. С. 592]. Последний пример взят из древнетюркской поэмы этико-дидактического содержания *Qutadıu Bilig* (“Наука о том, как становится счастливым”) Юсуфа Баласагунского, 1069–1070 гг., что подтверждает общетюркское происхождение концепта.

Тюркскому слову *tutyaq* (*туткак* ‘препятствие’) в монгольском языке соответствует *тутгэр* ‘нечисть, наваждение, демоны бешенства’ [2]. Тюркский и монгольский термины содержат корень *тут-* ‘держат, хватать’. Возможно, монгольское слово было образовано от тюркской глагольной основы с присоединением аффикса *-гэр/-кер*, характерного для монгольских языков. Внутренняя форма демонимов современными носителями алтайского языка и фольклора осознается слабо, что объясняется узостью сферы использования мифологического дискурса. Они осознавались лучше в пору широкого бытования мифов. Демоним *тургак*, как и *түүнек*, не употребляется в функции метафоры.

Впервые об этом персонаже в своей работе написал путешественник и собиратель фольклора Г.Н. Потанин: «На перекрестках дорог, перевалах и близ приторов происходит собрание чертей, “тургак”; оттого эти места опасны и, миновав их, ставят обо» [24. С. 130]. Этих злых духов можно отнести к категории «демонов пути», поскольку человек сталкивается с ними в дороге [25. С. 31]. Места смерти людей, места вблизи кладбищ или захоронений считаются локусом проявления *тургак*. Злокозненным духом может

являться и дух умершего родственника. Этимология этого слова восходит к древнетюркской лексеме *tuɣaɣ* 'сторож, страж' [7. С. 587]. У южных алтайцев широко бытуют мифологические рассказы о случаях, когда лошадь останавливается в пути при встрече со злыми духами-*тургак*, которые якобы «стреноживают» лошадей, а люди могут впасть в забытие, попав в такое место. Когда человеку удастся выбраться из *тургак*, видения исчезают. Попадание под влияние духов может стать причиной несчастья и даже смерти. В народе существуют разные способы предотвращения попадания под влияние нечистой силы: совершать в этом месте в дневное время кормление духов местности, чтобы нейтрализовать действие злых духов ночью; миновать его до захода солнца или заночевать в пути, если не успеваешь проехать это место до вечера; если приходится ехать ночью – довериться лошади, так как она лучше чует путь [25. С. 35].

2. Демонимы монгольского происхождения: *алдачы, бук, јеткер, кӧлчин* – могли войти в лексику тюрков Южной Сибири в результате культурно-исторических контактов. Ученые считают, что так называемая тюрко-монгольская языковая общность есть результат длительных взаимных контактов тюркских и монгольских языков. В тюркских языках Южной Сибири существуют заимствования из монгольских языков, а в монгольских языках – заимствования из тюркских [6. С. 269]. Г.Д. Санжеев отмечал, что «монгольские тюркизмы проникали в монгольскую лексику преимущественно в очень раннюю эпоху, ещё задолго до того, как языки и диалекты тюркских народов и племён начали принимать тот фонетический облик, в котором они и известны науке. Это значит, что во многих случаях тюркизмы в монгольских языках сохранились до сих пор в формах, давно уже утраченных в самих тюркских языках... А монголизмы начали проникать в лексику тюркских языков очень поздно, примерно с XIII в., исключая, быть может, единичные тюркские монголизмы более ранних времён. Это значит, что тюркские языки не могут сохранять монголизмы в фонетических формах, уже утраченных в самих монгольских языках» [12. С. 11–12]. Один из основных критериев поздних монголизмов в тюркских языках – это совпадение звуковой оболочки и семантики соответствующего тюркского слова с монгольским при условии отсутствия этого слова в древнетюркском языке, при широком бытовании в монгольских языках [13. С. 26–27].

JETKEP ‘душа погибшего в результате несчастного случая (аварии, самоубийства и т.д.), ставшая злым духом, причиняющим вред живым людям’. (Ср.: бур. – *шудхэр* ‘черт’ [26. С. 100], калм. – *чуткер* [24. С. 269], тув. – *четкер* ‘бес’ [25. С. 50].) Возможно, мы имеем дело с поздним заимствованием из монгольских языков, поскольку звуковая оболочка и семантика соответствующего тюркского слова совпадает с монгольским при отсутствии этого слова в древнетюркском языке). В морфологическом составе слова присутствует монгольский аффикс *-хер/-кер*.

Будучи заимствованной, эта лексема иногда употребляется в парном сочетании *аза-жеткер* с семантикой собирательности, множественности различных духов (ср. бурят-монг. *ада-зэдхэр* ‘злой дух, нечистая сила’ [6. С. 31]): «*Кирге-бырга туттурбазын, / Кинчек-жарамас жууктабазын, / Алмыс-шулмус албазын, / Аза-жеткер табарбазын!*» [27. С. 36] ‘Пусть грязь не пристанет, / Зло-несчастье не подходит, / Пусть *алмыс-шулмус* не возьмет, / Пусть *аза-дьеткер* не нападет!’. Демоним *аза* в монгольских языках, как и в тюркских (алт. *аза-жеткер*), заимствован из среднеперсидского: *az* II [ср.-п. – *āz*] будд. 1. ‘желание, алчность’ (восьмой элемент двенадцатичленной причинной связи скр. *tṛṣṇā*; 2. ‘алчущий’: *az jeḱ* ‘алчущий демон’ [7. С. 71].

В алтайском эпосе *жеткер*’ом называют чудовищ и злых духов-оборотней нижнего мира, посланников Эрлика, его сыновей, дочерей и сородичей: «*Көгүдей-Көкшин айдын турды: / “Амыр жаткан ак быйанды / Жамынарга келгендер, / Алтайы жараи албатыны / Кулданарга келгендер, / Желбегенниң жеткерлери / Жер алдының жутпалары, / Кижги бажын айак эткен, / Кижги канын суузын эткен, / Кижги сөөгин тайак эткен, / Жердиң үсти жетен баатыр / Журтын чачын јигендер, / Алтай үсти алтан баатыр / Айыл-јуртын тоногон, / Алмын-чулмун жутпалардың / Кызыл канын төгөр – деди, / Кыл өөчин кыйар» – деди”» [17. С. 309]. ‘Көгёдей-Кёкшин говорит: / «Мирно пасущийся белый скот / Себе присвоить пришли, / Красивый народ Алтая / В рабов превратить пришли, / Дьеткер’ы Дьелбегена, / Пожиратели из-под земли вышли, / Из черепа человеческого чашу делали, / Из крови человеческой питье делали, / Из костей человеческих тросточки делали, / На земле юрты семидесяти богатырей, порушив, съели, / На Алтае шестидесяти богатырей / Юрты-семьи ограбили, / Алую кровь *алмын’ов, чулмун’ов, дьутпа* пролей-*

те, – сказал, / Горло им перережьте», – сказал'. Здесь демони́мы употреблены в функции метафоры: с чудовищами и злыми духами (*алмын, чулмун, дьутпа*) отождествляются враги, мастеровившие чаши из черепов побежденных, о которых в античные времена писал Геродот.

Понятийный компонент «злой дух нижнего мира» в демониме *жеткер* прослеживается в калмыцком и тувинском фольклоре. По представлениям калмыков, «*четкер* бестелесен, против него трудно бороться, поскольку он злой дух из нижнего мира» [28. С. 273]. В тувинском шаманизме *четкер'ы*, как и *аза*, выполняют функцию духов-помощников шамана: «*Азаларым, четкерлерим! Алды кара кускуннарым! Челип манаар чүвелерим! Чеди сарыг үгүлерим!* 'Вы, мои черти! Вы, мои бесы! Вы, мои птицы! Вы, мои шесть ворон! Вы, мои духи, рысью бегающие без усталости! Вы, мои птицы! Вы, мои семь желтых филинов!'"» [29. С. 242, 476]. *Четкер'ом* тувинцы также называют отделившуюся душу покойника, умершего неестественной смертью, который всячески вредит, мстит людям [30. С. 97].

БУК (алт., теленг.) 'мелкий демон, вредоносный дух-паразит, обитающий внутри человеческого тела либо на его поверхности' [31. С. 3]: возможно, связан с древнетюркской лексемой БУ: F / ВU: Г 1. 'пар' (во всех источниках, но с некоторыми уточнениями по языкам): 'пар от воды или вспотевшей лошади'; алт. диал., кум. 'водяной пар (алт., телеут., леб.)'; 2. 'испарение' – тур. диал., гаг., ккал., тат, чаг. [9. С. 229–230].

Источником данной лексемы в тюркских языках Южной Сибири, в частности в тувинском языке, явились восточно-монгольские языки: ср. п.-монг. *буу*, монг., халх, бур., калм. *буг / бог* 'демон, обитающий в степи' [32. С. 289–290; 28. С. 270; 12. С. 94–95].

В тувинской демонологии, данный персонаж связан с представлением о грешной душе (*боро кут* 'серая душа'): «*Бук* (оборотень) или *бора кут* (серая душа) – это душа умершего грешного человека, которая отделяется при смерти и наносит вред его родственникам (живой человек тоже может стать буком)» [30. С. 97]. Если *бук* заходит в юрту, то он может остаться надолго, оттуда его может изгнать только сильный шаман. Некоторые заклинания тувинских шаманов посвящены выманиванию такого духа: «*Эжик эндеп келген-дир сен. Эрткен орууң хая көрөм. Эдертип айын. Чорууду че. Эитеринҗе чедирип каайн.* 'Ты, [бук,] не в ту дверь пришел, заблудившись в пути. Ты, [бук,] пройденный свой путь должен вспомнить. Ты, [бук,] будь

моим спутником. Я тебя возьму в путь. Доведу тебя до твоих друзей, где бы они ни жили» [29. С. 114]. «Тувинский бук, который имеет облик “чего-то маленького” – человечка, мыши, облачка дыма. Он цепляется к телу человека в подмышечных впадинах, на стопах ног, на шее» [31. С. 3].

АЛДАЧЫ ‘дух смерти, уводящий душу умершего’. Мотивационная форма *алда/чы* состоит из двух формантов: корня *алда* и тюрко-монгольского аффикса существительного *-чы*. Корень *алда* имеет монгольское происхождение, о чем свидетельствует однокоренное слово *алдама* ‘необозримый, непроглядный’ [6. С. 44].

В фольклорных текстах современных алтайцев лексема используется крайне редко. Впервые она была зафиксирована А.В. Анохиным в «Материалах по шаманству алтайцев» [15. С. 3]. Это духи смерти, живущие вместе с душой (*сүйне*) после смерти человека некоторое время около юрты или в кругу оставшихся родственников; при этом душа ребёнка живёт семь дней, а душа взрослого – сорок дней. Иногда такого духа из дома умершего с чтением молитвы изгоняет шаман [Там же].

КӨЛЧИН ‘безобразный демон, привидение’ (ругат.). Словообразовательный аффикс *-či / -čip* в монгольских языках, как правило, образует имена существительные от именных основ [33. С. 38]. В разговорной речи алтайцев демоним *көлчин* употребляется как мифоморфизм, или метафорическая номинация человека или другого живого существа со значением ‘нечистая сила’. Неосвоенность первичного значения слова, возможно, связана с недавним заимствованием его из монгольских языков.

Выводы

В результате культурно-языковых контактов демонологическая персонификация алтайского фольклора пополнилась монгольскими заимствованиями, конкурирующими с тюркскими наименованиями. Словообразование тюркских демонимов шло на основе общетюркских словообразовательных морфем: аффиксов *-к* и *-гак*, образующих прилагательные свойства (*түүнөк* и *тургак*), и аффикса существительного *-с* (*көрмөс*, *желбис*, *шулмус*). Исторический слой тюркизов, входящий в понятийную составляющую концептов, содержит денотативные признаки: «способность демона к действию» (*тургак* ‘стоящий, вынуждающий остановиться’, *жутпа* ‘глотатель, пожиратель’), «свойство демона» (*көрмөс* ‘невидимый злой дух’), «способ-

ность демона перевоплощаться в явление природы» (*јелбис* ‘дух-хозяин, злой дух’, *тууunek* ‘злой дух, приходящий с ветром’).

Демонимы *јеткер*, *бук*, *алдачы*, *кблчин* имеют свои лексические соответствия в монгольских языках и выделены как заимствования на основе существующих этимологических данных, их внутренняя форма затемнена. На отношении к монгольским языкам указывают в составе лексем *јеткер* и *кблчин* словообразовательные морфемы *-кер* и *-чин*. Понятийное содержание демонимов из языка источника не всегда переходит в заимствующий язык. Заимствованные лексемы претерпели не только внешние изменения, но и содержательные. Какие-то концептуальные признаки утрачены, а какие-то, наоборот, стали актуальными.

Ассоциативно-образные компоненты у демонимов-концептов появляются при переходе номинаций в концептосферу человека. Пейоративные коннотативные компоненты “злой”, “вредоносный”, “безобразный”, “неизвестный, невидимый”, сопровождающие их или входящие в денотативные значения, допускают их просторечное употребление по отношению к человеку. Вариативность смыслового содержания концептов-демонимов, а именно образных характеристик, внешнего вида персонажей, локуса их обитания, наблюдается и на синхронном срезе.

Принципы концептуального анализа, учитывающие понятийный, ценностный и образный компоненты концепта, данные его исторического слоя, могут быть учтены при составлении словарей лингвокультурологического словаря. Этнолингвистический и когнитивно-стилистический подходы к анализу дискурсно маркированных концептов открывают новые возможности для исследования специфики культурно значимой лексики и выявления их роли в миромоделировании.

Литература

1. Орлова О.В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – Вып. № 326. – С. 34–37.
2. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе / отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. – М., 1998. – С. 6–43. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm/>
3. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 1: А–Й. – 596 с.

4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
5. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. – Сер. Теория и история языкознания / отв. ред. Н.Н. Трошина. – М., 2004. – С. 132–163.
6. Черемисов К.М. Бурят-монгольско-русский словарь / под ред. Ц.Б. Цыдемдамбаевой. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.
7. Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1979. – 677 с.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б' / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
10. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й' / авт. слов. ст. Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. – М., 1989. – 292 с.
11. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Ок. 40 000 слов. – Фрунзе; Гл. ред. киргиз. сов. энцикл., 1985. – Т. 1. – 503 с.
12. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН; гл. ред. Г.Д. Санжеев; ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. – М.: ИВ РАН, 2015. – Т. 1: А–Е. – 224 с.
13. Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. – 165 с.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
15. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев: (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) / предисл. С.Е. Малова. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – 152 с.
16. Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд.-полигр. и книготорг. предпр. РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).
17. Алтай баатырлар (Алтайские богатыри) / сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1958. – Т. 3. – 380 с.
18. Хисамитдинова Ф.Ф. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 152 с.
19. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1927. – Т. 6. – С. 19–36.
20. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – 200 с.
21. Баскаков Н.А. Очерк грамматики ойротского языка // Ойротско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 219–312.

22. Яданова К.В. Поверья теленгитов о вихре – туунок (по материалам экспедиций в Кош-Агачский район Республики Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. – Горно-Алтайск, 2007. – Вып. 6. – С. 129–137.
23. Потанов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
24. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Вып. 4. – СПб., 1883. – 1026 с.
25. Доронин Д.Ю. Тургак: демоны пути в алтайской мифологии // Демонология как семиотическая система: Тез. докл. IV междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2016 г. / сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М., 2016. – С. 28–39.
26. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – 126 с.
27. Алтай алкыштар (Алтайские благопожелания) / сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 144 с. (на алт. яз.).
28. Басангова Т.Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 2–3. – С. 269–278.
29. Кенин-Лопсан М. Алгыши тувинских шаманов. – Кызыл: Новости Тувы, 1995. – 528 с.
30. Самдан З.Б. Тувинские мифы и сказки: система образов и поэтико-стилевые особенности // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 95–102.
31. Неклюдов С.Ю. Какого роста демоны? // In Umbra: Демонология как семиотическая система: альм. – Вып. 1 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2012. – С. 85–122.
32. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 2000. – Т. 1 (А–Б). – 344 с.
33. Потте Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. – Ч. 1–2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 452 с.

Список условных обозначений

- алт. – алтайский
- бур. – бурятский
- гаг. – гагаузский
- калм. – калмыцкий
- ккал. – каракалпакский
- кум. – кумандинский
- леб. – лебединский (чалканский)
- монг. – монгольский
- п.-монг. – письменно-монгольский
- саг. – сагайский
- таг. – татарский
- теленг. – теленгитский
- телеут. – телеутский
- тув. – тувинский
- тур. диал. – турецкий диалектный
- хак. – хакасский
- чаг. – чагатайский

ETYMOLOGY AND SEMANTICS OF ALTAI DEMONYMS: MATERIALS FOR A LINGUOCULTURAL DICTIONARY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 86–104.

DOI: 10.17223/22274200/11/6

Nadezhda R. Oynotkinova, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kadynda@ngs.ru

Keywords: lexicography, linguocultural dictionary, Turkic languages of Siberia, Altai language, demonology, inner form of word, etymology.

The paper considers the problems of lexicographic description of demonyms of Altai linguoculture. The problem is posed in connection with the development of principles for the compilation of glossaries of a linguocultural dictionary based on the material of precedent folklore texts. The study of etymology and analysis of the inner form of the word allows to accurately formulate lexical meanings of concept words and thereby eliminate the problem of synonymy of lexemes, in particular demonyms, broadly represented in the mythology of the Altaians. On the basis of the analysis of etymology and inner form, the lexical meanings and semantics of Turkisms (*körmös*, *jutpa*, *jelbis*, *tüünek*, *turgak*) and Mongolisms (*aldachy*, *buk*, *jetker*, *kölchin*) are determined. The study of the etymology of this group of words is connected with the problem of borrowings and cultural and language contacts of different ethnic groups in Central Asia. Etymological facts allow to disclose the history of the development of meaning in words representing mythological concepts, to discover associative links that are fixed in the minds of people.

Etymological and historical components of demonym concepts, determined by the inner form of the word, are associated with the conceptual components of their lexical meanings. The considered Turkisms have a clear inner form that underlies their lexical meanings. These names contain motivational attributes: “the demon’s ability to act” (*turgak* ‘standing, forcing to stop’, *jutpa* ‘swallow, devourer’), “demon’s feature” (*körmös* ‘invisible evil spirit’), “demon’s ability to transform into a natural phenomenon” (*jelbis* ‘master spirit, evil spirit’, *tüünek* ‘evil spirit coming with the wind’). Modern speakers of the Altai language and bearers of folklore understand the inner form of these words badly, which is explained by the narrowness of the use of mythological discourse. They were better understood in the past, at the time of wide existence of myths.

Demons *jetker*, *buk*, *aldachy*, *kölchin* have their lexical correspondences in Mongolian languages and are identified as borrowings based on existing etymological data. The relation to the Mongolian languages is indicated in the lexeme *jetker* and *kölchin* by the derivational morphemes *-ker* and *-chin*. The lexemes *buk* and *jetker* fully coincide in appearance with minor phonetic differences: in the Buryat language – *shudkher*, Kalmyk – *chutker*, Tuvan – *chetcher*. Demon *kölchin* is used in the nominative metaphorical function in the colloquial speech of the speakers in the sense of ‘an ugly demon, a ghost’, ‘an evil spirit’ (about a person). The considered Mongolisms in the Turkic languages may be late borrowings, since the sound form and the semantics of the corresponding Turkic word coincide with the Mongolian; besides, there are no such words in the ancient Turkic language.

The associative-figurative components of these concepts appear in the transition of nominations to the conceptsphere of man. Pejorative evaluation components ‘evil’, ‘malicious’, ‘ugly’, ‘unknown, invisible’, accompanying their denotative meanings, allow their common usage in relation to a person.

The principles of analysis of the cultural concept, tested on the material of demonyms, can be applied to the study of other thematic groups of cultural vocabulary. Ethnolinguistic and cognitive-stylistic approaches to the analysis of discursively marked concepts give new

opportunities for studying the specificity of culturally significant vocabulary and for revealing their role in participating in the world-modeling.

References

1. Orlova, O.V. (2009) On cognitive-stylistic and cognitive-discursive approaches to the study of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 326. pp. 34–37. (In Russian).
2. Neklyudov, S.Yu. (1998) Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoy slovesnosti [Images of the Otherworld in Folk Beliefs and Traditional Literature] In: Nikulin, N. I. & Sadokova, A.R. (eds) *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnykh verovaniy k literature* [Eastern Demonology. From popular beliefs to literature]. Moscow: Nasledie. [Online]. Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm/>.
3. Mongush, D.A. (ed.) (2003) *Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
4. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Karasik, V.I. (2004) Lingvokul'turnye kontsepty: podkhody k izucheniyu [Linguocultural concepts: approaches to the study]. In: Troshina, N.N. (ed.) *Sotsiolingvistika vchera i segodnya* [Sociolinguistics yesterday and today]. Moscow: INION RAN.
6. Cheremisov, K.M. (1951) *Buryat-mongol'sko-russkiy slovar'* [Buryat-Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Gosud. izd-vo inostr. i nats. slovarey.
7. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R. & Shcherbak A.M. (1979) *Drevnyurykskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka.
8. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic vowel stems]. Moscow: Nauka.
9. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu 'B'* [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic b-stems]. Moscow: Nauka.
10. Sevortyan, E.V. & Levitskaya, L.S. (1989) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'Zh', 'Sh', 'Y'* [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic zh-, sh-, y-stems]. Moscow: Nauka.
11. Yudakhin, K.K. (1985) *Kirgizsko-russkiy slovar'. V dvukh knigakh. Okolo 40000 slov* [Kyrgyz-Russian dictionary. In two vols. About 40,000 words]. Vol. 1. Frunze: Glav. red. kirgiz. sovet. entsikl.
12. Sanzheev, G.D., Orlovskaya, M.N. & Shevernina, Z.V. (2015) *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of the Mongolian languages: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: IOS RAS.
13. Rassadin, V.I. (2007) *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community]. Vol. 1. Elista: Kalmyk State University.
14. Tenishev, E.R. & Dybo, A.V. (eds) (2006) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-

Turkic basic language. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow: Nauka.

15. Anokhin, A.V. (1924) *Materialy po shamanstvu u altaytsev. (Sobrannyye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii)* [Materials on shamanism in Altai (Materials collected during expeditions to the Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia)]. Leningrad: RAS.

16. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1997) *Khakasskiy geroicheskiy epos: “Ay-Khuuchin”* [Khakass heroic epic: “Ai-Huuchin”]. Novosibirsk: Nauka.

17. Surazakov, S.S. (1958) *Altay baatryrlar* [The Altai Bogatyr]. Vol. 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otd-nie Altayskogo knizhn. izd-va.

18. Khisamitdinova, F.F. (2011) *Slovar’ bashkirskoy mifologii* [Dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: Institute of History, Language, and Literature of the Ufa Science Center RAS.

19. Karunovskaya, L.E. (1927) Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom [From the Altai beliefs and rituals associated with the child]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 6. pp. 19–36.

20. Butanaev, V.Ya. & Mongush, Ch.V. (2005) *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic customs and rituals of the Sayan Turks]. Abakan: Khakass State University.

21. Baskakov, N.A. (2005) Oчерk grammatiki oyrotskogo yazyka [Essay on the grammar of the Oirot language]. In: Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. *Oyrotskorusskiy slovar’* [Oirot-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.

22. Yadanova, K.V. (2007) Pover’ya telengitov o vikhre – tuunek (po materialam ekspeditsiy v Kosh-Agachskiy rayon Respubliki Altay) [Telengit beliefs about the whirlwind – Tuunek (based on the expeditions to the Kosh-Agachsky District of the Altai Republic)]. In: Soenov, V.I. & Oynoshev, V.P. (eds) *Izuchenie istorikokul’turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Vol. 6. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.

23. Potapov, L.P. (1991) *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka.

24. Potanin, G.N. (1883) *Oчерki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on North-Western Mongolia]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, na Dvortsovoy ploshchadi.

25. Doronin, D.Yu. (2016) [Turgak: demons of the path in the Altai mythology]. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [Demonology as a semiotic system]. Abstracts of the IV International Conference. Moscow, RSUH. June 15–17, 2016. Moscow: RSUH. pp. 28–39. (In Russian).

26. Manzhigeev, I.A. (1978) *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow: Nauka.

27. Ukachina, K.E. & Yamaeva, E.E. (1993) *Altay alkyshtar* [Altai well-being wishes]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek. (In Altai).

28. Basangova, T.G. (2011) Demonologicheskie personazhi v fol’klore kalmykov [Demonological characters in Kalmyk folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2–3. pp. 269–278.

29. Kenin-Lopsan, M. (1995) *Algyshti tuvinskikh shamanov* [Spells of Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy.

30. Samdan, Z.B. (2003) Tuvinskie mify i skazki: sistema obrazov i poetiko-stilevye osobennosti [Tuvan myths and fairy tales: a system of images and poetic-style features]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 3. pp. 95–102.

31. Neklyudov, S.Yu. (2012) Kakogo rosta demony? [How tall are the demons?]. In: Antonov, D.I. & Khristoforova, O.B. (eds) *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [In Umbra: Demonology as a semiotic system]. Vol. 1. Moscow: RSUH.
32. Tatarintsev, B.I. (2000) *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
33. Poppe, N.N. (1938) *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab]. Vols I-II. Moscow; Leningrad: USSR AS.

З.И. Резанова

**ПОДКОРПУС УСТНОЙ РЕЧИ РУССКО-ТЮРКСКИХ
БИЛИНГВОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИ
РЕЛЕВАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ¹**

В статье определяются типологические релевантные признаки подкорпуса устной речи русско-тюркских билингов (русско-татарский, русско-шорский, русско-хакасский билингвизм), создаваемого в рамках проекта исследования языков Южной Сибири. Подкорпус рассматривается как эмпирическая база лингвистического, психолингвистического и лингвокогнитивного изучения билингвальной (мультилингвальной) интерференции. Характеризуются основной принцип отбора текстов в подкорпус, принципы метаразметки корпуса, обусловленные исследовательской направленностью проекта.

Ключевые слова: корпус билингов, русско-тюркский билингвизм, метаразметка, устный подкорпус, языки Южной Сибири.

Корпусная лингвистика, идеи которой были высказаны еще в 60-е гг. XX в., начала интенсивно развиваться с 80-х гг. с опорой на активно совершенствующиеся информационные технологии. В настоящее время лингвистические корпуса текстов (собрания текстов, отобранные и размеченные на основании теоретически обоснованных лингвистически релевантных принципов) играют все более значимую роль в качестве источников лингвистического исследования, конкурируя с традиционным источником – словарем. Так как лингвистический корпус, как правило, включает морфологическую, лексико-семантическую и стилистическую квалификацию слова, он в качестве источника лингвистического исследования соотносим с так называемыми аспектными словарями, включающими единицы и их квалификацию определенного типа. Вместе с тем основной особенностью корпуса как лингвистического источника является то, что он дает возможность извлечь информацию о широчайшем спектре контекстной реализации языковых единиц, их форм, вариантов. Принципиальное противопоставление принципов отбора единиц словаря и корпуса – словоцентричность и текстоцентричность – делают их взаимодополняемыми источниками, совместное

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, договор №14У26.31.00.14.

использование которых способствует повышению эффективности лингвистического исследования.

В современной интенсивно развиваемой корпусной лингвистике все большее развитие получают корпуса текстов, собранные в качестве эмпирической основы разнообразных лингвистических проектов, что мотивирует разработку особых принципов разметки и метаразметки текстового материала, которые дополняют выработанные ранее стандарты его обработки.

В совместной статье с Г.Ю. Весниной мы уже писали о подкорпусе русской речи билингвов, рассматривая его как часть долгосрочного проекта создания лингвистического корпуса «Томский региональный текст», целью которого являлось собирание текстов регионального варианта русского языка во всей полноте его функциональной дифференциации [1]. В совокупности функционально обусловленных речевых вариантов реализации русского языка значительное место занимает билингвальная речь, формы которой обусловлены многими факторами, в том числе типом вступающих во взаимодействие языков и характером их контактирования, что, в свою очередь, зависит от действия значительного количества социолингвистических параметров коммуникации. Будучи частью крупного проекта, подкорпус речи билингвов, по замыслу авторов, наследовал основные принципы отбора текстов основного корпуса, его разметки и метаразметки, структура которых определялась стремлением отразить полноту функционального варьирования территориального варианта национального языка. К таким принципам мы относили: при отборе текстов – отражение устной и письменной речи всех функциональных стилей, стремление к жанровому и тематическому разнообразию, при планировании разметки – введение дискурсивно значимых маркеров¹. Подкорпус речи билингвов закономерно дополнялся параметрами метаразметки, введением базовых показателей контактирующих языков в билингвальной речи, в аннотировании корпуса – введением системы тегов отклонений от речевого стандарта [1].

Концепция данного подкорпуса получила свое развитие в рамках крупного проекта по изучению языкового многообразия Южной Сибири, поддержанного грантом Правительства Российской Федерации. Значимую часть программы исследований составляют сбор,

---

¹ Принципы формирования данного корпуса, реализуемого в настоящее время, охарактеризованы в ряде работ авторов проекта, см.: [2–5].

инвентаризация и исследование форм контактирования языков сквозь призму речевых структур русскоязычных билингвов с интерферентными проявлениями тюркских языков: татарского, хакасского, шорского.

В проекте предполагается лингвистическое, психолингвистическое и лингвокогнитивное исследование форм проявления билингвальной (мультилингвальной) интерференции. При решении комплекса данных задач формирование корпуса русскоязычной билингвальной речи имеет, во-первых, самостоятельную научную ценность, так как его результатом станет фиксация типов речевых отклонений на всех уровнях языковой системы в соотнесении с типами языкового контактирования. Во-вторых, мы рассматриваем сбор билингвальных текстов и их лингвистическую разметку в качестве основного источника при формировании материалов психолингвистических экспериментальных исследований механизмов контактирования языков в когнитивных структурах билингвов.

Данная фокусировка исследовательских задач обусловила необходимость корректировки архитектуры формируемого подкорпуса, расширения системы метаразметки и увеличения количества тегов его аннотирования, а также необходимость дальнейшего углубления структуры самого подкорпуса. В структуре основного подкорпуса русской речи билингвов мы выделяем: 1) на основании различий контактирующих языков – подкорпуса речи русско-татарских, русско-хакасских, русско-шорских билингвов; 2) в каждом из подкорпусов противопоставляются далее более частные подкорпуса по противопоставлению основных форм (модусов) речи – устной и письменной.

Большинство из существующих в настоящее время наиболее представительных корпусов национальных языков являются собранием прежде всего письменных текстов, к которым присоединяются подкорпуса устные или мультимедийные. В концепции теоретической направленности представляемого корпуса русской речи билингвов именно *подкорпус устной речи* является ядерным, так как только при формировании его текстовой основы можно максимально полно зафиксировать психолингвистически и социолингвистически значимые особенности билингва, что является необходимым при исследовании когнитивных эффектов билингвального взаимодействия. Весьма значимой является также возможность привлечь одних и тех же информантов в качестве как авторов текстов корпуса, так и

испытуемых при проведении поведенческих психолингвистических исследований билингвизма.

В данной статье характеризуются основные признаки создаваемых устных подкорпусов русско-татарских, русско-хакасских, русско-шорских билингвов, подходы к отбору текстового материала и общие принципы метаразметки, определяющие их место в типологии лингвистических корпусов.

Как справедливо отмечает М. Копотев, при отборе текстов корпуса «единственный критерий – задача, для которой собран корпус» [6. С. 33]. Далее мы охарактеризуем принципы отбора материала в формируемый корпус, сопоставляя его с другими вариантами селекции текстов. Отметим, что мы ориентировались на принятую в мировой практике корпусного проектирования типологию, разработанную в проекте EAGLES [7]¹, однако характеризуем корпус только по параметрам, значимым для спецификации представляемого подкорпуса устной речи билингвов.

Лингвистические корпуса противопоставляются:

- по языкам коллекций текстов: одноязычные vs многоязычные;
- формам речи: устные vs письменные vs мультимодальные vs смешанные;
- формам национального языка: литературный язык vs диалектный язык vs. недифференцированные по данному признаку;
- дискурсивным и, реже, жанровым формам текстов, обычно современные глобальные проекты национальных корпусов стремятся к сбалансированности материалов, т.е. к отражению объемов жанровых и дискурсивных форм текстов пропорционально соотношению типов коммуникации на данном языке (см. обоснование таких принципов компоновки текстового массива в НКРЯ [8], а также примеры таких корпусов в работах [9–13]);
- временной отнесенности текстов, по этому основанию противопоставляются корпуса современных текстов (временные границы при этом определяются в соответствии с выработанными в теоретической лингвистике положениями о темпах динамики национальных языков) и являющиеся собраниями текстов, созданных в другие эпохи (пример такого корпуса – лингвистически размеченное собрание агиографических текстов XV–XVII вв. [14]);

---

¹ Отметим, что на данный стандарт ориентируются все обсуждаемые в статье корпуса текстов.

– типам соотношения языков, используемых автором текстов при их порождении.

Основным дифференциальным параметром, определяющим направленность отбора текстов для подкорпуса русско-тюркских билингвов Южной Сибири, является последний признак. По этому признаку корпуса делятся на тексты носителей языка, к которым относится абсолютное большинство создаваемых корпусов, и так называемые корпуса второго языка, которые являются собранием «текстов не носителей языка». К последней группе относят учебные корпуса, корпуса билингвов и корпуса лингва франка [6. С. 103–107]. Определение «тексты не носителей языка» представляется нам не совсем удачным, более верное определение, на наш взгляд, – «тексты носителей нескольких языков», т.е. это тексты, которые порождаются билингвами с разным соотношением материнского (L1) и изучаемого или освоенного языка (L2). Так, наиболее представительный англоязычный *The Cambridge Learner Corpus (CLC)* включает к настоящему времени 40 млн текстоформ, записи речи более 200 тыс. студентов из 217 стран, говорящих на 148 родных языках [6. С. 105].

При этом язык, тексты на котором объединяет соответствующий корпус, может занимать функционально различное положение в коммуникации билингва. Например, в составе русскоязычных корпусов этого типа русский язык может быть материнским, испытывающим влияние других (другого) языка при эмиграции, это так называемые корпуса текстов эритажных (херитажных) носителей языка (использование данных такого корпуса см. в работе [15]). Целевой язык может быть и вторым, изучаемым языком, как, например, в учебных корпусах (русскоязычный учебный корпус RLC) [16].

В корпусе билингвов, являющемся подкорпусом национального корпуса болгарского языка, собраны тексты, написанные на болгарском языке, подъязыке русско-болгарских билингвов разного типа, проживающих в Болгарии, для которых русский язык является родным, материнским, а болгарский – осваиваемым (см. проект данного корпуса в статье К. Петровой [17]).

В характеризуемом в статье подкорпусе собраны русскоязычные тексты, создаваемые людьми, для которых русский язык не является материнским, материнские языки контактирования – языки тюркской семьи: шорский, татарский, хакасский.

При отмеченном выше типологическом сходстве учебных корпусов и корпусов речи билингвов, данные корпуса имеют значительные отличия в целевой направленности отбора текстов, как следствие – в типе преобладающих текстов. Ядро учебных корпусов составляют, как правило, письменные тексты – студенческие работы крупных учебных центров, во вторую очередь – транскрибированные устные тексты. В подкорпусе русско-тюркских билингвов Южной Сибири ядро корпуса составляют устные тексты.

Несомненна прикладная направленность создания учебных корпусов на выявление типичных отклонений в использовании языка носителями разноструктурных языков как основа коррекции методик преподавания языка. При этом данные корпусов широко используются и в типологических исследованиях.

Своеобразие представляемого в статье собрания текстов состоит в том, что русский язык, являясь вторым, не материнским, активно используется авторами текстов корпуса во многих сферах, прежде всего в институциональной коммуникации. Вследствие этого, мы полагаем, отклонения от норм использования русского языка могут носить более глубокий, неявный характер, нежели в ученических работах, и выявляются на основе концентрации значительного объема текстов. Корпус планируется как собрание текстов, являющееся основой типологических и психолингвистических исследований, однако его данные также могут быть использованы в практике преподавания русского языка в школах.

Итак, подкорпус русско-тюркских билингвов Южной Сибири по названным выше признакам противопоставления может быть определен как собрание современных устных текстов, отбор которых проводится с ограничением по локальному принципу: авторы текстов являются носителями локального варианта русского языка, как литературной, так и нелитературной (диалектной, просторечной) форм. Подчеркнем фиксацию регионального характера собираемых текстов, так как полагаем, что тип языкового контактирования может отражать аспекты диалектного взаимовлияния, например сибирского варианта татарского языка и среднеобских говоров русского языка.

Создаваемый подкорпус устной речи, естественно, не может охватить всю палитру дискурсивных и жанровых форм коммуникации, в нем преимущественно будут собраны тексты устного бытового и, реже, публицистического общения. Дискурсивное, жанровое и тема-

тическое ограничение текстов определяется преимущественным типом сбора материала – в практике интервьюирования, бесед собирателей текстов с информантами, самозаписи информантом разных форм обыденной коммуникации.

Направленность на изучение языковой интерференции в речи билингва, на исследование отражения когнитивных процессов контактирования языков в сознании билингва определяет тип разметки и метаразметки подкорпуса. Проблема разметки (аннотирования) корпуса требует отдельного рассмотрения, в данной статье мы охарактеризуем только принципы метаразметки корпуса, определяемые типом создаваемого подкорпуса.

Целевая направленность создаваемого корпуса потребовала коррекции системы метаразметки по отношению как к метаразметке НКРЯ, так и к учебным корпусам и корпусам ошибок. Метаразметка определяет структуру корпуса, помогает контролировать его наполняемость (репрезентативность и сбалансированность). При формировании параметров метаразметки мы также следовали принятым в корпусной практике принципам соответствия цели и принципу полноты, определяемому относительно цели.

По отношению к НКРЯ метаразметка корпуса устной речи билингвов отличается, с одной стороны, существенной редуцией, с другой стороны, введением дополнительных параметров. Как известно, метаразметка в НКРЯ включает 25 параметров, которые распределяются по трем группам: информация об авторе текста, информация о тексте и служебная информация (см. полное описание принципов метаразметки в НКРЯ в статье С.О. Савчук [18]). Значительное количество параметров метаразметки в НКРЯ мотивировано стремлением авторов корпуса соответствовать принципу полноты дискурсивных и жанровых форм репрезентации текстов в корпусе, что требует введения дополнительных признаков при параметризации устных и письменных текстов разной дискурсивной отнесенности и жанровой природы.

В представляемом устном подкорпусе речи билингвов ограничение жанров определяет и ограничение признаков текстов, включаемых в метаразметку; необходимость же отражения явлений интерферентных проявлений межязыкового взаимодействия в корпусе требует маркирования социолингвистических и психолингвистических факторов, их определяющих. Вследствие этого в метаразметку включается не только обычная для большинства корпусов информа-

ция об авторах текстов (дата рождения, пол, образование, социальное положение), но также информация о языках, которыми владеет автор текста, и об их функциональном соотношении.

При метаразметке подкорпуса мы используем данные двух анкет, которые заполняет информант: социолингвистической анкеты, разработанной в Институте языкознания РАН, основанной на анкетах О.А. Казакевич и используемой при исследовании языков малых народов Российской Федерации [19].

Социолингвистическая анкета включает 41 вопрос с более подробной детализацией информации об авторе текста: о времени и месте рождения, проживания, обучения, профессиональной деятельности, сведений о родственниках по разным типам родства, о способе приобретения и использования языков.

Языковая анкета билингва, разработанная на основе анкеты языкового опыта и уровня владения языком Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. [20], включает 14 блоков параметризации характера и типа владения билингвом взаимодействующими языками: языки ранжируются по мере активности их использования, порядку усвоения, количеству времени пользования языками во время интервьюирования, по предпочтению выбора языков при чтении и при коммуникации с другим человеком; также фиксируется информация об истории пользования языком – о времени изучения или вхождения в язык, о времени пребывания информанта в среде языка, о самооценке информантом уровня владения языком и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков, которым владеет информант, о предпочитаемых темах и сферах коммуникации для говорения на каждом из языков.

Как видим, социолингвистическая и психолингвистическая информация двух анкет, заполняемых информантами корпуса, имеет пересекающиеся, хотя и нетождественные параметры, однако вследствие того, что эти анкеты имеют внутреннюю, присущую им системность, определяемую соотнесенными, но разными исследовательскими парадигмами, мы включаем в материалы корпуса обе анкеты. При этом в метаразметку корпуса вносятся только основные параметры, определяющие существенные аспекты взаимодействия языков в когнитивной и коммуникативной системе билингва. Данный фрагмент метаразметки мы структурируем относительно владения русским языком, на котором говорит информант, определяя его статус: является ли русский язык по самооценке информанта род-

ным (материнским) или неродным; используется ли в период записи текста в разных формах коммуникации (активный vs пассивный), порядок усвоения языка (первый vs второй); сфера преимущественного использования (письменная vs устная; бытовая vs официальная vs эстетическая vs другие. По тем же параметрам оцениваются другие языки речевых практик билингва (полилингва).

Отметим, что через систему отсылок пользователь корпуса при необходимости может получить доступ к расширенному составу информации, полному содержанию анкет, за исключением фамилии, имени, отчества авторов, которые открыты только в качестве служебной информации, в пользовательской системе они представлены в закодированном виде.

Информация о тексте включает данные о времени и месте записи текста, его размере в словах.

Далее следуют лингвистически релевантные параметры текста. Теоретическая нейтральность – ведущий принцип аннотирования текстов корпуса. Наиболее общий признак параметризации – форма (модус) текста, с базовой оппозицией письменной и устной форм, которая в настоящее время дополняется третьим видом – тексты мультимедийной коммуникации. Фундаментальность противопоставления данных типов (модусов) коммуникации обоснована и в психолингвистических исследованиях процессов порождения и восприятия речи [21. С. 270], и в дискурсивных исследованиях [22. С. 16–17].

Следующие параметры – тип коммуникации (монолог, диалог, полилог); тип дискурса (личный – институциональный) и его конкретные виды – параметризуются в соответствии с традицией, сложившейся в зарубежной и российской практике социолингвистических исследований, см., например, работы [23–25].

Решая вопрос о жанровой принадлежности текстов, мы основываемся на типологическом членении, обоснованном Т.В. Шмелевой, выделяющей информативные, оценочные, этикетные, императивные жанры [26]. Конкретные виды жанров диагностируются по жанрообразующим признакам (рассказ, беседа, воспоминание, сообщение, разговор и др.). При разметке по данному признаку участники проекта получают инструкцию с описанием признаков идентификации речевого жанра. Завершается метаразметка указанием на тему текста: свадьба, встреча с друзьями, мои родители, учеба в школе, посещение театра (список открыт).

Раздел метаразметки «Служебная информация» включает условное название подкорпуса по соответствующему варианту билингвизма (русско-татарский, русско-шорский, русско-хакасский), по форме (модусу) речи (устный), а также указываются имена, отчества, фамилии лингвистов, ответственных исполнителей: тех, кто записывал аудиофайл, собирал анкеты, производил письменную расшифровку, метаразметку и автоматическое аннотирование, ручную разметку интерференции, проверку разметки после автоматической обработки при автоматической разметке текста.

В настоящее время проводится тестирование системы разметки и метаразметки текста.

Создаваемый корпус русской речи билингов станет первым репрезентативным собранием текстов билингвальной речи данного типа: русскоязычной речи, испытывающей интерферентное влияние материнских языков тюркской группы, которые в настоящее время являются средством обыденного общения вследствие особенностей языковой ситуации региона, послужит ценным источником научных исследований в области социолингвистического, психолингвистического и когнитивного аспектов языкового взаимодействия.

Литература

1. Резанова З.И., Веснина Г.Ю. Подкорпус русской речи билингов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки корпуса // *Вопр. лексикографии*. – 2016. – № 1 (9). – С. 29–39.
2. Мишанкина Н.А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2014. – № 389. – С. 28–37.
3. Резанова З.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: типологически релевантные параметры сбалансированности и репрезентативности // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. – 2015. – № 1 (33). – С. 38–50.
4. Sologub O., Rezanova Z., Temnikova I. The Concept of the Tomsk Regional Corpus: Balance and Representativeness // *The XXV annual international academic conference, Language and culture, 20–22 October 2014 / Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 154 (2014). – P. 175–178.
5. Мишанкина Н.А., Филь Ю.В. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура // *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: Материалы научных экспедиций*. – Вып. 12. – Благовещенск, 2015. – С. 38–49.
6. Копотев М. Введение в корпусную лингвистику. – Прага, 2014. – 194 с.
7. Sinclair J. EAGLES. Preliminary recommendations on Corpus Typology. EAG--TCWG--CTYP/P. Version of May, 1996. – URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES/corpusstyp/corpusstyp.html> (дата обращения: 05.05.2017).
8. *Национальный корпус русского языка*. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.05.2017).

9. *Līdzsvarots mūsdienu latviešu valodas tekstu korpus.* – URL: <http://www.korpuss.lv/> (дата обращения: 05.05.2017).
10. *Британский национальный корпус British National Corpus.* – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 05.05.2017).
11. *Международный корпус английского языка = International Corpus of English.* – URL: <http://icescorpus.net> (дата обращения: 05.05.2017).
12. *Словацкий национальный корпус.* – URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 05.05.2017).
13. *Чешский национальный корпус.* – URL: <http://ucnk.ff.cuni.cz> (дата обращения: 05.05.2017).
14. *St. Petersburg Corpora of hagiographic Texts XV–XVII centuries.* – URL: <http://project.phil.ru/skat> 13. (дата обращения: 05.05.2017).
15. *Полинская М., Рахилина Е.В., Выренкова А.С.* Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // *Вопр. языкознания.* – 2014. – № 3. – С. 3–19.
16. *The Russian Learner Corpus (RLC).* – URL: <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/>. <http://web-corpora.net/RLC> (дата обращения: 05.05.2017).
17. *Петрова К.* Проект о создании корпуса устной речи русско-болгарских билингов. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2727/petrova.pdf> (дата обращения: 05.05.2017).
18. *Савчук С.О.* Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы.* – М., 2005. – С. 62–88.
19. *Социолингвистическая анкета.* – URL: <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic> (дата обращения: 05.05.2017).
20. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*, 50 (4). P. 940–967. – URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/> (дата обращения: 05.05.2017).
21. *Лурья А.Р.* Язык и сознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 319 с.
22. *Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде науч. докл. .... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 90 с.
23. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 446 с.
24. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
25. *Карасик В.И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс.* – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
26. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи.* – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–99.

SUBCORPUS OF ORAL SPEECH OF RUSSIAN-TURKIC BILINGUALS OF SOUTHERN SIBERIA: TYPOLOGICALLY RELEVANT SIGNS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 105–118.

DOI: 10.17223/22274200/11/7

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru / rezanovazi@mail.ru

Keywords: corpus of bilinguals, Russian-Turkic bilingualism, meta-marking, oral subcorpus, languages of South Siberia.

The article describes the typological relevant parameters of the oral speech subcorpus of Russian-Turkic bilinguals (Russian-Tatar, Russian-Shor, Russian-Khakass bilingualism) which is being created in the framework of the South Siberian languages research project. This corpus will be used as an empirical basis for linguistic, psycholinguistic and linguocognitive studies of the forms of bilingual (multilingual) interference.

The author used the EAGLES project standard as the basis for the typological specification of this corpus. The most important signs of the subcorpus are: language of the text subcorpus: monolingual subcorpus (Russian language texts); form (mode) of speech: transcription of oral speech; form of the represented national language: the local version of the Russian language; discursive forms of texts: texts of oral everyday and (more rarely) journalistic communication; genre forms of texts: story, conversation, reminiscence, etc.; time attribution of texts: modern; types of correlation of languages the author of the texts used: Russian-language texts created by people with Russian as a non-mother tongue, languages of contacting: languages of the Turkic family: Shor, Tatar, Khakass.

The texts of the subcorpus should reflect the sociolinguistic and psycholinguistic factors of interference in interlingual interaction; this influences the characteristics of its meta-marking. Meta-markup includes not only the generally accepted information (date of birth, sex, education, social position of the informant), but also information on the languages that the author of the text speaks, and their functional relationship.

The author uses two informant questionnaires to form this aspect of meta-markup 1) the sociolinguistic questionnaire and 2) the language questionnaire of a bilingual. The first questionnaire includes 41 questions detailing information about the informant: the time and place of birth, residence, education, professional activity, relatives for various types of kinship, the nature of the acquisition and use of languages. The second questionnaire was developed by Marian, Blumenfeld and Kaushanskaya. This questionnaire includes 14 blocks of signs characterizing the acquisition and use of languages by the informant. In the meta-markup of the subcorpus, the author includes only the basic parameters from these questionnaires. These are the signs that determine the essential aspects of the interaction of languages in the cognitive and communicative bilingual system: whether the language is native (parent) or non-native according to the self-evaluation of the informant; is it used actively VS passively during the recording of the text in different forms of communication, the first VS second order of mastering the language; written VS oral; household VS official VS aesthetic VS other spheres of preferential use.

The user of the subcorpus can access the extended information, the full content of the questionnaires via the system of references. Parametrization of the text includes the following features: the form (mode) of the text (oral), the type of communication (monologue vs. dialogue vs. polylogue); type of discourse (personal vs. institutional), types of speech genres (informative vs. evaluative vs. etiquette vs. imperative); specific genres (story vs. conversation vs. reminiscence vs. message vs. conversation, etc.); theme of the text (wedding vs. meeting with friends vs. my parents vs. schooling vs. visiting a theater, etc.).

References

1. Rezanova, Z.I. & Vesnina, G.Yu. (2016) Meta-data and annotation design of the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus in the structure of the Tomsk Regional

Corpus. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/3

2. Mishankina, N.A. (2014) Linguistic corpus “Tomsk regional text”: theoretical and methodological background of the project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 28–37. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/389/4

3. Rezanova, Z.I. (2015) Tomsk Regional Corpus: typologically relevant parameters of balance and representativeness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 38–50. (In Russian).

4. Sologub, O., Rezanova, Z. & Temnikova, I. (2014) The Concept of the Tomsk Regional Corpus: Balance and Representativeness. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 175–178.

5. Mishankina, N.A. & Fil', Yu.V. (2015) Lingvisticheskiy korpus “Tomskiy regional'nyy tekst”: kontseptsiya i struktura [Linguistic corpus “Tomsk Regional Text”: concept and structure]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. – Materialy nauchnykh ekspeditsiy*. 12. pp. 38–49.

6. Kopotev, M. (2014) *Vvedenie v korpusnyu lingvistiku* [Introduction to corpus linguistics]. Prague: Animedia.

7. Sinclair, J. (1996) *EAGLES. Preliminary recommendations on Corpus Typology. EAG-TCWG-CTYP/P. Version of May, 1996*. [Online]. Available from: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES/corpus/corpus.html>. (Accessed: 05.05.2017).

8. The National Corpus of the Russian Language. [Online]. Available from: <http://www.ruscopora.ru/>. (Accessed: 05.05.2017).

9. Korpuss.lv. (c. 2007) *Līdzsvarots mūsdienu latviešu valodas tekstu korpuss* [Balanced textbook of the contemporary Latvian language]. [Online]. Available from: <http://www.korpuss.lv/>. (Accessed: 05.05.2017).

10. The British National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (Accessed: 05.05.2017).

11. The International Corpus of English. [Online]. Available from: <http://icccorpora.net>. (Accessed: 05.05.2017).

12. The Slovak National Corpus. [Online]. Available from: <http://korpus.juls.savba.sk>. (Accessed: 05.05.2017). (In Slovak).

13. The Czech National Corpus. [Online]. Available from: <http://ucnk.ff.cuni.cz>. (Accessed: 05.05.2017). (In Czech).

14. St. Petersburg Corpora of hagiographic texts of the XV–XVII centuries. [Online]. Available from: <http://project.phil.pu.ru/skat>. (Accessed: 05.05.2017).

15. Polinskaya, M., Rakhilina, E.V. & Vyrenkova, A.S. (2014) Grammatika oshibok i grammatika konstruktivnykh: “eritazhnyy” (“unasledovannyy”) russkiy yazyk [Grammar of errors and grammar of constructions: “eritazhnyy” (“inherited”) Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–19.

16. The Russian Learner Corpus (RLC). [Online]. Available from: <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/>. <http://web-corpora.net/RLC>. (Accessed: 05.05.2017).

17. Petrova, K. (n.d.) *Proekt o sozdanii korpusa ustnoy rechi rusko-bolgarskikh bilingvov* [Project on the creation of the corpus of oral speech of Russian-Bulgarian bilinguals]. [Online]. Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/2727/petrova.pdf>. (Accessed: 05.05.2017).

18. Savchuk, S.O. (2005) Metatekstovaya razmetka v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: bazovye printsipy i osnovnye funktsii [Metatext marking in the National

Corpus of the Russian language: basic principles and basic functions]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [The National Corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik.

19. Iling-ran.ru. (n.d.) *Sotsiolingvisticheskaya anketa* [Sociolinguistic questionnaire]. [Online]. Available from: <http://iling-ran.ru/main/departments/ural-altaic>. (Accessed: 05.05.2017).

20. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967. [Online]. Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/>. (Accessed: 05.05.2017).

21. Luriya, A.R. (1998) *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Rostov-on-Don: Feniks.

22. Kibrik, A.A. (2003) *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Analysis of discourse in the cognitive perspective]. Philology Dr. Diss. Moscow.

23. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Translated from French. Moscow: Kastal'.

24. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis.

25. Karasik, V.I. (200) *Yazykovaya lichnost': institucional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena. pp. 5–20.

26. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1'28:811.161.1'374:39

DOI: 10.17223/22274200/11/8

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме лексикографического представления русской диалектной фразеологии как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью. В словарной практике диалектные фраземы фиксируются преимущественно как иллюстративный материал. Идея настоящего проекта – систематизированное описание данного пласта народной культуры с учетом мотивационных пресуппозиций, концептуального наполнения и способности выступать в качестве вербального кода культурного текста (обрядов, ритуалов и др.).

Ключевые слова: диалектная лексикография, культурная семантика диалектных фразем, этностереотипы русского языкового сознания.

Актуальность обращения к словарному представлению русской диалектной фразеологии «поддерживается» активно разрабатываемым в последние десятилетия этнолингвистическим и лингвокогнитивным лексикографированием «знаков культуры».

В современной лексикографии обнаруживается несколько вариантов представления семантики культурно маркированных языковых единиц, включающих фразеологизмы наряду с лексикой и текстами малых фольклорных жанров:

1) энциклопедическое описание традиционной культуры народа или близкородственных народов по данным мифологии, этнографии, фольклора, народных промыслов и т.п. Это чаще всего тематические сборники материалов без комментариев, например серия выпусков Свердловского областного дома фольклора «Традиционная народная культура Урала» [1], а также многочисленные издания (часто дублирующие друг друга), посвященные народному календарю («Календарь русской природы» [2], «Земледельческий календарь» [3] и др.);

2) описание локальной культурно-языковой традиции по данным народной обрядности, фольклора, например «Этнолингвистический

словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [4]. В словаре представлены диалектная лексика и фразеология, тематически связанные со свадебной обрядностью Северного Прикамья (между реками Чусовая и Печора);

3) анализ базовых концептов культуры через выявление закреплённых культурных смыслов в языковых знаках разной природы. Отдельные фрагменты такой модели обнаруживаются в том числе во фразеологических словарях. Первым опытом такого рода стал историко-этимологический словарь «Русская фразеология» [5], в котором представлено сюжетное изложение историко-этимологической версии исходного образа фразеологизмов русского **литературного** языка. Ценным представляется привлечение авторами данного словаря фактов русского быта, истории, народных верований, обычаев и обрядов.

Идея, связанная с необходимостью «вписать» идиому в широкий социокультурный контекст, находит дальнейшее развитие в фундаментальном лексикографическом труде «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [6]. Здесь впервые описывается ситуация употребления фразеологизма как «знака культуры». В зону культурологического комментария включаются исторические факты, сведения о связи фраземы с фольклорной традицией, аксиологические доминанты русской ментальности и т.п.

Русская диалектная фразеология – богатейший пласт традиционной народной культуры, однако в систематизированном виде этот языковой материал до сих пор не получил отражения в специальных изданиях. Диалектная фразеология используется лексикографами преимущественно лишь в качестве иллюстративного материала в словарях диалектной лексики. К собственно фразеологическим диалектным словарям относится «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» [7], который выполнен в традиционном ключе – как конкорданс фразем с толкованием их значений и контекстами употребления. Еще один из наиболее значимых – словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» [8]. Данное издание относится к словарям идеографического типа.

Приступая к составлению фразеологического словаря, каждый исследователь определяет в первую очередь свою позицию в отношении структурно-семантической специфики и объема понятия «фразема». В определении фраземы мы исходим из ее понимания

как устойчивой, воспроизводимой, имеющей структуру предложно-падежной формы, словосочетания и предложения единицы, для которой характерны экспрессивность и/или образность (см., например: [9, 10, 11]), основанная *на переносном осмыслении исходной когниции*. Последний параметр вводится нами как особо значимый для выявления мотивационных пресуппозиций и концептуального наполнения фраземы, в том числе транслируемой ею лингвокультурной информации.

Диалектная фразеология «охватывает» отсутствующие в литературном языке и регулярно воспроизводимые в говорах устойчивые выражения, обладающие семантической слитностью и образностью, а также общенародные единицы, характеризующиеся в говорах формальным и/или семантическим варьированием компонентов. В соответствии с этим определением можно выделить следующие основные типы диалектных фразеологических единиц (далее – ФЕ):

1. **Семантический тип** диалектных ФЕ, имеющих в говорах значение, отсутствующее у литературного варианта, или не являющихся фраземами в литературном языке, где они выступают как свободные словосочетания: *До небес подымать*. Врать, преувеличивать. *Ты чё ей поверила-то, она-ить всё до небес подымат*. Алап., Свердл. (ср. лит. *Возносить, перевозносить до небес* в значении «чрезмерно высоко оценивать, восхвалять»); *Дразнить собак*. Шататься, слоняться без дела. *Не к какой работе не заучаешься, будешь собак дразнить*. Смол. [12. Т. 8. С. 168]. Ср. лит. *дразнить собак* в значении «намеренно задираться, вызывая агрессию, раздражение собеседника»; *Другая половина*. По суеверным представлениям – одно из названий домового или лешего. Ср. значение устойчивого перифраза *моя вторая половина* – об одном из членов супружеской пары, преимущественно о жене.

2. **Лексический тип** диалектных ФЕ, которые соотносительны по значению с литературными, но включают в свой состав диалектную лексику: *До пристали*. До изнеможения, до упаду. *Работали до пристали*. Шенк., Арх. *Делали до пристали, а в гору не высыпали*. Арх. *До пристали накосилась, ажно бок заболел*. Онеж. [Там же. Т. 31. С. 409]; *До пристатку*. До изнеможения. *Не работай до пристатку*. Перм. *До пристатку находилась*. Киров., Волог., Арх. [Там же. Т. 31. С. 412]. *С утра до ночи без выходных вrabливат, до пристатку*. Ирбит., Свердл.; *Еры́кнуть в лужу*. Попасть в неловкое,

глупое положение, сесть в лужу. *Одно словечко ляпнул, ровно в лужу ерыкнул. Уж молчал бы.* Кашин., Твер. [12. Т. 17. С. 180].

3. **Грамматический тип** диалектных ФЕ, в состав которых входят собственно диалектные словоформы: *Доходный до Бога*. О человеке, угодном Богу, просьбы которого Бог якобы исполняет. *Васька-то юродивой, говорят, он доходный до Бога, он таким-то, Бог-то, помогает* (Талиц. Свердл.); *Дум думать*. Предаваться размышлениям. *Спать я не сплю, Крепко дум думаю.* Нолин., Вят. Ср.: Дум. Дума, размышление [Там же. Т. 8. С. 253]. Ср. лит. ФЕ *думу думать* с тем же значением, но с другой управляемой словоформой существительного ж.р.

4. **Мотивационный тип** диалектных ФЕ, проявляющий вариативность (различие) образности внутренней формы [13] диалектного и литературного фразеологических коррелятов с тождественным значением. Этот тип обычно специально не выделяется, но, с нашей точки зрения, он не менее значим для фиксации специфики диалектной фраземы: *Клюквой торговать*. Испытывать уныние, тоску, скучать. *Что ты один сидишь, клюквой торгуешь, шёл бы в клуб, там все девки сейчас, ребята* [14. С. 125]. Ср. лит. *нос повесить* с тем же значением; *Быть и в кольях, и в мялях*. Все испытать, пройти сквозь огонь и воду. *Он и в кольях, и в мялях был, всяко испытал на веку-ту* (Талиц. Свердл.); *Быть и на печке, и под печкой, и в сохе, и в бороне*. Побывать в различных жизненных ситуациях: *Везде была: и на печке, и под печкой, и в сохе, и в бороне* (Ачит. Свердл.); ср. лит. *пройти сквозь огонь, воду и медные трубы*. См. также: *в брови резать*. Говорить в глаза то, что думаешь: *Она слова-те не выбирает, че думат, то в брови режет* (Артинск. Свердл.). Ср. лит. *резать (правду-матку) в глаза*.

Характер мотивационной пресуппозиции, лежащей в основе разного переосмысления исходной для фраземы когнициии, позволяет судить об операциональной природе данного процесса. Можно выделить несколько векторов образной мотивации диалектных ФЕ, причем этот процесс универсален и отмечается в большей или меньшей степени во всех говорах:

а) переосмысление первичного (буквального) значения слова / словосочетания на основе предметно-символической метафоры: *Ад раскрыть* – ‘громко кричать, ругаться, скандалить’: *Чего ад-то раскрыл?* [15. Т. 1. С. 13], ср. диал.: *ад, адина* ‘рот, горло, глотка’. В снятом виде в мотивации данной ФЕ представлен образ ада как

символического места мучений грешников (стенающих, кричащих и т.д.);

б) переосмысление прямого значения лексического компонента ФЕ на основе метонимической мотивационной пресуппозиции: **Кармана нету** – ‘нет денег’: *Что делать, если кармана нету* [14. С. 120];

в) переосмысление прямого значения устойчивого словосочетания на основе экспрессивно-оценочной мотивационной пресуппозиции: **Занеть (затянуть) аллилуйю** – ‘долго и нудно твердить одно и то же’, ‘нести вздор’ (Красноуф.); ср. *петь аллилуйю* – о заключительной части молитвы, когда многократно повторяется возглас «аллилуйя», восхваляющий Бога; в лит яз. ФЕ имеет значение «непомерно восхвалять кого-либо». Значение диалектной фраземы приобретает сниженно-профанный характер отрицательной оценки формы и содержания речи.

В свете сказанного представляется продуктивной идея описания русской диалектной фразеологии как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью и транслирующего особый тип традиционной народной ментальности.

Модель представления в словаре культурных смыслов диалектных ФЕ должна, на наш взгляд, включать такие основные параметры, как:

а) характеристика денотативной отнесенности ФЕ, при этом в особых комментариях нуждаются полифункциональные объекты номинации: предметы, атрибуты и действия, которые могут в одних ситуациях выступать как обыденные, в других – как культурно маркированные;

б) характер эталонных сравнений [16], аксиологических стереотипов, лежащих в основе образной семантики диалектных ФЕ;

в) характеристика системных связей ФЕ (в частности, через выявление наборов системно значимых семантических оппозиций культурного знака);

г) народная метаязыковая рефлексия, основанная на показаниях языкового сознания диалектоносителей, зафиксированная в контекстах употребления ФЕ;

д) возрастная, территориальная, гендерная, социальная отнесенность выражаемой ФЕ культурной информации (данный компонент семантизации должен учитываться при описании дополнительных,

периферийных признаков значения фраземы, в разной степени актуальных для носителей языка);

е) «вписанность» значения ФЕ в широкий культурный контекст через ритуал, обряд, обычай, фольклор и т.п. [17].

При выборе способа толкования знака следует учитывать две ситуации: 1) культурно значимая информация об обозначаемом формально выражена (внутренней формой фраземы, культурно маркированными онимами, языковыми единицами, представляющими базовые концепты культуры и т.п.); 2) культурно значимая информация формально не выражена.

В первом случае возможность «считывания» этнокультурной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации их мотивированности, денотативной «привязки» и/или пояснения их системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку культурный компонент составляет основу семантики этих единиц. Ср., например:

➤ толкование ФЕ через отсылку к культурно маркированному мотиватору: **В верш попасть**. Попасть впросак [14. С. 25]. Ср. *верша* – один из атрибутов традиционных народных промыслов: плетенная из прутьев рыболовная ловушка, попадая в которую через узкое отверстие-вход, рыба не может выйти обратно;

➤ выявление базовых культурных смыслов через денотативные признаки лексических компонентов ФЕ. Так, денотативной когнитивной, которая обрабатывается фраземой **В колья, в мялья**, является буквальный смысл этого выражения («отходы при первичной обработке льна, конопли»), отсылающий к сфере народных промыслов. Вторичные смыслы – «на все случаи жизни», «на все руки мастер», «как попало, небрежно обращаться с чем-л.» – соотносятся с эталонами положительной оценки рукодельного мастерства и одновременно с отрицательной оценкой небрежности в работе;

➤ толкование ФЕ через анализ системных связей единиц одной лексико-семантической парадигмы. Ср., например, фразему **На кой ляд** – бран. «выражение неудовольствия, нежелания делать что-л., связываться с чем-л.», которая объясняется диалектоносителями через контексты, включающие табуированные обозначения нечистой

силы и эксплицитно представленное слово, подвергнутое условной замене: *На кой ляд, на кой леший он с имя связался* (Слобод.). Соотнесение прямого и табуированного обозначений нечистой силы осуществляется в контексте-толковании посредством устойчивых словесных формул, нанизываемых одна на другую и употребляемых в качестве вариантных: *ляд* ‘нечистый, черт’ выступает как замена слова *леший*. Данные вариантные названия являются системно закрепленными и фиксируются не только в диалектных словарях. Такого рода обозначения нечистой силы следует, по-видимому, считать уже десакрализованными и десемантизированными: они, как правило, имеют междометный характер, не выполняют номинативной функции и выражают экспрессивную оценку ситуации. Ср. диал. выражение *на лешак напился* с пометой «бранное» [18. С. 74]; стилистически маркированные варианты фразеологических оборотов *на кой ляд // черт // бес // дьявол // шут // леший // пес // хрен // прах* «прост.» [19. С. 519]; ср. также прост. ‘выражение негативного отношения, недовольства, негодования и т.п.’ *да ну тебя (вас, всех вас, его, её, их) к ляду // к черту // к аллаху // к дьяволу // к бесу // к лешему // к бабушке* [20. С. 149].

Другой вариант семантизации выбирается, если лексические маркеры культурных смыслов отсутствуют, т.е. культурная информация имплицитна (речь идет, в частности, об общеупотребительных словах, приобретающих культурные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами). Лексикографическая фиксация должна при этом учитывать внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Ср., например, случаи невыраженности сакрального компонента идиомами, для интерпретации которых необходим широкий этнокультурный контекст: *Место глядеть* ‘в свадебном обряде смотреть дом и хозяйство жениха’. Именно дом в традиционной народной культуре имеет особое значение, поскольку это единственное сакрально гарантированное пространство, в котором человек чувствует себя защищенным от бед, от действий нечистой силы. Дом – основа благополучия рода, средоточие жизненных ценностей, внутреннее, безопасное пространство, свое, в противоположность внешнему, опасному, чужому. Поэтому при переезде на другое место (в данном случае – невесты в дом мужа) нужно предварительно убедиться в основательности, надежности и, следовательно, безопасности нового жилища.

Подобные случаи имплицитно представленной в значении свадебной обрядности демонстрирует фразема **Свекровку волочить** – ‘катать по селу после свадьбы мать жениха’. *На второй день свадьбы свекровку волочили. Она сидела, пряла куделю в санках, промеж ног бутылка, где останоятся, свекровка по рюмочке подает прохожим* [4. С. 34].

Выявление культурных смыслов диалектных ФЕ может осуществляться и через указание на символические функции обозначаемого. Ср. **даром – за амбаром** – о ситуации беспредметного торга: за все надо платить (ср. синонимичную шутливо-разг. сентенцию *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*): *Думаешь даром? Даром – за амбаром. Заняла денег-то* [14. С. 63]. При семантической диффузности символа (каковым является в данной ФЕ слово *амбар*) описывается круг наиболее значимых культурных функций с приведением типовой метафоры: «*Амбар*. Др.-рус. *житница*, хранилище жита, связанное в ритуально-магической практике с обеспечением урожайности и плодородия. В амбаре совершались мажоритарные действия, связанные преимущественно с жнивной, а также с новогодней, иногда свадебной обрядностью. Широко распространен обычай хранить в амбаре жатвенную «бороду» – последний сноп или венок жатвенный. Полный амбар – метафора хорошего урожая и богатства (ср. рус. *полные закрома*)» [Там же. С. 104].

Приведем также другие виды культурной информации, содержащейся в значениях диалектных ФЕ и требующей лексикографической интерпретации:

➤ фразеологические эвфемизмы. Например, **Кумоху наспать** – эвфемистическое обозначение лихорадки через термин родства. Считалось, что с этого дня (10 марта) на людей нападала кумоха – ‘вешняя дрема’: *Сон валит слабых с ног, всё время хочется спать. Запрещается спать днём, иначе нападёт Кумоха. Считалось, что с этого дня опасно спать вечером. Говорили: «Кто спит под вечер, тот наспит Кумоху».* *Кумоха – лихорадка. Если в этот день сорвётся с крючков дверь в избу, то может войти кумоха и принесет болезнь или смерть, пожар или мор. Кумоха живёт в дремучем лесу в непокрытой избе с сестрами-лихорадками* (Бутк. Свердлов.) ФЕ, восходящие к оценочным эталонам социального статуса крестьянина, особенностей его убогого быта. Например, **В угол рожей // побанному крыты // по-рогожному шиты** – ‘никудышный, никчемный, хуже других’: *Ступай, что мы тут тебе в угол рожей что ли,*

по-банному крыты, по-рогожному шиты? Не хуже других! [14. С. 47];

➤ ФЕ, транслирующие информацию о сакральных практиках народной медицины. Например: **Зааминить вереды // Зааминить чирьи**: *Зааминю все чирьи, все вереды*. (При болезни глаз) лекарка зааминивает зрачки на утренней заре и вечерней. В суеверном представлении – ‘оградить себя от какого-нибудь неприятного обстоятельства, беды произнесением слов *аминь будь*’: *Старик его [черта] там опять и зааминил* [12. Т. 9. С. 238];

➤ ФЕ, транслирующие культурную информацию о взаимодействии человека с нереальным миром, обрядовых действиях по предсказанию будущего. Например: **Слушать (послушать, гадать) на расстанях** – ‘обряд гадания девушек в святые вечера, или на Святках, когда они выходили на развилку дороги, чтобы по дорожным звукам определить свою судьбу’ [Там же. Т. 34. С. 226]: *Гадали на расстанях: падут к земле, где послушается, туда и замуж выйдут. На расстани ходили в Новый год ворожить. А вон заулок да улица сошлись, вот тебе и расстань. Бегали на расстань слушать, откуда колокольцы услышишь, туда и замуж выйдешь // Перед Крещеньем Святки называются, святые вечера. Все, значит, девки, бабы, мужики – те не ходят, только галятся, а эти-то все наладились и гадают, всяко место. Ворóжат на свечках с зеркалам, валенок бросают, на картах – всяко место. Колоду кумошáт, надо, чтоб неиграна была, ложат под подушку и надо сказать, что я тебя всю ложу, а ты мне только суженого покажи. И во сне приснится, кто* (Бутк. Свердл.);

➤ ФЕ, отражающие народные представления о нечистой силе (домовых, леших, кикиморах, русалках и т.п.), добрых и злых духах, помощниках человека и тех, кто ему вредит. Такие фраземы могут приобретать характер оберегов. Например, **Ангелы по углам, хранители по очагам** – ‘оберег на все случаи жизни’: *Ложуся я спать на Христову печать, на Богородицыну руку. Ангелы по углам, хранители по очагам, сам Иисус Христос во дворе и вокруг нашей хоромы. Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу. Аминь. Крест креститель, крест святитель, крест церковна красота. Пресвятая матушка Богородица, спаси и сохрани* (здесь можно перечислить всех, кому вы хотите здоровья пожелать) *на каждый день, на каждый час, на каждую минуту. Господи, ты нас благослови! Аминь. Эта*

молитва-оберег читается перед сном за здоровье домочадцев, воинов, за сохранность дома, хозяйства (Бутк. Свердлов.).

Данная ФЕ отражает обычай на Крещение обходить дом с церковной свечкой и рисовать во всех углах и над окнами крестики, считалось, что в таком случае углы будут защищены ангелами-хранителями. Компонент ФЕ *хранители по очагам* отражает традиционное представление о домашнем очаге как месте обитания духа, защищающего дом (см. *домовой, Чур, Пенаты*) [21. Т. 2].

Подводя итог, еще раз подчеркнем значимость выделенных типов культурной информации для лексикографического представления диалектной фразеологии. Введение в словарную статью многоуровневого культурологического комментария позволяет системно охарактеризовать диалектный фразеологический континуум как фрагмент традиционной народной языковой картины мира. Такой комментарий демонстрирует связь образного содержания фразеологизма с мифологическим, фольклорным, библейским и другими кодами культуры. Представленная в статье модель лингвокультурологической интерпретации диалектных ФЕ не является универсальной, однако предложенные параметры комплексного словарного описания данного языкового материала обладают, на наш взгляд, достаточной операциональностью и могут быть использованы в современной антропоориентированной лексикографической практике. В настоящее время авторами статьи в заявленном ключе разрабатывается новый лексикографический проект, в котором русская диалектная фразеология будет представлена с учетом предложенной модели. Лингвокультурологический комментарий в данном словаре должен стать базовым компонентом дефиниции ФЕ, что позволит системно представить аксиологические доминанты носителя современных русских говоров.

Литература

1. *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала: Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. – Вып. 3. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. – 199 с.
2. *Стрижев А.Н.* Календарь русской природы. – М.: Колос, 1993. – 320 с.
3. *Круглый год: Русский земледельческий календарь / сост. А.Ф. Некрылова.* – М.: Правда, 1991. – 496 с.
4. *Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 2004. – 359 с.
5. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

6. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
8. *Алексеев М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. – 238 с.
9. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. *Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Кн. дом «Либроком», 2012. – 456 с.
11. *Никитина Т.Г.* Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1998. – 208 с.
12. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина. СПб.: Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49.
13. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 394 с.
14. *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* и др. У народа – как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 273 с.
15. *Словарь говоров Русского Севера* / под ред. А.К. Матвеева. – Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 252 с.
16. *Гридина Т.А.* Предметные эталоны образной номинации в сознании диалектоносителя // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2013. – №11. – С. 141–147.
17. *Коновалова Н.И.* Лексические фрагменты языковой картины мира в свете ментальности диалектоносителя (исследовательский проект) // Урал. филол. вестн. – Сер.: Психолингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 42–60.
18. *Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
19. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
20. *Меликян В.Ю.* Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта, 2001. – 240 с.
21. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого, С.М. Толстой.* – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1–5.

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF DIALECTAL PHRASEOLOGY: A CULTURAL-LINGUISTIC ASPECT

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 119–131.

DOI: 10.17223/22274200/11/8

Tatiana A. Gridina, Nadezhda I. Konovalova, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatyana_gridina@mail.ru / sakralist@mail.ru

Keywords: dialect lexicography, cultural semantics of dialectal phrases, ethnostereotypes of Russian linguistic consciousness.

The paper focuses on **the problem of the lexicographic presentation of Russian dialectal phraseology** as the phenomenon having its own linguocultural value, with specification of ethnolinguistic and linguocognitive information conveyed by this layer of traditional folk culture.

This linguistic material has not attained its systematic presentation in specialized lexicographic editions so far. Dialectal phraseology is mainly used by lexicographers as illustrative material in dialect dictionaries.

The aim of the current study is to develop a complex lexicographic model for interpretation of meanings and cultural senses of dialectal phrasemes, which convey a specific type of traditional folk mentality.

The material under analysis is phraseological units functioning in modern Russian dialects. The phrasemes are taken from dialect dictionaries and from the card-files of Ural State Pedagogical University including the units traced by the authors of the paper in the speech of dialect speakers (the sample size is over 2300 units).

The research methods include the traditional methods of classification and structural-semantic analysis, the procedures of linguocognitive “portraying” the phraseme on the basis of motivational presuppositions; interpretation of phraseological units as “cultural signs” was fulfilled by means of analyzing non-verbal codes of ethnolinguistic information (customs, rites, myths, symbols).

The research procedure. *At the first stage* of the research different types of the phrasemes were identified taking into account their structure and/or semantics as compared with literature phraseological units. Such types comprise semantic, lexical, grammatical and motivational phrasemes. The character of motivational presupposition underlying the formation of the initial imagery in the phraseme was foregrounded to characterize the operational nature of this process. *At the second stage* parameters for interpretation of cultural senses of Russian dialectal phrasemes were determined. *At the third (final) stage* the identified parameters describing the ethnolinguistic and linguocognitive context of dialectal phrasemes functioning were taken into account to develop the complex model of lexicographic presentation.

Conclusions. The lexicographic model of linguocultural interpretation of dialectal phrasemes is supposed to comprise the following parameters: 1) characterizing the denotative meaning of the phraseme with special commenting on the polyfunctional objects of nomination, i.e. subjects, attributes and actions which can be culturally marked or non-marked depending on the situation; 2) character of prototype comparisons and axiological stereotypes underlying the imagery semantics of the phraseme; 3) characterizing the language system relationships and connections of the phraseme; 4) folk metalinguistic reflection based on the evidence of dialect users’ linguistic consciousness, which is fixed in contexts of phrasemes usage; 5) age, territorial, gender, social attribution of the cultural information expressed by the phraseme; 6) “fitting” of the phraseme meaning in the wide cultural context through the custom, rite, folklore, etc.

The presented model of linguocultural interpretation of dialectal phrasemes is not entirely universal. Nevertheless, the suggested parameters of complex lexicographic description of the given language material are operational enough to be used in modern anthropologically oriented practice of lexicography.

References

1. Vostrikov, O.V. (2000) *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti* [Traditional culture of the Urals. Ethnoideographic dictionary of Russian dialects of Sverdlovsk oblast]. Vol. 3. Ekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy Dom fol'klora.
2. Strizhev, A.N. (1993) *Kalendar' russkoy prirody* [The calendar of Russian nature]. Moscow: Kolos.
3. Nekrylova, A.F. (1991) *Krughy god. Russkiy zemledel'cheskiy kalendar'* [All the year round. Russian agricultural calendar]. Moscow: Pravda.

4. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvističeskij slovar' svadebnoj terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama region]. Perm: Permskoe knižnoe izdatel'stvo.
5. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologičeskij slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
6. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologičeskij slovar' russkogoazyka. Značenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij* [A large phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
7. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologičeskij slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
8. Alekseenko, M.A., Belousova, T.P. & Litvinnikova, O.I. (2004) *Čelovek v russkoy dialektnoj frazeologii: Slovar'* [Man in Russian dialectal phraseology: dictionary]. Moscow: OOO "ITI Tekhnologii".
9. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspektj* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: Knižnyj dom "Librokom".
11. Nikitina, T.G. (1998) *Problemy izučeniya etnokul'turnoj spetsifiki frazeologii* [Problems of studying the ethnocultural specifics of phraseology]. Pskov: Pskov State Pedagogical University.
12. Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. St. Petersburg: Nauka.
13. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspektj* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gridina, T.A. et al. (2012) *U naroda – kak u prazdnika: slovar' russkoy dialektnoj frazeologii* [People like a holiday: a dictionary of Russian dialect phraseology]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
15. Matveev, A.K. (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Ekaterinburg: Ural State University.
16. Gridina, T.A. (2013) Predmetnye etalony obraznoj nominatsii v soznanii dialektonositelya [Subject standards of a figurative nomination in the consciousness of a dialect speaker]. *Psicholingvističeskie aspektj izučeniya rečevoy deyatelnosti*. 11. pp. 141–147.
17. Konovalova, N.I. (2012) Leksicheskie fragmentyazykovoy kartiny mira v svete mental'nosti dialektonositelya (issledovatel'skij proekt) [Lexical fragments of the linguistic picture of the world in the light of dialect speaker's mentality (research project)]. *Ural'skij filologičeskij vestnik. Seriya: Psicholingvistika v obrazovanii – Ural Journal of Philology. Series: Psycholinguistics in Education*. 5. pp. 42–60.
18. Lyutikova, V.D. (2000) *Slovar' dialektnoj ličnosti* [Dictionary of dialect personality]. Tyumen: Tyumen State University.
19. Molotkov, A.I. (ed.) (1986) *Frazeologičeskij slovar' russkogoazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkij yazyk.
20. Melikyan, V.Yu. (2001) *Emotsional'no-ekspressivnye oboroty živoy reči* [Emotional-expressive phrases of living speech]. Moscow: Flinta.
21. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (eds) (1995) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' v 5-ti t.* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

В.М. Грязнова

**СЛОВАРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ
«РОД ЗАНЯТИЙ / РЕМЕСЛО» КАК ИСТОЧНИК
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СЛОВАРЕЙ XIX В.)**

В статье рассматриваются словарные толкования номинаций лица со значением рода занятий, ремесла, взятые из различных по своему типу словарей первой половины и середины XIX в.: толковых, энциклопедических, словарей иностранных слов. Автор обосновывает положение о том, что подобные дефиниции могут служить источником социокультурной информации о жизненном укладе русского общества XIX в. В результате изучения названных словарных толкований автор показывает, что их содержание и структура отражают процесс дифференциации рода занятий и становления профессии в русском обществе XIX столетия.

Ключевые слова: дефиниция, словарное толкование, семантический компонент «род занятий / ремесло», синкретизм.

Как известно, прогресс человеческого общества, выражающийся в развитии техники, технологий, науки, духовной культуры, вызывает и языковые изменения. В существующей определенной зависимости развития языка от состояния общества выделяется такая черта, как влияние на языковое состояние особенностей социальной организации общества в синхронии и диахронии. Н.Ф. Алефиренко так пишет о влиянии социального фактора на развитие и функционирование языка: «Взаимоотношение между социальным и структурным в языке исторически обусловлено рождением социализованных отношений между людьми в человеческом обществе. <...> Социальный фактор – это системно организованное социальное действие разной структуры в определенной сфере человеческой деятельности. Социальный фактор в процессе речевой деятельности порождает и обуславливает конкретное проявление социальности языка» [1. С. 240].

В настоящей работе нас интересует, как жизненный уклад русского общества XIX в. повлиял на значение номинаций человека со значением рода занятий, ремесла и как данное влияние отразилось в лексикографической практике того времени.

Объектом данного исследования являются словарные толкования в дефинициях личных существительных со значением рода занятий, ремесла, взятые из различных по своему типу словарей, зафиксировавших лексику первой половины и середины XIX в.

Предмет исследования – социокультурная информация того времени, запечатленная в словарных статьях, как-то: состояние экономики, статусные характеристики трудовой деятельности, мнение носителя языка о содержании того или иного вида трудовой деятельности.

Анализ собранного материала показал, что семантический компонент «род занятий / ремесло» в значении изучаемых лексем реализуется в словарных толкованиях в виде пучка вариантных конкретных реализаций, таких, как: 1) «по роду занятий изготавливает или создает то, что названо мотивирующим словом»; 2) «по роду занятий продает то, что названо мотивирующим словом»; 3) «по роду занятий реализует каким-либо образом то, что названо мотивирующим словом»; 4) «по роду занятий выполняет какую-либо работу с помощью того, что названо мотивирующим словом»; 5) «работает, учится в ..., на».

Названные конкретизаторы семантического компонента «род занятий / ремесло» в дефинициях изучаемых лексем в словарях XIX в. описывались по-разному: 1) отдельно, разными словами; 2) отдельно, разными значениями многозначной лексемы, реализующимися альтернативно (явление строгой / нестрогой дизъюнкции); 3) совместно, в рамках одного значения (явление конъюнкции). Для целей работы информативны второй и третий случаи.

Опишем подробнее второй случай. По данным Словаря церковно-славянского и русского языка Академии Российской 1847 г. (далее Сл. 1847 г.), целый ряд многозначных существительных со значением рода занятий, ремесла имели в своей семантической структуре два разных конкретизатора (преимущественно такие, как «продает по роду занятий» и «изготавливает по роду занятий»), которые, по мнению составителей словаря, реализовались отдельно. В словарной статье разные конкретизаторы могли помещаться: а) в одном толковании, разделенные союзом *или* со значением дизъюнкции; б) в разных словарных толкованиях в рамках одной дефиниции (т.е. под цифрами 1 и 2):

– *угольщик, угольник* ‘приготавливающий уголье, или продающий уголье’ (т. 4, с. 323); *стекольщик* ‘1. делающий стекла. 2. встав-

ляющий стекла в оконницы' (т. 3, с. 224); **монументщик** 'делающий надгробные монументы, или торгующий надгробными камнями' (т. 2, с. 322); **известник** '1. торгующий известью, 2. обжигающий известь' (т. 2, с. 105); **хмелевицк** 'собиратель хмеля, или торгующий хмелем' (т. 4, с. 404); **меховицк** '1. торгующий мехами, пушным товаром, 2. сшивающий мехи' (т. 2, с. 341) и т.п.

В приведенных выше дефинициях передаются отношения двух видов дизъюнкции: строгой, или разделительной, дизъюнкции, и нестрогой, неразделительной.

Строгая дизъюнкция: 1. если не X (в наших примерах «не изготавлиет»), то Y (в наших примерах «реализует каким-либо образом»); 2. если не Y, то X (представлена в дефиниции лексемы *стекольщик*).

Нестрогая дизъюнкция: 1. либо X; 2. либо Y; 3. возможно X и Y вместе (представлена в дефиниции лексемы *угольщик*). Необходимо подчеркнуть, что третий, объединительный компонент не равен первому и второму: это «мерцающий компонент», актуализация которого основана на знаниях определенного носителя языка о мире (в нашем случае составителя словаря) и его желании вербализовать эти знания. Выбор носителем языка конструкции с разделительным союзом *или*, а не более сложной конструкции, эксплицитно указывающей на возможность совмещения / несовмещения компонентов («или то и другое вместе», «но не то и другое вместе»), свидетельствует о том, что в этих случаях «носитель языка вообще не задумывается о подобном совмещении» [2. С. 12].

Опишем подробнее третий случай. Синкретичное выражение различных конкретизаторов семантического компонента «род занятий / ремесло» следует из словарных толкований тех дефиниций, в которых в рамках одного значения зафиксированы два конкретизатора. Под синкретизмом в современной семантике понимают «конъюнктивное (одновременное) выражение значений А, Б, С... одной и той же языковой единицей (напр., морфемой, словом) на фоне существования раздельного выражения этих же значений» [3. С. 303].

По данным словарей XIX в., это характерно прежде всего для существительных, совмещающих конкретизаторы «продает по роду занятий» и «изготавливает по роду занятий». Так, в Сл. 1847 г. находим:

– *ламповщик* ‘делающий и продающий лампы’ (т. 2, с. 244); *ложечник* ‘делающий и продающий ложки’ (т. 2, с. 262); *сбитенщик* ‘варящий и продающий сбитень’ (т. 4, с.94); *блесточник* ‘делающий и продающий блески’; *лимоначик* ‘делающий и продающий лимонад’ (т. 2, с. 254); *веничник* ‘делающий и продающий веники’ (т. 1, с. 246); *вафельник* ‘пекущий и продающий вафли’ (т. 1, с. 101) и т.п.

Толкование существительных со значением «род занятий / ремесло» как синкретично выражающих различные конкретизаторы названного семантического компонента не является специфичной чертой Сл. Академии Российской 1847 г. Это черта характерна для лексикографической практики целого ряда словарей, отражающих лексику XIX в.: энциклопедических, терминологических, толковых, словарей иностранных слов:

а) энциклопедические словари. *Блинник* ‘промышляющий печением и продажей блинов’ (Сл. Толля, вып. 1, с. 275); *мрежник* ‘рыболов, кто ловит рыбу, промышляет рыбной ловлею’ (Сл. Бурнашева, т. 1, с. 406);

б) толковый учебный словарь. *Бузник* ‘кто делает и продает бузу’ (Сл. Соколова, ч. 1, с. 154); *уксусник* ‘кто приготавливает и продает уксус’ (Сл. Соколова ч. 2, с. 1562); *багрянничник* ‘торгующий багряною краскою и также красящий в багряную краску’ (Сл. Соколова, ч. 1, с. 35);

в) «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. *Калачник* ‘кто печет калачи, ими торгует’ (Сл. Даля, т. 2, с. 188); *макаронщик* ‘кто делает и продает макароны’ (Сл. Даля, т. 2, с. 755); *мороженщик* ‘делающий мороженое, торгующий им’ (Сл. Даля, т. 2, с. 910);

г) словари иностранных слов. *Мебельщик* ‘продавец мебели, приготавливающий мебель’ (Сл. Михельсона, с. 380); *мраморщик* ‘изготавливающий мраморные изделия и торгующий ими’ (Сл. Михельсона, с. 418); *газетчик* ‘тот, кто сочиняет, издает или продает газеты’ (Сл. Яновского, т. 1, с. 499).

Полагаем, что фиксация в дефинициях словарей различного типа синкретичного представления одновременно двух конкретизаторов (преимущественно «продает по роду занятий» и «изготавливает по роду занятий») является отражением специфики реалий первой половины и середины XIX в. Различные профессиональные функции лица в этот период не были разграничены достаточно четко, поэтому

существительное, реализуя одновременно два конкретизатора семантического компонента «род занятий / ремесло», проецировало сложный и неоднозначный характер самой реалии.

Особенный интерес представляет сопоставление дефиниций изучаемых имен в учебном Сл. Соколова и в академическом Сл. 1847 г.: оба словаря являются толковыми, они вышли с разрывом в 13 лет (Сл. Соколова в 1834, Сл. Академии Российской в 1847), кроме того, Сл. Соколова является одним из тех двух лексикографических изданий, которые легли в основу Сл. Академии Российской 1847 г. Часть толкований изучаемых слов составители Сл. Академии Российской 1847 г. не изменили, полностью скопировали, согласившись с представленным в Сл. Соколова мнением о отдельных или синкретичных функциях лица в рамках того или иного ремесла.

1. Совпадающие по содержанию словарные толкования в двух словарях (формы глаголов могли варьироваться).

1.1. С альтернативно описанными конкретизаторами семантического компонента «род занятий / ремесло»:

– **хлебник** ‘кто печет на продажу хлеба, или торгует хлебами’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1646) и **хлебник** ‘кто печет, или продает хлеб’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 403);

– **пуговочник** ‘кто работает, делает пуговицы, или торгует оными’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 998) и **пуговочник** ‘делающий, или продающий пуговицы’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 576);

– **дегтярник** ‘тот, который гонит, или продает деготь’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 601) и **дегтярник** ‘выгоняющий, или продающий деготь’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 316);

– **горшечник** ‘1. ремесленник, работающий горшки и глиняный товар, 2. торгующий горшками’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 540) и **горшечник** ‘работающий горшки и глиняный товар, или торгующий им’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 282) – в данном примере составители Сл. 1847 г., сохранив дизъюнктивное описание различных конкретизаторов, изменили структуру словарной статьи.

1.2. С синкретично описанными конкретизаторами семантического компонента «род занятий / ремесло» (формы глаголов могли варьироваться):

– **ведерник** ‘рукомесленник, делающий и продающий ведра’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 195) и **ведерник** ‘ремесленник, делающий и продающий ведра’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 107);

– *спичник* ‘кто серяные спички делает и продает’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1373) и *спичник* ‘делающий и продающий зажигательные спички’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 202);

– *ароматник* ‘делающий ароматы, торгующий ароматами’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 23) и *ароматник* ‘делатель, продавец ароматов’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 14) и др.

Часть толкований изучаемых слов составители Сл. Академии Российской 1847 г. изменили, не согласившись с представленным в Сл. Соколова мнением о отдельных или синкретичных функциях лица в рамках того или иного ремесла, что свидетельствует о неслучайности выбора дизъюнктивного или конъюнктивного представления в дефиниции функций «изготовителя» и «продавца», о сознательном выборе типа толкования в изучаемой группе слов и, следовательно, о содержательной разнице, вкладываемой составителями словаря в эти типы толкований.

2. Несовпадающие по содержанию словарные толкования в двух словарях (формы глаголов могли варьироваться).

2.1. В дефинициях Сл. Соколова различные функции ремесленника описаны совместно, а в Сл. 1847 г. зафиксированы дифференцированно:

– *свечник* ‘делающий и продающий свечи’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1200) и ср. *свечник* ‘делающий, или продающий свечи’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 107);

– *саечник* ‘кто печет сайки, торгующий сайками’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1109) и ср. *саечник* ‘пекущий, или торгующий сайками’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 86) и др.

2.2. В дефинициях Сл. Соколова различные функции ремесленника представлены дифференцированно, а в Сл. 1847 г. зафиксированы синкретично:

– *булочник* ‘1. хлебник, который печет крупитчатые и ситные хлебы, 2. который разносит таковые хлебы и булки на продажу’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 156) и ср. *булочник* ‘делающий и продающий булки’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 88);

– *крендельщик* ‘кто делает, или продает крендели’ (Сл. Соколова, т. 1., с. 1239) и ср. *крендельщик* ‘делающий и продающий крендели’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 219) и др.

2.3. В дефинициях Сл. Соколова названа только функция ремесленника как изготовителя, в Сл. 1847 г. синкретично зафиксированы две функции ремесленника – как изготовителя и как продавца:

– **решетник** ‘делающий решета’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1130) и ср. **решетник** ‘делающий и продающий решета’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 64);

– **часовщик** ‘художник, упражняющийся в делании часов’ (Сл. Соколова, т. 2, с. 1681) и ср. **часовщик** ‘делающий и продающий часы’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 425);

– **бисерщик** ‘рукодельник, делающий бисер’ (Сл. Соколова, т. 1, с. 88) и ср. **бисерщик** ‘делающий бисер и торгующий бисером’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 47) и др.

Полагаем, что в целом существование в словарях XIX в. неоднотипных толкований лица (как альтернативно, так и синкретично представляющих конкретизаторы семы «ремесло / род занятий») обусловлено в первую очередь существовавшей динамичной социально-экономической картиной того времени: в одних видах ремесла ремесленники были, как правило, одновременно и торговцами, в других видах ремесла функции изготовляющего и продающего уже были разграничены, в третьих видах ремесла ситуация была смешанной. Наличие указанных дефиниций отражает социально-экономический процесс дифференциации рода занятий и становления профессии в современном ее понимании, свидетельствует о том, что этот процесс был живым, выявляет его сложность, постепенность, определенную противоречивость.

Во второй половине XIX в. и в XX в. в результате вытеснения ручного труда машинным происходит сокращение рода занятий и ремесла. Этот процесс отразился и в словарных толкованиях дефиниций имен, называющих человека по роду занятий, ремеслу, профессии. Составители словарей XX в. в словарных толкованиях тех из перечисленных выше лексем, которые сохранились в словарном запасе, представляют, как правило, один из конкретизаторов семантического компонента «род занятий / ремесло / профессия»: **сбитенщик** ‘продавец сбитня’ (БАС, т. 13, с. 228); **часовщик** ‘мастер по изготовлению и починке часов’ (БАС, т. 17, с. 770); **блинник** ‘устар.: продавец блинов’ (БАС, т. 1, с. 514); **булочник** ‘пекарь, выпекающий булки’ (БАС, т. 1, с. 684).

В то же время характеристика значения подобных слов в словаре по отношению к предшествующим эпохам, на наш взгляд, должна быть более дифференцированной и вместо социально и хронологически туманных помет «в старину», «устарелое», «дореволюцион-

ное» содержать пометы экономического характера: возможно, такие, как, «ремесленное производство», «машинное производство».

Уместно отметить, что невнимание к социально обусловленным компонентам значения лексемы в разные эпохи ее существования приводит не только к неточному толкованию слова, но и к некорректным иллюстративным примерам в составе словарной статьи. Так, в дефиниции слова *булочник* в БАС после основного значения дается значение с пометой «дореволюционное» ‘частный торговец булками, владелец булочной’, которое иллюстрируется таким примером: «Портной, сапожник, булочник и многие другие торговцы сами производят товары, которыми торгуют» (курсив наш. – В.Г.) Чернышевский. Основы политической экономии Милля. Кн. 1, гл. 2. VII, 43). В этом примере существительное *булочник* имеет значение: ‘тот, кто печет и продает булки’, в то время как в БАС составителями словаря указано значение ‘частный торговец булками, владелец булочной’, а информация «изготовитель» отсутствует.

В целом дефиниция в словарях XIX столетия номинаций человека со значением рода занятий, ремесла демонстрирует общественный характер языка, обусловленный социально-экономическими факторами, а также мнением составителей словарей о жизненном укладе русского общества XIX в.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 412 с.
2. Санников В.З. Значение русских разделительных союзов: Предварительные публикации. – М.: ИРЯ РАН, 1986. – 70 с.
3. Апресян Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М., 1973. – С. 279–325.

Использованные словари и справочники

1. БАС: *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1950–1965.
2. Словарь Бурнашева: *Бурнашев Вл.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. – Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
3. Словарь Даля: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс: Универс, 1994.
4. Сл. Михельсона: *Михельсон А.Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – М., 1865.

5. Словарь Соколова: *Соколов П.* Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых... по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. С.: с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и средних учебных заведениях. – Т. 1–2. – СПб., 1834.

6. Словарь 1847 г.: *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. – Т. 1–4. – СПб., 1847.

7. Словарь Толля: *Толль Ф.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. – Т. 1–3. – СПб., 1863–1864.

8. Словарь Яновского: *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. – Ч. 1–3. – СПб., 1803–1806.

DICTIONARY INTERPRETATION OF NAMES WITH THE MEANING OF OCCUPATIONS, CRAFTS AS A SOURCE OF SOCIO-CULTURAL INFORMATION (BASED ON THE DICTIONARIES OF THE 19TH CENTURY)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 132–142.

DOI: 10.17223/22274200/11/9

Violetta M. Gryaznova, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Keywords: definition, dictionary interpretation, semantic component “occupation / craft”, syncretism.

The object of the research is dictionary definitions of personal nouns meaning an occupation, craft, taken from different types of dictionaries on the vocabulary of the first half and middle of the 19th century. The subject of the research is the socio-cultural information of the time fixed in dictionary entries.

First, the author shows that the semantic component “occupation / craft” in the meaning of the studied lexemes is realized in dictionary definitions in the form of a bundle of variant specific implementations, among which the most common are: 1) “by occupation manufactures”, 2) “by occupation sells”.

The author then describes the types of lexicographic fixation the typical specific implementations: 1) separately, by different words, 2) separately, by different meanings, realized alternatively, of a polysemantic lexeme, 3) together, within the same meaning. The author specifies that for the purposes of the research the second and third cases are informative.

Analyzing the dictionary definitions of the second group, the author identifies strict and non-strict disjunction. Strict disjunction includes the following definitions: (1) if not X (in the contexts, “does not manufacture”), then Y (in the contexts, “implements somehow”); (2) if not Y, then X (represented in the definition of the lexeme *stekol'shchik* [glazier]). Non-strict disjunction includes the following definitions: (1) either X; (2) either Y; (3) perhaps X and Y together (represented in the definition of the lexeme *ugol'shchik* [charcoal dealer]).

Analyzing the dictionary definitions of the third group, in which words denoting occupation, craft are described as syncretically expressing different specifiers of this semantic component, the author identifies that this is a common feature of definitions in dictionaries

of different types: academic explanatory, learner's explanatory, encyclopedic, dictionaries of the living great Russian language, of foreign words.

Next, the author focuses on the comparison of definitions of the studied names in the 1834 Sokolov Dictionary and in the 1847 Dictionary: both dictionaries are explanatory, they were published with a gap of 13 years. In addition, the Sokolov Dictionary is one of the two lexicographic publications that the 1847 Dictionary was based on. The compilers of the 1847 Dictionary did not change some definitions of the words, agreeing with the Sokolov Dictionary view on separate or syncretic functions of a person within a particular craft.

Part of the definitions of the studied words were changed in the 1847 Dictionary, not agreeing with the Sokolov Dictionary view on separate or syncretic functions of a person within a particular craft, which indicates the non-randomness of the selection of disjunctive or conjunctive representations of functions of "manufacturer" and "seller" in the definitions, the conscious choice of the type of definition and, therefore, the meaningful difference made by the compilers of the dictionary in these types of definitions.

Based on the above, the author concludes that in the 19th-century dictionaries definitions of categories of person with the meaning of occupation, craft reflect the process of differentiation of occupation and establishment of a profession as it is currently understood; they suggest that this process was living, complex, gradual, sometimes contradictory, and demonstrate the view of the dictionary compilers on the life of the Russian society of the 19th century.

References

1. Alefirenko, N.F. (2005) *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Contemporary problems of the science of language]. Moscow: Flinta, Nauka.
2. Sannikov, V.Z. (1986) *Znachenie russkikh razdelitel'nykh soyuzov. Predvaritel'nye publikatsii* [The meaning of the Russian disjunctive conjunctions. Preliminary publications]. Moscow: IRL RAS.
3. Apresyan, Yu.D. (1973) K postroeniyu yazyka dlya opisaniya sintaksicheskikh svoystv slova [Towards the construction of a language for describing the syntactic properties of a word]. In: Shaumyan, S.K. (ed.) *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow: Nauka.
4. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *BAS: Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language in 17 vols]. Moscow; Leningrad: Nauka.
5. Burnashev, Vl. (1843–1844) *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [The experience of the terminological vocabulary of agriculture, factories, crafts and folk life]. Vols 1–2. St. Petersburg.
6. Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow: Progress, Univer.
7. Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25000 foreign words, which were used in Russian, with the meaning of their roots]. Moscow.
8. Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar', ili Sobranie recheniy kak otechestvennykh, tak i inostrannykh, v tserkovno-slavyanskom i rossiyskom narechiyakh upotrebyaemykh ... po porucheniyu Komiteta ustroystva uchebnykh zavedeniy*

sostavlennoe P. S.: s prisovokupleniem tablits skloneniy i spryazheniy, zaimstvovannykh iz Grammatiki g. Vostokova, napechatannoy v 1832 g. i vvedennoy v upotreblenie v nizhnikh i srednikh uchebnykh zavedeniyakh [Common Church Slavonic-Russian dictionary, or Collection of utterances, both domestic and foreign, in the Church Slavonic and Russian dialects used . . . on behalf of the Committee of the establishment of educational institutions compiled by P.S.: With the addition of tables of declensions and conjugations borrowed from the Grammar of Vostokov, printed in 1832 and introduced into use in primary and secondary schools]. Vols 1–2. St. Petersburg.

9. II Division of Academy of Sciences. (1847) *Slovar' 1847 g.: Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of 1847: Dictionary of Church Slavonic and Russian]. Vols 1–4. St. Petersburg: Imperial AS typography.

10. Toll', F. (1863–1864) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya* [Desktop dictionary for reference on all branches of knowledge]. Vols 1–3. St. Petersburg.

11. Yanovskiy, N.M. (1803–1806) *Novyy slovotolkovatel', raspolzhenyy po alfavitu, sodержashchiy raznye v rossiyskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskie terminy* [A new word-interpreter, in alphabetical order, containing various foreign expressions and technical terms in Russian]. Vols 1–3. St. Petersburg.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

РУССКОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

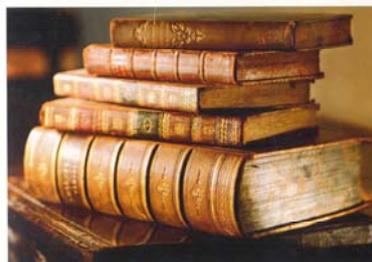
DOI: 10.17223/22274200/11/10

В. А. Козырев, В. Д. Черняк

Рецензия на книгу: **Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. – СПб.: Свое издательство, 2016. – 594 с.**

**Кто есть кто
в русской
лексикографии**

В книге представлено более 2 700 лексикографов – авторов, составителей, авторов-составителей, редакторов более 3300 одноязычных словарей русского языка XIX–XXI вв. (частично и конца XVII–XVIII в.). Сведения об отечественных лексикографах в таком объеме предлагаются впервые. Информация о лексикографах, как правило, содержит указание на год рождения (годы жизни), учёную степень, учёное звание, должность и место работы, сферу научных интересов, опубликованные труды, изданные словари. Общий список лексикографических изданий представляет собой наиболее полное библиографическое описание опубликованных отечественных словарей (более 3 300 изданий).

Свое издательство
2016

Проблемам истории и эволюции русской лексикографии были посвящены труды многих филологов С.К. Булича, Я.К. Гроа, В.В. Виноградова, Л.С. Ковтуна, Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина, Ф.П. Сороколетова, Р.М. Цейтлина, В.П. Вомперского, О.И. Фоняковой, А.С. Герда, М.А. Бобуновой, Л.А. Введенской, Л.П. Крысина, Л.А. Ивашко, Д.М. Поцепни и др.

В числе фундаментальных изданий, имеющих справочное значение, укажем книгу «Отечественные лексикографы. XVIII–XX века»

(2000), вышедшую под ред. Г.А. Богатовой. Здесь были подробно представлены библиографические материалы об отечественных лексикографах (Е.Р. Дашкова, А.С. Шишков, А.Х. Востоков, В.И. Даль, В.В. Виноградов, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и др. – всего 22 развернутых очерка), которые включали биографические сведения, отзывы современников, выдержки из некоторых выступлений лексикографов, библиографическую часть.

Однако комплексное справочное издание, подобное рецензируемой книге, в русистике появилось впервые.

В.А. Козыреву и В.Д. Черняк принадлежит ряд изданий, предшествовавших выходу данной книги и способствовавших ее подготовке: «Слово в системе словарей русского языка» (1989), «Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка», «Русская лексикография» (2004), «Русские словари от А до Я» (2014), «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (2014), «Современный русский язык. Лексикография: учебное пособие» (2016).

Издание имеет два взаимосвязанных раздела: библиографический (*personalia*) – «Авторы, составители, авторы-составители, редакторы словарей русского языка» (более 2700 лексикографов) и собственно библиографический – «Словари русского языка» (более 3300 одноязычных словарей). Соответственно, первая часть включает отсылки на те позиции второй части, которые имеют непосредственное отношение к конкретным лексикографам, что позволяет свободно ориентироваться в колоссальном лексикографическом массиве, представленном в книге.

Библиографическую основу издания составляют одноязычные (преимущественно) словари, типология которых была разработана в указанных выше работах (словари толковые, идеографические, динамические, иностранных слов, синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, словообразовательные, сокращений, сочетаемости, грамматические, синтаксические, идиоматические, идеографические, тематические, ассоциативные, ортологические, редких и устаревших слов, стилистические, языка писателей, рифм, этимологические, исторические, диалектные, разговорной речи и просторечия, жаргонные, профессиональной лексики, детской речи, ономастические, лингвострановедческие, частотные, обратные, лингвистических терминов, учебные).

Лаконичность, строгость библиографических очерков формируют концепцию книги, способствуют описанию лексикографического пространства в его системных связях.

Словарная статья первой части содержит, как правило, фамилию, имя, отчество, годы жизни, ученую степень и ученое звание, место работы, должность и изданные словари, последние сопровождаются отсылкой на порядковый номер второй части. Указываются не только лексикографические издания, но и основные научные труды лексикографов, что, в свою очередь, позволяет получить о них целостную информацию.

Нижняя временная граница представленных материалов соотнесена с началом словарного дела у восточных славян – см. Берында Памва, середина XVI в. (с. 42), Зизаний Лаврентий Иванович, XVI–XVII вв. (с. 138), Поликарпов Федор Поликарпович, XVII–XVIII вв. (с. 278). В XVIII в. начинается интенсивное развитие словарного дела в России, из известных почти трехсот лексикографических изданий этого времени значительная часть отражена в книге В.А. Козырева и В.Д. Черняк. Читатель может получить сведения о новых, «нехрестоматийных» именах и словарях. См., например: Мейер Андрей Казимирович (1742–1807) – генерал-майор, естествовед, историк, писатель, этнограф, составитель «Ботанического подробного словаря...», посвященного Екатерине II (с. 227); Кондратович Кирьяк Андреевич (1703–1788) <...> – коллежский асессор, ст. переводчик при АН; писатель и переводчик, автор сонетов, рондо, эпиграмм <...> автор словарей: «Польский общий словарь и библейный...», «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произражениях...» (с. 173); Алексеев [Алексиев] Петр Алексеевич (1727–1801) – священнослужитель Русской православной церкви (протоиерей), лексикограф, богослов и историк церкви, переводчик, член Российской академии наук; автор «Церковного словаря, или Истолкования речений словенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах...» (с. 10).

Классические лексикографические издания («Словарь Академии Российской», «Толковый словарь русского языка» в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т., «Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и др.) представлены наряду со словарями, созданными в первую очередь в вузах неболь-

шими тиражами и известных, к сожалению, узким специалистам. Значение таких изданий невозможно переоценить (см., например: Ковалев Г.Ф. «Микротопонимия Воронежской области», 2007; Гильбурд А.М. «Краткий словарь русских конверсивов», 2002; Кольцова Л.М., Чуриков С.А. «Крылатое слово А.В. Кольцова», 2012; Вахитов С.В. «Словарь уфимского сленга», 2001 и мн. др.).

Словари филологические составляют основу книги, но иногда они соседствуют со словарями специальными, имеющими терминоведческое значение, например: «Большая компьютерная энциклопедия» (отв. ред. Н.В. Дубенюк, 2007); Гладилова Г.Л. «Словарь лексики лесного сплава XVIII – первой половины XX в.» (2007); Руднев В.П. «Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты» (1999); «Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов» (под ред. П.Х. Спасского, 1924); «Географический энциклопедический словарь» (гл. ред. А.Ф. Трешников, 2003); Масленников Б.Г. «Морская карта рассказывает: справочник» (1986); Рут М.Э. «Словарь астрономов: звездное небо по-русски» (2010).

Показательно, что авторы принципиально обращаются и к «отрицательному» лексикографическому материалу. Так, в библиографических очерках, посвященных классикам отечественной лексикографии, дается краткая оценка издательской «истории» словаря, отмечаются факты переизданий, в том числе случаи модификации разного объема и качества под различными заглавиями (например, с. 110, в статье о В.И. Дале). Вводится оценка коммерческим брендам, т.е. тому, что авторы в издании 2014 г. («Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший», с. 9) называли «лексикографическими пустышками», связанными лишь весьма относительно с именем лексикографа и соответствующим словарным изданием.

Принципиальную оценку получают и лексикографические недоразумения типа эзотерического «Словаря сути слов» (2003) как псевдонаучные (с. 17).

Несомненным достижением издания является актуализация членов авторских коллективов, обычно не указываемых при описании словарей. Согласно правилам библиографического описания указываются одна-три фамилии составителей или фамилия редактора, члены же коллектива остаются нередко в забвении, а узнать что-то о них можно лишь в том случае, если обратиться к самому словарю.

В настоящем справочном издании эта лакуна восстанавливается, и круг участников словарной работы, таким образом, расширяется. В этом случае используются характеристики «участник работы над...», «член авторского коллектива», «один из составителей издания» и т.п. Представленные сведения по конкретным лексикографам, как указывают сами авторы книги, в каждом случае зависели от степени доступности информации, нередко уникальной, однако возвращение из «небытия» имен многих скромных работников русской лексикографической нивы является одним из несомненных достоинств настоящего издания.

В справочнике учтено довольно много словарей, которые можно причислить к разряду лексикографических раритетов, например: Владимирова С.Г. – автор-составитель «Полного карманного словаря буквы Ъ: список всех русских слов, которые пишутся через Ъ» (1890); Пейков Н.К. «Обратный словарь русских личных имен» (2006); «Новый палиндромический словарь-справочник русского языка» (сост. Е. Кацюба, 2002); «Словарь военных известий: объяснитель всех выражений военного и морского дела и справочная книжка, необходимая при чтении известий с Дальнего Востока» (сост. А.П. Ненашев, 1904); Масанов И.Ф. «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей (в 4 т., 1956–1960); «Словарь анаграмм русского языка» (сост. Э.М. Ривин, 2011) и мн. др.

Вторая часть – общий список словарей («Словари русского языка») не только выполняет вспомогательную функцию, дополняя часть первую, но имеет и самостоятельное значение, так как является наиболее полным на сегодняшний день библиографическим описанием русских словарей. Примечательно, что так или иначе отмечаются переиздания словарей, редакции и современные переиздания «старых» словарей.

Книга позволяет не только получить информацию о лексикографе и библиографическом факте, но и осмыслить традиции словарного дела и современные тенденции в лексикографии, соотнести словарную работу с направлениями, по которым развивается современная лингвистика.

Собственно справочная цель данного издания выдвинута на первый план, но показательна и то, что его можно, и просто читать, статью за статьей, как «книгу для чтения», каждый раз находя новые сведения.

В результате «Кто есть кто в русской лексикографии» практически исчерпывающе охватывает лексикографические издания русского языка XIX–XXI вв. и частично XVII–XVIII вв., что дает возможность говорить о надежной и функционально «гибкой» справочной информации, которую можно получить, обратившись к книге.

Под антропоцентризмом в языкознании понимается учет, прежде всего, активных процессов в языке, фактор адресата. В русской лексикографии это методика, формировавшаяся почти 300 лет, позволяющая проникнуть в живую речь и дать функциональное описание языка через словарь. Однако другая сторона лексикографического антропоцентризма – стремление увидеть человека, стоящего за конкретным лексикографическим предприятием. Такой подход, в свою очередь, позволяет осмыслить существующие словарные издания как лексикографическое пространство, наглядно увидеть проделанный путь и полученный опыт в сфере подготовки словарей.

Учитывая несомненную издательскую перспективу книги, хотелось бы порекомендовать авторам поместить тематический указатель, ориентированный на типологию словарей, хотя это и потребует увеличения объема.

Таким образом, книга В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Кто есть кто в русской лексикографии» представляет собой новое отраслевое библиографическое пособие, в котором с максимальной хронологической полнотой представлен круг отечественных лексикографов, а также результаты их словарной деятельности. Данный материал в значительной степени будет способствовать удовлетворению информационных потребностей филологов.

К.П. Сидоренко

RUSSIAN LEXICOGRAPHIC SPACE IN ALPHABETICAL ORDER. BOOK REVIEW: KOZYREV, V.A. & CHERNYAK, V.D. KTO EST' KTO V RUSSKOY LEKSIKOGRAFIИ: SPRAVOCHNAYA KNIGA [WHO IS WHO IN RUSSIAN LEXICOGRAPHY: A REFERENCE BOOK]

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 11, pp. 143–148.

DOI: 10.17223/22274200/11/10

Konstantin P. Sidorenko, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

---

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУЛЫГИНА Елена Юрьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

ГРИДИНА Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

ГРЯЗНОВА Виолетта Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

E-mail: violetta-sgy@mail.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

КАЧИНСКАЯ Ирина Борисовна – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. кафедры русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: kacza@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Надежда Ильинична – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: sakralist@mail.ru

КОЧЕРГИНА Кристина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: tinakohergina@gmail.com

ОЙНОТКИНОВА Надежда Романовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: kadynda@ngs.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: resso@rambler.ru

СИДОРЕНКО Константин Павлович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: sidorenko274@yandex.ru

СИЧИНАВА Дмитрий Владимирович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва).
E-mail: mitrius@gmail.com

ТРИПОЛЬСКАЯ Татьяна Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: tr_tatiana@mail.ru

ФЕДОТОВА Ксения Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Огина Донецкого национального университета (Украина).
E-mail: ks-weiss@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2017. № 11

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Капустур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Яacobсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное
Учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать .18.06.2017 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,75; усл. печ. л. 8,95; уч.-изд. л. 8,75.
Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 17.08.2017 г. Заказ 2675. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru